

Сергей Бурьянов

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СВОБОДЫ СОВЕСТИ В РОССИИ**

УДК 342.731
ББК 67.400.7
Б91

Автор: Бурьянов Сергей Анатольевич, к. ю. н., Институт свободы совести

ISBN 978-5-98440-065-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Свобода совести и судьба демократии в России.....	4
Глава 1	
Свобода совести в науке и образовании.	
Новая парадигма реализации свободы совести.....	6
Глава 2	
Тенденции законотворчества предпочтения власти.	
«Традиционные религиозные организации» и правовое поле.....	25
Глава 3	
Глобальный контекст и международный опыт свобода совести —	
лекарство от терроризма и столкновения цивилизаций.....	47
Глава 4	
Религиозная политика власти.	
Цели и методы религиозной политики.	
Нужна ли россии концепция отношений государства	
и религиозных объединений?.....	63
Глава 5	
Религия и политика, выборы.....	126
Глава 6	
Свобода совести и ее защита.....	148
Заключительная часть.....	176
Приложение.....	183
Об авторе.....	190

ВВЕДЕНИЕ СВОБОДА СОВЕСТИ И СУДЬБА ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

В начале демократических реформ 90-х г.г. XX века российское общество питало надежды на воплощение в жизнь демократических идеалов и ценностей, ставящих во главу угла права и свободы человека.

Несмотря на то, что авторитарный путь, как показывает исторический опыт, ведет в политический и экономический тупик, к ухудшению жизни народа и самоизоляции страны, становится очевидным, что Россия идет именно по нему.

Сегодня есть основания полагать, что идеалы гражданского общества и правового демократического государства терпят сокрушительное поражение в России, а нарушения прав и свобод человека принимают массовый характер.

Значительную роль в реализации авторитарных тенденций в современной России играет контроль и ограничение мировоззренческой сферы. Исторический опыт показывает, что без подавления свободы мировоззренческого выбора не обошелся ни один авторитарный режим.

Юридическим измерением свободы мировоззренческого выбора является право «каждого человека» на «свободу мысли, совести и религии», как их определяет ряд основных международных правовых документов (Всеобщая декларация прав человека от 12.10.1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и др.) и новейших конституций (в их числе Конституция РФ), следующих их примеру.

Большинство отечественных и зарубежных правоведов относят провозглашение свободы совести к важнейшим завоеваниям человечества, признавая, что свобода совести является неотъемлемым компонентом общечеловеческих ценностей, основных демократических прав и свобод человека.

Постепенно, начиная с античности, начали вырабатываться принципы гуманных взаимоотношений с инаковерующими, инакомыслящими, и по мере исторического развития в общественном сознании утвердилось понимание необходимости религиозной терпимости, свободомыслия, правовой защиты людей, придерживающихся различного мировоззрения.

Сегодня свобода совести непереносимое условие правовой демократии, и подавляя ее, тоталитарные режимы добиваются превращения личности в инструмент для достижения своих целей.

Новейшие тенденции религиозной политики власти позволяют предположить наличие устойчивого курса на формирование государственной идеологии, на сей раз прчущейся в религиозных одеждах. Правда, вопреки статье 13 Конституции РФ, декларирующей идеологическое многообразие.

Становится очевидным, что антиконституционные процессы в сфере свободы совести, приняли характер государственной политики и окончательно вышли из под контроля общества. Не правовые ограничения мировоззренческой сферы и нарушения властью прав человека в сфере свободы совести, использование религии в политических целях и сакрализация власти, отход

от конституционных принципов светскости государства и клерикализация институтов государства, конфессиональные предпочтения власти и мировоззренческое (в т.ч. религиозное) неравенство стали привычными и повседневными. Более того, заинтересованными кругами предпринимаются шаги по законодательному закреплению вышеупомянутых деструктивных явлений.

Власть систематически нарушает конституционные принципы свободы совести (ст.28), светскости государства и равенства религиозных объединений перед законом (ст.14), равенства прав и свобод гражданина независимо от отношения к религии, убеждений (ст. 19), составляющие основу строя, и фактически держит для этого на службе государственных чиновников и ученых для научного обоснования своей политики.

Кроме неадекватной научной разработанности власть использует устремленность многих конфессий в сферу государственных предпочтений, и даже попытки некоторых из них утвердить свою всеобщность и истинность, опираясь на принудительную силу государства.

В этих реалиях реализация основополагающих конституционных принципов в сфере свободы совести фактически является заложницей государственной вероисповедной политики и «специальных» государственно-конфессиональных отношений, конечным продуктом которых является использование религии в избирательных технологиях и сакрализация власти.

Конституционные права каждого человека на свободу совести стали жертвой ряда факторов, среди которых доминирующими являются:

- далеко не изжитые авторитарные традиции и соответствующая психология как власти, так и обыденного сознания;
- специальные интересы власти и конфессиональной бюрократии;
- научная неразработанность самой проблемы свободы совести и светскости государства.

Настоящее издание, подготовлено на основе научно-публицистических статей автора, опубликованных в газетах и сети Интернет (иностранец, Московские новости, Независимая газета, Портал-Credo.Ru, RSNews.net, Adenauer.ru, Auditorium.ru). Некоторые материалы публикуются впервые.

В книге с учетом глобального контекста и международного опыта рассмотрены центральные теоретико-правовые и законодательные вопросы свободы совести, исследовано влияние религиозной политики российской власти, в т.ч. через призму избирательного процесса. Анализу подвергнуты также вопросы нарушений и защиты законных прав религиозных объединений.

На основании представленных материалов можно получить представление о причинах кризиса реализации свободы совести, а также о механизмах взаимосвязи процессов в области религиозной политики и государственно-конфессиональных отношений с кризисом демократических ценностей в России. Материалы характеризуют переломные для российской демократии нулевые 2000—2010 гг.

ГЛАВА 1

СВОБОДА СОВЕСТИ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ НОВАЯ ПАРАДИГМА РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ

Сегодня свобода совести (свобода мировоззренческого выбора) является неперенным условием правовой демократии, в качестве средства защиты человека и общества от идеологического господства любых доктрин и структур.

В современной России реализация декларируемых конституционных прав в области свободы совести находится в глубоком, системном кризисе. С одной стороны, эта сфера взаимосвязана с иными системами государства и общества, охваченных системным кризисом. Незрелое гражданское общество, тенденции к авторитаризации власти, монополизированная экономика, сакрализация власти, клерикализация государства — звенья одной цепи...

С другой стороны — кризису подвержены все уровни, на которых формируется реализация свободы совести — науки и образования, законодательства, правоприменения. Не вполне адекватная научная разработанность в сочетании с политическими интересами властных групп и экономическими интересами конфессиональной бюрократии (в основном из числа конфессий, считающих себя «традиционными») фактически предопределили формирование не адекватного законодательства и, как следствие, «перекосы» в области правоприменения.

В результате нарушаются не только права верующих и религиозных меньшинств, но и подавляется свобода мировоззренческого выбора как таковая, размываются демократические принципы, составляющие основу конституционного строя.

Общетеоретическая разработанность проблематики свободы совести крайне слаба. Исторически сложилось так, что в основных международных правовых документах, и в Конституции РФ, следующей их примеру, стандарты свободы совести рассматриваются исключительно в связи с ее религиозными аспектами, а точнее религиозно-конфессиональными. Соответственно правовое понятие свободы совести (свободы мировоззренческого выбора) приобрело более узкий смысл — как право индивида самостоятельно решать вопрос, руководствоваться ли ему в оценке своих поступков и мыслей поучениями религии или отказаться от них.

Вот что говорит по этому поводу Глория М. Моран. «Всеобщая декларация 1948 г. и новейшие конституции, следующие ее примеру, говорят о «свободе мысли, совести и религии». В связи с этим ученые не могут прийти к согласию относительно того, существует ли только одна, глобальная свобода, рассматриваемая в трех разных аспектах, или следует различать три самостоятельных вида свобод?»

Начиная с пятидесятых и до конца семидесятых годов большинство европейских ученых предпочитали последний вариант, учитывая конкретную цель религиозной свободы, но в последнее время склоняются к мнению, что этот термин неразрывно связан со свободой совести» [1].

Невозможно оспаривать решающую роль, которую Всеобщая декларация сыграла в развитии правовой и политической философии второй половины

XX столетия, но в результате подобной несогласованности широкое, объемное, касающееся буквально каждого индивида понятие «свобода совести» было сведено исключительно к свободе вероисповеданий (т.е. свободе, касающейся только индивидов, считающих себя верующими), и даже более того — деятельности религиозных объединений (т.е. коллективной форме реализации права на свободу вероисповеданий).

В связи с тем, что критерии и границы свободы совести в международных правовых документах и в Конституции РФ определены в самом общем виде, без учета сущности, природы и значения этого права, его реализация подвергается «специальным» ограничениям в соответствии с государственной вероисповедной политикой.

Таким образом, правовое регулирование в области свободы совести «исторически» базируется на некорректных с юридической точки зрения принципах, не имеющих четких правовых критериев и соответствующем понятийном аппарате, частично заимствованном из теологии, а потому заведомо не годном. Свобода совести подменяется свободой вероисповеданий, права человека — правами объединений, религия — идеологией, а в результате приоритет права подменяется приоритетом политики, интересами «элит».

Анализ реальной ситуации показывает, что «официальная» наука и законодательный процесс, при заинтересованном и/или молчаливом согласии лидеров «основных» конфессий, находятся под контролем власти, и потому роль первой сводится к подведению некой наукообразной базы под не вполне конституционную политику государства.

Законодательство РФ в области свободы совести и тенденции его трансформации можно охарактеризовать как не адекватные.

В 1997 г. кампания, инициированная «традиционными» религиями против «нетрадиционных» религий, и активно поддержанная заинтересованными политическими группами завершилась принятием закона о свободе совести, содержащего существенные ограничительные нормы.

В целом в законодательстве сложилась ситуация, в результате которой законодательство, по логике, направленное на реализацию прав и свобод человека в сфере свободы совести превратилось в «специальное» религиозное, регламентирующее не столько деятельность религиозных институтов как юридических лиц (этому посвящено гражданское законодательство) и не столько пресекающее злоупотребления в этой сфере (этому посвящено уголовное законодательство), а фактически позволяющее контролировать и ограничивать свободу мировоззренческого выбора, использовать религию в политических целях.

Неправовой характер принципов и неоднозначность многих формулировок (подразумевающих коррупционность) ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», его региональных аналогов, а также их подзаконной базы во многом предопределили нарушения прав и свобод человека в сфере его правоприменения.

Практически повсеместно в РФ имели место необоснованные отказы в перерегистрации, незаконные требования перерегистрации, притеснения иностранных миссионеров начиная от визовых ограничений и заканчивая их высылкой.

Таким образом, возможность произвольного толкования законодательства

в сфере свободы совести, в соответствии с личными интересами и корпоративными идеологическими предпочтениями государственных чиновников, во многом предопределяет коррупцию в области отношений государства с религиозными объединениями и многочисленные нарушения прав человека.

С целью формирования методологии и направлений преодоления кризиса в области свободы совести необходимо определить факторы, взаимосвязанные и взаимозависимые с указанной областью и оказывающие на нее значительное влияние.

Отношения между наукой и религией оказывают фундаментальное влияние на формирование нормативно-правовой базы международного и российского законодательства для реализации прав и свобод человека в сфере свободы совести.

Эта нормативно-правовая база основана на принципах противопоставления знания и веры, обусловленных противопоставлением науки и религии.

Необходимо создание максимально широкой правовой концепции свободы совести, основанной на корректных терминах, исключающих двойственное, субъективное и корпоративное толкование. Именно возможность производного толкования, наряду с другими факторами, позволяет неким властным группам на свое усмотрение определять и в своих же личных и корпоративных интересах контролировать мировоззренческую сферу.

подавляющее большинство ученых, связывают содержание свободы совести с содержанием религиозной свободы, с реализацией прав верующих. Право остальных на свободу совести традиционно связывается только с атеизмом и отказом воспользоваться религиозной свободой. Таким образом, в правовом поле оказываются только права людей, считающих себя верующими, и вообще только уже осуществивших свой выбор.

Свобода совести для каждого (без разделения) призвана объединить в едином правовом поле науку и религию, секулярную культуру и религиозную, мировые религии и религиозные течения, верующих и неверующих. Достаточно одного взгляда на многочисленные «горячие» точки военных конфликтов и терроризма на современной карте мира, чтобы лишний раз убедиться в актуальности такого объединения.

Тема религии и политики (религии и выборов) оказывают решающее влияние на реализацию свободы совести.

Свобода совести, в качестве средства защиты человека, общества от идеологического господства любых доктрин и структур, выступает основой каждого правового демократического государства, поставившего в качестве цели построение открытого гражданского общества. В тоже время властные группы всегда заинтересованы и прилагают все усилия, включая законодательные инициативы, для контроля и ограничения мировоззренческой сферы для удержания власти.

По словам Альтинга фон Гейнзау «история повсюду учит нас, что соблазн господства и злоупотребления властью можно победить, только организовав противовесы власти. Одна ветвь должна ограничиваться и уравниваться другою. Призыв к добродетели, Откровению или истине никогда не был достаточным, чтобы совладать с искушением, — нам это слишком хорошо известно из нашей христианской европейской истории» [2]. Поэтому необходимо ограничить власть, чтобы она не превратилась в абсолютное зло. Разде-

ление властей, наряду с другими взаимозависимыми принципами демократического правового государства и гражданского общества должно если не предотвратить, то свести к минимуму злоупотребления властью и их негативные последствия.

Современный принцип разделения властей неразрывно связан и даже невозможен без разделения светской и духовной власти, т.е. государственных институтов и религиозных объединений. Несмотря на то, что исторически первоначальной целью отделения церкви от государства было вытеснение религии из всех сфер, относящихся к государственной компетенции и ограничение влияния церкви на политическую жизнь общества, этот принцип является одной из важнейших гарантий свободы совести.

В целях защиты мировоззренческого плюрализма как важнейшей составляющей гражданского общества, наряду с идеологическим многообразием, необходимо оградить религиозную сферу от политических интересов и притязаний государства. В данном контексте строительство правового демократического государства и формирование гражданского общества несовместимо с клерикализацией государственных институтов какой-либо религиозной конфессией, законодательным закреплением жесткого контроля и неравенства по отношению к другим конфессиям.

В указанном контексте чистые выборы это не только соблюдение закона, но и приведение государственной политики в области свободы совести (включая законодательство) в соответствии с Конституцией РФ.

Реализация декларируемых принципов свободы совести каждому, является заложницей исторически сложившихся самодовлеющих отношений государства с религиозными объединениями.

Эти отношения определяются как «совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей между институтами государства и институциональными религиозными образованиями (религиозными объединениями, религиозными партиями, религиозными движениями, международными конфессиональными центрами), одна из составных частей внутренней и внешней политики государства. В их основе лежат представление о месте религии и Церкви в жизни общества и государства на определенном этапе развития» [3].

В Конституции РФ и в нормах международного права, являющихся приоритетными для правовой системы России, ничего не говорится о государственно-конфессиональных отношениях и государственной вероисповедной политике, как самодостаточных явлениях.

Государственно-конфессиональные отношения и государственная вероисповедная политика как самодостаточные существовали исторически. Но с момента принятия Всеобщей декларации прав и свобод человека в 1948 году, а для России, по крайней мере, с момента принятия в 1993 году всенародным голосованием Конституции РФ, и государственно-конфессиональные отношения и государственная вероисповедная политика должны рассматриваться как производные от вышеупомянутых конституционных принципов и строго им соответствовать.

Отношения демократического правового государства, поставившего в качестве цели формирование открытого гражданского общества, должны строиться с религиозными объединениями на единых с иными общественными

некоммерческими объединениями правовых оснований. У светского государства, тем более многонационального и поликонфессионального, вообще не должно быть никаких «специальных» отношений с религиозными организациями, а следовательно, и концепций этих отношений. То есть, все отношения должны осуществляться на общих с иными объединениями граждан основаниях. Иначе принцип светскости государства размывается (а вместе с ним иные демократические принципы), а «специальные» государственно-конфессиональные отношения государства и избранных конфессий приобретают самодовлеющий характер, обрстая «специальными религиозными» льготами для «избранных» религиозных объединений.

Свобода совести в контексте глобализации — перспективное направление исследований, ставящее задачей поиск принципиально новых подходов с учетом глобальной перспективы мирового развития.

Взаимосвязанный, взаимозависимый характер современного мира выступает как противоречие между объективной необходимостью и субъективной неготовностью различных государств, народов и регионов сотрудничать друг с другом в силу имеющихся цивилизационных, этно-конфессиональных, идеологических барьеров.

Несмотря на то, что современная политическая система на базе национальных государств в значительной мере становится анахронизмом, не успевающим отвечать вызовам времени, именно национальные государства активно являются отправной точкой для формирования единой мировой системы, призванной на новом уровне решать глобальные проблемы, стоящие перед человечеством. Именно поэтому один из императивов современности — необходимость трансформации правовых и политических систем.

Сегодня, когда формируется глобальная система управления, есть реальная опасность, что вместе с испытанными демократическими методами на этот уровень будут перенесены и пороки традиционного политического устройства. Как противодействовать этой угрозе, чтобы процесс глобализации не обернулся политической катастрофой, способствовал гуманизации власти и управления в национальном и в мировом масштабах?

В решении этих вопросов особая роль отведена формированию эффективного правового механизма для реализации права каждого индивида на свободу совести — юридического измерения свободы мировоззренческого выбора в качестве важнейшего средства защиты человека и общества от идеологического господства любых доктрин и структур.

В то же время принципы и понятийный аппарат, применяемые сегодня в сфере свободы совести, не позволяют создать нормативно-правовую базу для полной реализации этого основного системообразующего права. Определение и сущностное содержание свободы совести как правовой категории фактически искажено, изначально создавая непреодолимые препятствия на пути реализации декларируемых принципов.

Правовой механизм реализации свободы совести в современном демократическом правовом государстве, определившим в качестве цели построение открытого гражданского общества, и тем более с учетом глобальных процессов требует коренной ревизии и реформы основополагающих принципов и понятийного аппарата.

Реальное обеспечение свободы совести будет определять как саму воз-

возможность интеграции, так и принципы, на которых оно будет базироваться: равноправия и партнерства или доминирования «великих» держав основанного на силе и гегемонии, достойной жизни для каждого человека или только для некоего «золотого миллиарда».

Анализ факторов предопределяющих состояние (кризис) свободы совести (отношения между наукой и религией, религией и политикой, государством и религиозными объединениями, учет фактора глобализации) выявил, что в основе лежит старая парадигма, основанная на разделении «верующий-неверующий», не корректная при применении в системе права и подразумевающая:

1. Противопоставление науки и религии в обществе, знания и веры каждого человека;
2. Противопоставление индивидуального и коллективного;
3. Использование религиозных объединений в политических целях;
4. Зависимость реализации конституционных прав от «исторических» отношений государства с религиозными организациями и некой, по усмотрению чиновников, вероисповедной политики;
5. Противопоставление национальных интересов и глобальных тенденций, национальных государств и международного сообщества;
6. Применение некорректных с юридической точки зрения принципов и понятийного аппарата, не имеющих четких правовых критериев.

Позитивные изменения связаны с необходимостью научно-теоретической разработки широкой концепции свободы совести на основе перехода к новой парадигме правового регулирования свободы совести, без применения некорректных разделительных принципов и подразумевающей:

1. Отказ от противопоставления знания и веры, переход к концепции признания многообразия и уважения к соотношению знания и веры у разных людей в обществе;
2. Отказ от противопоставления индивидуального и коллективного. Коллективные интересы являются производными от индивидуальных;
3. Формирование правовой базы для разграничения религиозных объединений и политики в правовом поле;
4. Ограничение «специальной» (по сути неправовой) регламентации мировоззренческой сферы, независимость реализации конституционных прав от отношений государства с религиозными организациями и вероисповедной политики;
5. Отказ от противопоставления национальных интересов и глобальных тенденций.

[1] Моран Г.М. Что такое религиозная свобода? Что должен гарантировать закон? Религия и право. №1. 1997 . С.14.

[2] Альтинг фон Гейнзау Франс А. М. Как совершить переход к правовому обществу? М. 1997. С. 51.

[3] Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). М. 1996. С. 4.

(Полная версия данной статьи опубликована в информационно-практическом журнале «Современное право» №5,7 2003 г.)

7 апреля — 7 октября 2003.

Интернет-конференция «Актуальные проблемы понимания прав человека в современном международном и российском контексте». Портал Auditorium.Ru

ИНКВИЗИЦИЯ XXI ВЕКА. ИНАКОМЫСЛЯЩИХ БУДЕТ ПРЕСЛЕДОВАТЬ МИЛИЦИЯ — НА «СТРОГО НАУЧНОМ» ОСНОВАНИИ

По мере окончательного закрепления за Россией статуса сверхсырьевой державы (по нигерийскому сценарию поляризации с одной стороны — власти и богатства, а с другой — бесправия и нищеты) в стране крепчает религиозная политика. Последняя нужна для удержания власти, а суть ее проста — тотальный контроль мировоззренческой сферы, привилегии «традиционным» религиям, гонения «нетрадиционным».

Следует заметить, что даже среди «традиционных» есть «самая традиционная», т.е. безусловным фаворитом в борьбе за «хлебный» статус государственной идеологии является Русская Православная Церковь Московского патриархата. Соответственно гонения предназначены всяческим «сектантам», «еретикам» и прочим инакомыслящим.

Да вот беда. В российской правовой системе нет даже понятия о «традиционных-нетрадиционных религиях» и «сектах». Юристы напоминают о конституционных принципах в области свободы совести, предполагающих принципиальную некорректность селекции конфессий. А в своем решении № 4 (138) от 12 февраля 1998 г. Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ «отмечает, что в законодательстве Российской Федерации нет и в помине такого понятия как «секта».

Но нет ничего невозможного в стране перманентного «демократического транзита». На фоне поддержки «традиционных» конфессий, причем «на самом верху», «прищучить» их конкурентов-«сектантов» сам Бог (и царь?) велел.

22 апреля 2004 г. на заседании диссертационного совета Д-203.002.03 при Академии управления МВД России состоялась защита диссертации А.В. Тонконогова «Сектантство как социальный феномен (исследование в среде осужденных к лишению свободы)».

Настаивая на актуальности темы исследования и отмечая «кризис в духовной жизни общества, вакуум в идеологии и отсутствие общегосударственной национальной идеи» диссертант отмечает, что «этот вакуум стремится заполнить представители различных сект, которые получили широкое распространение в России в последние годы».

В общем, судя по автореферату диссертации во всех бедах виноваты вездесущие «секты». Не зря же еще «в Римском уголовном праве (в Кодексе Юстиниана) были особо выделены составы культовых преступлений», а «Сталин, учитывая деятельность сектантов внутри страны, в годы репрессий приравнял их к «врагам народа».

По крайней мере у соискателя ученой степени кандидата философских наук «не вызывает сомнений, что социальная напряженность в современном

мире вызвана, в том числе и деятельностью организаций и групп, являющихся сектами». При этом Тонконогов, не утруждая себя аргументацией, сходу отвергает доводы ученых, указывающих на целесообразность использования вместо некорректного обличительно-оценочного термина «секты» научный термин новые религиозные движения (НРД).

Более того, констатируя слабую разработанность проблематики, автор сетует, что до настоящего времени исследовалось только религиозное сектантство. Пробел блестяще восполнен путем безграничного расширения основной классификации «сект». Кроме религиозных («христианских, исламских и т.д.») и псевдорелигиозных («теософских, спиритических и т.д.»), диссертант вводит понятие светских «сект» («научных, псевдонаучных, коммерческих и т.д.»). О «политических сектантах» говорится, что первыми их «вычислили» еще Ф. Энгельс и В.И. Ленин.

Очевидно, только скудная фантазия может стать непреодолимым препятствием при идентификации нарушителей официального единомыслия. Но еретикам и светским инакомыслящим не стоит особо на это рассчитывать. «И т.д.» лишает их малейшего шанса укрыться от бдительности ученых системы МВД и УИС Минюста.

Естественно автор знает, как определить «секты» среди прочих законопослушных социальных групп. «Секты — это особые социальные группы, имеющие свои ценности, принципы, цели (явные и тайные). Для достижения истинных целей (в соответствии с тайной доктриной, существующей в каждой секте при наличии официально пропагандируемого учения) руководители сект применяют к adeptам и неопитам методы агрессивного манипулирования (контроля и деформации сознания), что приводит личность в состояние частичной или полной психологической зависимости, при которой adept готов выполнить любой приказ. Таким образом, adeptов сект можно рассматривать как потенциальных преступников, травмированных личностей, требующих после пребывания в секте длительного лечения (реабилитации)».

Тем более, что «сектантство не есть прерогатива какой-то определенной категории людей, оно охватывает людей разного возраста, пола, социального положения, физического здоровья и психического состояния». В общем, в недалеком будущем буквально каждый по произвольным основаниям может попасть в поле зрения «органов», с перспективой «длительного лечения».

Впечатляет «сравнительный анализ феномена сектантства и преступности», среда которых, по мнению Тонконогова, имеет много общего. «Среда сект и преступных организаций способствует формированию у индивидуумов антисоциальных качеств, одобряет преступное поведение, которое является результатом обучения лиц, восприятия ими соответствующего стиля поведения во взаимодействии с лицами, принявшими преступные ценности (!)».

Иными словами, все инаковерующие и инакомыслящие априори без суда и следствия преступники, деятельность которых должно пресекать новое подразделение в структуре криминальной милиции «по борьбе с социально опасными формами сектантства и культово-ритуальными преступлениями».

Соответствующие изменения, как считает автор, следует внести в Конституцию РФ, Уголовный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, Уголовно-исполнительный кодекс, Налоговый кодекс.

Некоторые успешно защищенные положения диссертации и вовсе вызывают опасения за настоящее и будущее российской науки и общества: «По характеру и механизму деятельность религиозных, псевдорелигиозных, светских сект в их наиболее опасных формах проявления можно отнести к деструктивно-инновационной деятельности, проявляющейся в возникновении качественно нового (и неповторимого), что приводит к деградации отдельной личности и способствует развитию регрессивных процессов в обществе»; «Криминальная среда (в том числе среда осужденных к лишению свободы) является благоприятной для развития сектантства. В сектах, как и в преступных организациях, девиантно-деструктивная, делинквентная деятельность осуществляется в интересах отдельной личности за счет интересов общества. Поэтому важным является профилактика развития сектантства в среде осужденных к лишению свободы»; «Сектантству можно и нужно противостоять, и это требование должно быть учтено при формировании системы национальной безопасности России»; профилактика антисоциальных (криминальных) форм сектантства должна стать частью государственной системы предупреждения преступности и оздоровления социально-экономической и духовной сфер жизни общества»; «В целях пресечения экспансии религиозных, псевдорелигиозных, светских сект в современном обществе, а также профилактики социально опасных форм сектанства (так в оригинале! — ред.) как в обществе в целом, так и в среде осужденных к лишению свободы, необходимо комплексное изучение феномена сектанства (создание научной дисциплины — «Секталогии» (именно так ее именует диссертант — ред.)); совершенствование законодательства Российской Федерации (в частности, введение в российское законодательство понятий «сектанство», «секта», «ритуальное преступление»); создание организации, объединяющей усилия правоохранительных органов, различных государственных и общественных структур, и координирующей на международном уровне деятельность правоохранительных органов по вопросам профилактики социально опасных форм сектанства».

Обращает на себя внимание тот факт, что наряду с принципиальной некорректностью постановки проблемы и правовым нигилизмом, в диссертационном исследовании имеют место использование источников конфессионально ориентированного содержания при игнорировании юридических и религиоведческих разработок, публикаций и источников, отражающих современные достижения науки. В указанном контексте не удивительно, что об ориентации на приоритет реализации права каждого на свободу совести и иных принципов, составляющих основу конституционного строя России, речь вообще не идет.

В то же время, востребованность антисектантской «научной мысли» в контексте современной религиозной политики уже никого не удивляет. Апробация работы осуществлена на ряде конференций в стенах учреждений власти. На базе НИИ УИС Минюста России автором выпущены соответствующие практические рекомендации и методическое пособие. В общем, компетентные органы будут преследовать инакомыслящих, хоть и на произвольных, но зато на строго научных основаниях. Впрочем, желание правоохранителей придумать себе непыльную кабинетную работенку, также вполне объяснимо.

P.S. Скорее всего, демократическое правовое государство должно строиться на принципах самоограничения властных функций в регламентации духовно-нравственной жизни общества, сознательно допуская риск «неправильного» мировоззрения, как меньшего зла по сравнению с принудительным «правильным».

В этом контексте ограничения с целью профилактики противоправной деятельности в сфере свободы совести способны нанести несопоставимо больший урон гражданскому обществу, чем сами предполагаемые нарушения. Тем более, что нарушения в основном всегда исходили и исходят от власти и сросшейся с ней бюрократии господствующей религии.

Нередко «сектоборцы» в качестве примера для подражания ссылаются на документы Европарламента. В частности — постановление о сектах в Европе, принятое на заседании Европейского Парламента 12 февраля 1996 г. Его принятие было связано с событиями во Франции (Веркор) 23 декабря 1995 г. Тогда гибель 16 человек была связана с необходимостью ограничения деятельности религиозных организаций.

Безусловно, люди не должны гибнуть, но «специальные» (по сути не правовые) ограничения мировоззренческих организаций (важнейших институтов гражданского общества) являются важным шагом к превращению в одну большую тоталитарную «секту» всего государства. (Любопытно, что при чтении описания признаков «сект», приведенных в автореферате диссертации, невольно возникали ассоциации с прошедшими российскими выборами (в смысле агрессивного манипулирования личностью)). И тогда жертвами станут миллионы инаковерующих и инакомыслящих.

Что касается борьбы с преступностью, то более корректным выходом могло бы стать совершенствование уголовного законодательства и работы соответствующих органов с целью дезавуирования и пресечения деятельности преступных групп, вне зависимости от того какой ширмой они прикрываются.

Строительство процветающего государства и свободного общества в России не совместимо с политикой жесткого контроля и неравенства по отношению к «нетрадиционным» для власти конфессиям и мировоззрениям. Даже если предлогом служит необходимость защиты общества.

25 мая 2004

Портал-Credo.Ru

СВЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА АЛТАРЕ САКРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ.

Становится очевидным, что реализация конституционных прав в области свободы совести находится в глубоком, системном кризисе. С одной стороны, эта сфера взаимосвязана с иными системами государства и общества, пораженных системным кризисом. С другой — кризису подвержены все уровни, на которых формируется реализация свободы совести — науки и образования, законодательства, правоприменения.

Не вполне адекватная научная разработанность в сочетании с политическими интересами властных групп и экономическими интересами конфесси-

ональной бюрократии (в основном из числа считающих себя «традиционными») фактически предопределили формирование не адекватного законодательства и, как следствие, соответствующего правоприменения.

То что «определенные» конфессии, уже де-факто превратились в административный ресурс власти, позволяющий манипулировать индивидуальным, общественным и массовым сознанием, увы, свершившийся факт. Но сакрализация (освящение) власти некой «конфессией большинства» далеко не всегда очевидна, тем более что маскируется заботой о духовности и нравственности. В результате, чтобы ни творилось в России — перманентный экономический кризис, коррупция, война в Чечне, вымирание населения — россияне все равно просто любят власть, отдавая свои голоса ее представителям во время выборов.

Одним из главных составляющих современной версии сакрализации власти, как и в прежние времена, является клерикализация органов власти и государственного управления, армии, силовых структур и, наконец, системы государственного образования.

Следует отметить, что состояние образования вообще, и государственной компоненты, в частности, уже много лет является предметом дискуссии, а реформы признаны предметом насущной необходимости. Однако современные тенденции трансформации государственной системы образования представляются, мягко говоря, необычными с точки зрения действующей Конституции РФ и, особенно, в контексте перспектив формирования гражданского общества в России.

В тоже время, эти тенденции вполне закономерны с учетом доминирующих тенденций в области самодовлеющих отношений Российского государства с религиозными объединениями. А упомянутые отношения движутся в антиконституционном направлении «специального» законодательного выделения «традиционных религиозных организаций» («ГРО») с наделением последних «специальными» льготами и привилегиями. В том числе и в сфере образования светского государства Россия.

Не смотря на то, что термин «ГРО» в качестве правового (де-юре) пока оформить не удалось, отмечены попытки ввести его фактически (де-факто) и придать клерикализации государственной системы образования ударные темпы.

Как обычно, «дали добро» с самого верха. 10-11 октября 2002 г. на федеральном уровне состоялась научно-практическая конференция «Взаимодействие государства и религиозных объединений в сфере образования». Ее организаторами выступили, ни много, ни мало, полномочные представители Президента Российской Федерации в Центральном, Приволжском и Южном федеральных округах, Министерство образования Российской Федерации, Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Межрелигиозный Совет России.

Последний, судя по всему, был заявлен для приличия — фактически конференция была посвящена решению тактических вопросов взаимодействия РПЦ МП с государством в сфере образования. В частности, наряду с региональными чиновниками, было отмечено значительное присутствие представителей епархий РПЦ. Поэтому сложилось впечатление, что главная задача

конференции — развернуть клерикализацию государственной системы образования на региональном уровне.

По крайней мере, по тону выступлений государственных чиновников категории «А» было ясно, что стратегические вопросы федерального уровня давно были решены, что и было закреплено «черным по белому» в проекте резолюции конференции — «обобщая опыт взаимодействия религиозных организаций с федеральными и региональными органами государственной власти Российской Федерации, участники конференции отметили следующее: стратегические цели деятельности Российского государства и традиционных религиозных организаций народов России в сфере образования, направленные на духовно-нравственное просвещение населения, развитие институтов гражданского общества и укрепление российской государственности, полностью совпадают».

Лейтмотивом конференции стал краткий, но емкий тезис, также закрепленный в проекте резолюции: «Образовательная деятельность традиционных религиозных организаций, осуществляемая в интересах всего российского общества, нуждается в помощи государства».

Среди конкретных направлений взаимодействия религиозных организаций (читай РПЦ МП) и государства в сфере образования: подготовка специалистов в сфере изучения религии и религиозной культуры в образовательных учреждениях разных типов и профессионального религиозного образования; участие в широком спектре социально значимых проектов, особенно ориентированных на детей, подростков и молодежь.

В рекомендациях конференции, наряду с техническими моментами прослеживаются следующий приоритет — совершенствование законодательной базы для широкого партнерства государства и религиозных организаций в сфере образования с привлечением представителей религиозных организаций к участию в разработке нормативно-правовых актов.

Министерство образования РФ очередной раз заручилось поддержкой, своей не вполне конституционной деятельности по «интеграции в систему образования общезначимых ценностей религиозной культуры, в том числе путем разработки научного и учебно-методического обеспечения преподавания учебных предметов и курсов традиционной религиозной культуры в светской школе», которая «способствует становлению различных форм изучения традиционной религиозной культуры в системе государственного и муниципального образования, удовлетворению социального запроса на получение образования в соответствии с ценностями национальной культуры».

Как известно, договор «О сотрудничестве Министерства образования РФ и Московской Патриархии РПЦ» был заключен еще в августе 1999 г. Среди целей договора: оказание поддержки православного образования; осуществление экспертизы и совместное издание учебной литературы; создание совместных телевизионных и радиовещательных образовательных программ; противодействие осуществляемой в образовательных учреждениях и в СМИ деятельности представителей тоталитарных и деструктивных сект и культов.

Заключению вышеупомянутого договора предшествовало совместное письмо от 21. 01. 1999 г. Патриарха Алексия II, Президента РАН Осипова Ю.С., Президента РАО Никандрова Н.Д., Ректора МГУ Садовниченко В.А. в адрес министра общего и среднего образования РФ Филиппова В.М. В част-

ности, они призвали решать насущные проблемы образования и воспитания опираясь на противоречащий Конституции РФ и действующему законодательству, но «разумный эксперимент», уже начатый в ряде регионов. Уважаемые авторы, искренне заботясь о возвращении нашего народа к нормам христианской морали и противодействия «антигосударственной образовательной деятельности сектантства, которое становится подлинным государственным бедствием», поднимают вопрос необходимости улучшения действующего законодательства об образовании. Очевидно, чтобы хоть задним числом узаконить вышеупомянутый «эксперимент».

Таким образом, в некоторых регионах, например Курской, Белгородской и Смоленской областях, преподавание конфессионально ориентированных дисциплин в рамках общеобразовательной программы государственных средних школ велось еще до заключения вышеупомянутого договора.

По поводу проблем в связи с преподаванием религиозных и церковно-ориентированных дисциплин православными священнослужителями даже существует письмо патриарха РПЦ Алексия II № 5925 от 9 декабря 1999 г. В данном письме он поручает епархиальным управлениям наладить преподавание курса «Основ православного вероучения» в государственных учебных заведениях. В случае возникновения трудностей вышеупомянутый курс предлагается называть как «Основы православной культуры».

Приказом Министерства образования № 686 от 2 марта 2000 г. в государственный классификатор образовательных направлений и специальностей внесен стандарт по специальности «теология», разработанный при участии Свято-Тихоновского богословского института. Направление «теология» было утверждено приказом зам. министра образования еще в 1993 г. Следует особо отметить, что в России никогда ранее не было дисциплины с таким названием. В переводе с греко-латинского «теология» это и есть «богословие».

Очевидно, что это новое название ввели, чтобы скрыть от широкой общественности явно антиконституционный характер введения богословия в государственную систему вузовского образования. В тоже время, введение стандарта «теология» только для конфессиональных учебных заведений позволило бы поднять в них уровень образования, который по утверждению самих богословов, оставляет желать лучшего.

Без каких либо стандартов в государственных вузах некоторых регионов (например, в Алтайском крае, Омской, Тверской, Ивановской областях) много лет действуют кафедры и факультеты богословия на основе местных епархий РПЦ, что противоречит Конституции РФ и ФЗ «Об образовании», предусматривающих светский характер учебного процесса в государственных образовательных структурах. Первым стал Омский университет, в котором еще летом 1994 г. на специальность теология было набрано 25 человек.

Несмотря на то, что в вышеупомянутом стандарте лукаво говорится о светском характере подготовки специалистов теологии, она носит ярко выраженный конфессиональный характер — «теологии вообще» не бывает. А без конфессионального выбора студента процесс обучения теологии просто не имеет смысла. Очевидно, что стандарт «теология» должен иметь отношение только к конфессиональному образованию.

По тексту стандарта «предметом теологии являются накопленные в течение длительного исторического срока религиозный опыт, памятники религи-

озной культуры, а также интеллектуальное и духовное богатство». Специалисты теологи должны будут осуществлять свою профессиональную деятельность в государственных и муниципальных образовательных учреждениях как преподаватели; в воспитательной работе с детьми и молодежью и в группах социальной адаптации и реабилитации; в составе экспертных комиссий и в качестве независимых экспертов.

Удивительно, но факт — под светским характером чиновники Минобразования полагают отсутствие культовых обрядов в процессе обучения и то, что «образование специалистов теологии не преследует цели подготовки священнослужителей». В тексте государственного теологического стандарта говорится, что «конфессиональная специфика подготовки специалиста теолога учитывается прежде всего за счет дисциплин конфессиональной подготовки, который разрабатывается по предложению конфессии на основе утвержденного инвариантного макета, исходя из общего количества часов, отведенных на его изучение». Цикл дисциплин конфессиональной подготовки (ДКП) составляет только в явной форме более трети (3653 часа) из общего массива (9623 часа).

Как следует из того же текста государственного стандарта, а именно раздела «Требования к разработке и условия реализации основной образовательной программы подготовки выпускника по специальности 020500 теология», при разработке своей основной образовательной программы высшее учебное заведение имеет право «устанавливать необходимую глубину преподавания отдельных разделов дисциплин, входящих в циклы гуманитарных и социально-экономических, математических и естественнонаучных дисциплин в соответствии с профилем цикла дисциплин конфессиональной подготовки».

В зависимости от того, кто и как будет преподавать, реальная конфессионально-ориентированная подготовка может увеличиться за счет общепрофессиональных дисциплин (ОПД) — на 2295 часов; гуманитарных и социально-экономических дисциплин (ГСЭ) на 1800 часов и факультативов (ФТД) на 450 часов. Условно будем считать, что общематематические и естественнонаучные дисциплины (ЕН), еще 550 часов не станут преподавать на конфессиональный лад. Но в случае чего, удивляться не стоит.

Вот такая вот конфессиональная светскость получается. Хотя на вышеупомянутой конференции на полном серьезе говорилось о «светском религиозном образовании» (!), подразумевая «изучение религии и религиозной культуры в образовательных учреждениях разных типов».

С юридической точки зрения максимально корректным является определение светского характера как мировоззренчески нейтрального, равноудаленного, безоценочного. То есть не отдающего предпочтения вообще никакому мировоззрению: религиозному, атеистическому, иному. В данном контексте, следует отметить, что исторически сложившееся разделение мировоззрений на «религиозное» и «антирелигиозное», и соответственно людей их разделяющих на «верующих» и «неверующих», в принципе не имеет права на применение в современной правовой системе, как неправовое.

Подготовка теологов в государственных вузах предполагается за государственный счет. Они нужны для преподавания конфессионально ориентированных предметов в государственной общеобразовательной школе, также за

счет государства. Налицо вопиющая подмена. Законодательно закрепленное право каждого на религиозное образование подменяется некой антиконституционной обязанностью государства финансировать конфессиональное образование для избранных религиозных организаций, и к тому же в рамках государственной системы.

Указанные тенденции ведут к тому, что «нетрадиционно» верующих не только ограничат в правах на религиозное образование, но и вместе с остальными инакомыслящими налогоплательщиками фактически заставят оплачивать конфессиональное образование, а фактически в конечном итоге сакрализацию власти. Нечто подобное было до 1917 г., но уроки истории похоже на пользу не пошли и Россия опять наступает на старые конфессиональные грабли.

Анализ российской истории конца XIX — нач. XX в.в. позволяет говорить об упадке религиозного образования в общеобразовательной школе, обусловленным во многом, его обязательностью. А в российских университетах никогда не было богословских факультетов, т.е. в структуру высшей школы богословское образование вообще никогда не входило. Очевидно, что навязывание конфессионального образования государственной школе не станет благом для ни для церкви, ни для общества.

Тем не менее, весьма значительная роль в вышеупомянутых антиконституционных тенденциях играет ПРЦ МП, но обвинять ее бесполезно — для организации, естественным образом считающей себя ближе остальных к истине это обычная позиция, свойственная каждой религиозной организации. А вот для государства, декларирующего себя демократическим, правовым, светским это явно антиконституционная политика, имеющая целью, как уже говорилось выше, сакрализацию власти.

Сакрализация власти, одним из элементов которой является клерикализация государственной системы образования, прикрывается симуляцией заботы о духовности, нравственности и т.д. В тоже время исторический опыт, в том числе кровавый XX-го просвещенного века, свидетельствует, что неограниченная власть характеризуется самой вопиющей безнравственностью и бездуховностью. Сакрализация власти явно направлена против демократических сдержек и противовесов, призванных ограничить власть.

На фоне вымирания населения самой циничной выглядит симуляция заботы о демографии и семье. Конференция полпредов Президента РФ рекомендует «министерствам образования и культуры, соответствующим органам управления субъектов Российской Федерации спланировать и осуществить конкретные меры, направленные на воспитание у детей и молодёжи уважительного отношения к институту семьи, ориентации на создание в будущем устойчивой многодетной семьи, традиционные духовно-нравственные ценности в сфере брачно-семейных отношений». История со всей кровавой наглядностью показывает, что манипулирование сознанием и неограниченная власть является самой большой угрозой для человека и семьи.

Желание властных групп остаться у власти навсегда понятно — только жить нормально начали, машины с мигалками ... а тут опять выборы. Уходить неохота, а народ вымирает, бюрократия плодится, экономика тухнет, в том числе и инвестиционный климат никакой. Поэтому, в качестве одного из средств решения проблемы, наряду с обычным административным ресурсом,

как метко заметили авторитетные телеведущие (кстати, финалисты ТЭФИ-2002) Хрюн Моржов и Степан Капуста, они хотят переделать весь электорат в паству. А с пастырями, судя по всему, уже договорились.

Необходимым условием принадлежности религиозных организаций к институтам гражданского общества является их не зависимость от даров государства. В противном случае религиозные организации становятся придатком государства и идеологическими служанки власти. Сращивание государства и церкви в России зашло далеко, если власть говорит о духовности, а церковь о деньгах.

Конечно, американцы нам, имеющим многовековую историю, не указ, но в одном из своих постановлений Верховный Суд США справедливо отметил, что «союз власти и религии ведет к разрушению власти и деградации религии».

Основа подлинной демократии и стабильности в обществе отнюдь не использование религии в политических целях и сакрализация власти, на основе протаскивания государственных вероисповедных предпочтений, а реальное воплощение в жизни общества и государства комплекса конституционных принципов, составляющих основу строя.

Естественно наивно было бы полагать, что реализация упомянутых принципов автоматически решит все проблемы. Но без их реализации у России вообще нет никаких шансов.

15 ноября 2002
Портал-Credo.Ru

**ФАЛЬСИФИКАЦИЯ — ГЛАВНЫЙ МЕТОД КАРАТЕЛЬНОГО
РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ. В РАГС ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ ЗАЩИТИЛИ
ДИССЕРТАЦИЮ «РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР И НАЦИОНАЛЬНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛАХ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
ОКРУГА)»**

Защита диссертации Владимира Кулакова на соискание ученой степени кандидата философских наук «Религиозный фактор и национальная безопасность России (на материалах Южного Федерального округа)» прошла 26 декабря 2006 года на заседании диссертационного совета Д.502.006.11 при Российской академии государственной службы (РАГС) при президенте Российской Федерации.

Работа была выполнена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре государственно-конфессиональных отношений (бывшая кафедра религиоведения) РАГС, возглавляемой Ольгой Васильевой. Специальность 09.00.13 — религиоведение, философская антропология, философия культуры. Научный руководитель — чиновник министерства регионального развития, а в прошлом функционер РПЦ МП Александр Журавский. Ведущая организация — Пограничная академия ФСБ России, что выглядит несколько странным для философской и религиоведческой диссертации. Не очередной ли фельдфебель в вольтерах?

Объектом диссертационного исследования является влияние религиозного фактора на национальную безопасность, а его целью — комплексное ис-

следование форм и методов влияния религиозного фактора на возникновение «угроз национальной безопасности» в Южном Федеральном округе РФ.

Диссертант считает, что «в Южном Федеральном округе особенно остро стоят проблемы, связанные с развитием экстремистской деятельности религиозных организаций двух наиболее активных направлений... С юга и юго-востока началось распространение исламского радикального фундаментализма, претендующего на установление своего влияния не только в традиционно мусульманских регионах, но и на всей территории страны... С другой стороны, не меньшую угрозу национальной безопасности России представляет определенная часть так называемых «новых религиозных движений» (НРД) или синкретических религий «Нового века». Экспортируемые прежде всего из США и Западной Европы, они насаждают новую глобалистскую, антироссийскую и антигосударственную идеологию. Одновременно начали возникать и собственно российские аналоги такого рода движений».

Кулаков утверждает: «Экстремистское крыло НРД представлено организациями, которые пропагандируют отказ от традиционной морали, общественно полезного труда и нередко приводят к разрушению семей, нанесению вреда физическому и психическому здоровью людей». Кроме того, диссертант говорит, что «многие из таких религий имеют скрытую коммерческую направленность и действуют по принципу сетевого маркетинга».

К числу научных результатов диссертации отнесено «исследование процесса распространения и форм проявления религиозно-политического экстремизма (на примере организаций радикального исламского фундаментализма и одного из незарегистрированных ньюэйджевских культов — движения «Анастасийцев» в ЮФО)».

Впрочем, о других религиозных организациях диссертант так же говорил. Например, выяснилось, что движение Фалунь Дафа не будет иметь поддержки в России на основании «негласного соглашения» с Китаем.

В числе рекомендаций диссертанта — разные ценные советы по преодолению «религиозно-политических угроз» национальной безопасности, среди условий которого (преодоления), помимо восстановления «социально-экономической стабильности, обеспечения занятости, поддержки многолетних и малоимущих», наличествует «укрепление вертикали власти», «усиление оперативной работы по своевременному выявлению и нейтрализации экстремистской деятельности религиозных групп и организаций».

Но особое внимание на себя обращает рекомендация не допускать «идеологического оправдания религиозно-политического экстремизма под лозунгами «защиты прав нации», «защиты прав верь», «защиты прав человека» и т.п.» и «пропаганда традиционных морально-нравственных устоев».

Очевидно, что упомянутые методологические подходы диссертанта не случайны — в автореферате содержатся ссылки на труды известных «сектоборцев» А. Дворкина, Н. Кривельской, диакона А. Кураева, И. Понкина (И. Куликова), А. Хвыли-Олинтера.

В ходе дискуссии представители Института свободы совести (ИСС) Сергей Бурьянов и Сергей Мозговой подвергли диссертацию жесткой критике. В частности, было отмечено, что в основе исследования лежат некорректные принципы и понятийный аппарат, а также присутствует правовой нигилизм и нарушение конституционного приоритета прав и свобод человека по отно-

шению к приоритету государственной безопасности, а фактически — группы власть предержащих чекистов. С. Бурьянов подчеркнул, что «фактически это приоритет авторитарного государства перед демократическим — подрыв основ конституционного строя России».

По мнению сопредседателей ИСС, содержание диссертационного исследования «Религиозный фактор и национальная безопасность России (на материалах Южного Федерального округа)» направлено на нарушение целого ряда основополагающих конституционных принципов: демократического федеративного правового государства (ст. 1 Конституции РФ), приоритета прав и свобод человека (ст. 2), идеологического многообразия (п. 2, ст. 13), светскости государства и равенства религиозных объединений перед законом (ст. 14), свободы совести, свободы вероисповедания (ст. 28).

Особое беспокойство экспертов вызвало наличие попыток научного обоснования диссертантом неправомерного вмешательства силовых структур государства в деятельность религиозных объединений, государственной ксенофобии и дискриминации по мировоззренческим основаниям. Тем более что в автореферате прямо говорится: «Материалы диссертации могут быть использованы для составления методических и учебных пособий, преподавания общих лекционных курсов по проблемам религиозно-политического экстремизма работникам силовых структур, специалистам органов власти и управления, социологам, политологам и религиоведам».

В процессе ответов диссертанта на вопросы выяснилось, что в автореферате содержится заведомо ложная информация об апробации диссертационного исследования. В частности, диссертант обозначил «международную конференцию «Традиционные религии, суверенные демократии и Российская цивилизация», (Москва 22 ноября 2006 г.)», на которой он якобы озвучил сообщение по теме исследования. На самом же деле, это был семинар в Московском центре Карнеги, который состоялся 23 ноября 2006 года и на котором В. Кулаков даже не присутствовал!

Сама процедура защиты прошла с грубыми нарушениями процесса обсуждения и научной этики со стороны председателя диссертационного совета О. Васильевой и сотрудников кафедры государственно-конфессиональных отношений. В частности, были предприняты попытки оказать психологическое давление на представителей ИСС: выступления С. Бурьянова и С. Мозгового постоянно прерывались и цензурировались. В конце концов, О. Васильева и вовсе дала команду изъять все критические выступления из стенограммы защиты.

Любопытна еще одна деталь. При обсуждении присутствовало лишь шесть членов диссертационного совета из шестнадцати заявленных. Еще четверо спешно пришли в зал, где проходила защита, к процедуре голосования, после того, как вопрос о кворуме был поставлен С. Мозговым. Как в «добрые» советские времена, защита примитивных псевдонаучных и идеологизированных «исследований» превратилась в чистую формальность, а степень цинизма чиновников, олицетворяющих «науку», зашкаливает. Например, ради кворума в зал заглянул сам президент-ректор РАГС В. Егоров. В ответ на устное заявление С. Бурьянова о процедурных нарушениях, президент-ректор сказал, что на самом деле никаких нарушений не было — он лично присутствовал на обсуждении диссертации и все видел и слышал (!).

Показательно, что все отзывы на диссертационное исследование почти не содержали замечаний и далее все пошло по традиционному сценарию — благодарность диссертанта, единогласное голосование, присуждение искомой степени кандидата философских наук, банкет, поздравления.

Вот только российскую науку, увы, поздравить не с чем. Хотя вряд ли подобные банкетные фарсы имеют к ней какое-то отношение.

28 декабря 2006
Портал-Credo.Ru

ГЛАВА 2

ТЕНДЕНЦИИ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА ПРЕДПОЧТЕНИЯ ВЛАСТИ «ТРАДИЦИОННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ» И ПРАВОВОЕ ПОЛЕ

В соавторстве с С. А. Мозговым

В современной России антиконституционные процессы в сфере свободы совести приняли характер государственной политики и окончательно вышли из-под контроля общества. Очередной (после принятия в 1997 г. Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях») противоречащий Конституции РФ этап, ставящий целью юридическое закрепление государственных вероисповедных предпочтений, вышел на финишную прямую.

В качестве выстрела из стартового пистолета послужила научно-практическая конференция «Государство и традиционные религиозные объединения. Концептуальные основы взаимоотношений на примере Центрального федерального округа», состоявшаяся 25 января 2002 года. Об уровне мероприятия говорит тот факт, что его вел сам полномочный представитель президента РФ в Центральном федеральном округе Полтавченко. А среди докладчиков фигурировали председатель комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы РФ Зоркальцев, заместитель начальника Главного управления Министерства юстиции РФ по г. Москве Жбанков и председатель отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Кирилл (Гундяев).

В проекте рекомендаций конференции прямо говорится, что совершенствование российского законодательства о религии должно развиваться в направлении выработки законодательной базы для широкого партнерства между государством и религиозными объединениями.

В частности, Зоркальцев отметил, что 14 лет разгула свободы совести не принесли облегчения положения РПЦ и иным «традиционным религиозным организациям»... страну буквально заполнили псевдорелигиозные организации, в результате чего общество оказалось беззащитным перед наплывом мутных и чуждых ему идей. Его заместитель Александр Чуев посетовал, что если ввести ограничения для «нетрадиционных», то обвинят в ограничении свободы совести, и тут же предложил ограничить их по-другому — законодательно расширить права «традиционных».

И вот 5 февраля 2002 г. в Государственной Думе РФ Чуевым был презентован проект федерального закона «О традиционных религиозных организациях в Российской Федерации», в основе которого та самая идея о необходимости введения критериев «традиционности» и соответственно термина «традиционные религиозные организации» в правовое поле РФ. С правовой точки зрения данный законопроект не выдерживает никакой критики, поскольку в его основе положены разделительные принципы, не имеющие четких правовых критериев. В соответствии с настоящим законопроектом предполагается закрепить де-юре целый пакет государственных вероисповедных предпочтений, многие из которых полным ходом внедряются де-факто: практически полностью освободить от налогов не только «традиционные религи-

озные организации» и их структурные подразделения, но также принадлежащие им предприятия; в области образования, благотворительности и социального обслуживания также предполагаются значительные льготы, если не прямое финансирование «традиционных религиозных организаций» и их структурных подразделений.

Отсутствие конструктивной дискуссии по вопросу перспектив введения «традиционности» оставляют мало места для здорового оптимизма. Более того, лавина заявлений Московского Патриархата на тему «католической экспансии» вообще и обращение за защитой «канонической территории» к народным избранникам в частности может стать катализатором законодательского процесса. Трудно предугадать, будет ли Государственной Думой принят именно этот законопроект или это будут поправки к уже действующему законодательству, но очевидно, что заинтересованные круги не откажутся от идеи введения «традиционности» в правовое поле России.

Еще летом в Государственной Думе прошли парламентские слушания «Проблема законодательного обеспечения государственно-церковных отношений в свете социальной концепции Русской Православной Церкви», в основу которых легла идея о необходимости изменения законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях в сторону закрепления государственных вероисповедных предпочтений в лице «традиционных» конфессий. В частности, в проекте рекомендаций в адрес Государственной Думы говорится о необходимости «обобщить и проанализировать правоприменительную практику Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и сформулировать предложения по его совершенствованию с учетом концептуальных положений «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» и мнений представителей российских традиционных конфессий, выраженных в их программных документах о взаимоотношениях государства и религиозных объединений». А в рекомендациях в адрес правительства и субъектов Российской Федерации предлагается принять меры «по поддержке усилий российских традиционных конфессий в деле подготовки отечественных богословских кадров для работы в сфере религиозного просвещения и образования».

Обоснованию необходимости введения термина «традиционные религиозные организации» в правовое поле и его непротиворечия конституционной норме о равенстве религиозных объединений перед законом был посвящен ряд выступлений на VI Всемирном Русском Народном Соборе, последних Рождественских чтениях, а также публикации в СМИ.

Вышеупомянутое обоснование связано в основном с рассмотрением соотношения категорий «юридического равенства» и «фактического равенства», а также с апелляцией к международному опыту в данной сфере.

Действительно, в этом смысле некоторые конфессии, называемые «традиционными», исторически находятся в преимущественном положении. Только не вполне понятно, зачем подменять принципы права «законом джунглей» и «дедовщиной»? Получается, кто старший и сильнее, у того больше прав? Остальным не повезло, и закон должен встать на сторону «естественного отбора» по признаку «традиционности»?

Очевидно, что декларация юридического равенства далеко не всегда является гарантией равенства фактического. Но отказ даже от юридического ра-

венства откроет путь к прямому административному произволу, и без того ставшему каждодневным явлением, но уже на «узаконенных» основаниях.

Что касается международного опыта в данной сфере, то не всякий опыт является прогрессивным, в полной мере соответствующим нормам международного права и реалиям современности, а значит, достойным подражания. В целом, обобщая международную практику регулирования деятельности религиозных объединений в демократических государствах, можно сделать вывод, что она направлена на строгое ограничение возможности государственного вмешательства во внутреннюю жизнь религиозных объединений, или по крайней мере имеет такую тенденцию. Показательно, что Швеция приняла решение отделить церковь от государства после многих веков слияния. На фоне отечественных реалий в это трудно поверить, но инициатором отделения явилась церковь!

Очевидно, что выделение традиционных религиозных организаций нарушит не только конституционную норму об отделении религиозных объединений от государства и их равенстве перед законом (ч. 2 ст. 14 Конституции РФ), но и еще как минимум ряд взаимозависимых конституционных норм, которые каждому гарантируют свободу совести (ст. 28), равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии, убеждений (ч. 2 ст. 19).

Религиозные объединения являются объектом политических интересов и «специального» контроля со стороны власти как в России, так и во многих государствах мира, вследствие чего формируется «специальное» законодательство, в результате правоприменения которого не только нарушаются права верующих и религиозных меньшинств, но и размывается целый ряд демократических конституционных принципов, составляющих основу конституционного строя.

Сакрализация (освящение) власти — это так традиционно для России. Но значит ли это, что Россия должна отказаться от курса на строительство демократического правового государства и формирования гражданского общества, отказаться от своих международных обязательств в области прав человека в угоду радетелей «традиционности», а фактически сакрализации власти?

Сегодня власть в своем стремлении к неограниченному господству не без успеха пытается навязать обществу комплекс подмен, главной из которых является подмена принципа верховенства права некой традиционностью, взращенной на идеализируемых представлениях о прошлом. Анализ реальной ситуации показывает, что «официальная» наука и законотворческий процесс при заинтересованном и/или молчаливом согласии «традиционных» конфессий находится под контролем власти, подводя некую научную базу под ее антиконституционную политику в сфере свободы совести.

Совершенно очевидно, что введение понятия «традиционные религиозные организации» в правовое поле России в конечном итоге будет способствовать доминированию «самой традиционной» конфессии и новому витку ущемления прав остальных граждан и объединений, а значит, усилению этноконфессиональной напряженности, углублению расслоения людей по отношению к мировоззренческим ценностям и в конечном итоге дестабилизации всего общества.

27 февраля 2002
Независимая газета

ДУМЫ О СОВЕСТИ **В КАКОМ НАПРАВЛЕНИИ БУДЕТ ИЗМЕНЯТЬСЯ** **ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СВОБОДЕ СОВЕСТИ?**

Комитет Государственной Думы (ГД) по делам общественных объединений и религиозных организаций прошлого созыва, возглавлявшийся коммунистом Виктором Зоркальцевым, являлся проверенным партнером Московской патриархии. Он играл ключевую роль в законодательном оформлении антиконституционных процессов в области свободы совести и отношений государства с религиозными объединениями.

В 1997 г. через ГД успешно был проташен Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях». Новый закон, в отличие от ранее действовавшего Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» 1990 года, закрепил конфессиональные предпочтения государства (преамбула), существенным образом ужесточил порядок создания религиозных организаций (ст. 9-12), ограничил деятельность «нетрадиционных» и особенно иностранных религиозных организаций (ст. 13).

Репрессивной «новеллой» принятого в 1997 г. закона являлось введение механизма запрещения деятельности религиозной организации (ст. 14). Эта статья значительно расширила основания для принятия судебных решений о ликвидации религиозного объединения. Тогда много говорилось о том, что принятием упомянутого закона нанесен тяжелый удар по демократическому развитию нашей страны, а также о грубых нарушениях норм профессиональной этики.

Но постепенно все утряслось, и комитет ГД вновь взялся за дело. Законопроекты из сериала 2001-2003 гг., предполагающие законодательное закрепление льгот для «традиционных религиозных организаций», так и не стали законами. Зато в 2003 г. комитет сосредоточил усилия на формировании и продвижении через парламент базы ограничений для «нетрадиционных» религий под лозунгами обеспечения «духовной безопасности».

Русская Православная Церковь Московского патриархата (РПЦ МП) не бросила партнера в беде, когда весной 2002 г. над комитетом нависла угроза ликвидации. Тогда за него вступился сам Патриарх Алексий II (Ридигер). Он прямо сказал, что дорожит сотрудничеством с комитетом и ценит его высокую квалификацию. В новую Думу В. Зоркальцев не прошел. Комитет хоть и обновился, но сохранил себя, и в какой-то мере сохранил преемственность курса. В частности, автор законопроектов о «традиционных» религиях Александр Чуев остался на посту зампреда. А возглавил комитет представитель «Единой России» Сергей Попов.

Первым значимым мероприятием обновленного комитета стали Парламентские слушания «Совершенствование законодательства о свободе совести и о религиозных организациях: практика применения, проблемы и пути решения», которые прошли 27 мая 2004 г. Это, конечно, не парламентские слушания, состоявшиеся 6 июля 2001 г. («Проблема законодательного обес-

печения государственно-церковных отношений в свете социальной концепции Русской Православной Церкви») и организованные под председательством В. Зоркальцева. Тогда в рекомендациях открытым текстом говорилось о необходимости совершенствования законодательства с учетом концептуальных положений «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» и мнений представителей российских «традиционных» конфессий. В рекомендациях, адресованных федеральному правительству и субъектам Российской Федерации, предлагалось принять меры «по поддержке усилий российских традиционных конфессий в деле подготовки отечественных богословских кадров для работы в сфере религиозного просвещения и образования».

Тем не менее, в итоговом документе последних парламентских слушаний положительно оценен ФЗ «О свободе совести...» 1997 г. Отмечено, что он «не лишен недостатков, но в тех условиях он был единственно возможным компромиссом, достигнутым в результате кропотливого труда представителей различных слоев многоконфессионального российского общества».

В целом же, рекомендации нынешних слушаний носят весьма абстрактный характер. Комитету ГД по делам общественных объединений и религиозных организаций вообще ничего конкретного не предлагается — «обобщить высказанные в ходе обсуждения предложения и замечания, проанализировать их для учета в дальнейшей деятельности по совершенствованию законодательства о свободе совести и о религиозных организациях».

Комитетам ГД по аграрным вопросам и по бюджету наказано рассмотреть предложения религиозных организаций по законодательному обеспечению реоформления прав на земельные участки и по совершенствованию законодательства о налогообложении религиозных организаций соответственно.

В таком же духе выдержаны рекомендации в адрес правительства и субъектов Российской Федерации. Они должны изучать, совершенствовать, рассматривать, готовить предложения, оказывать поддержку, принимать меры... И ничего не делать, пока не скажут свыше.

Выступления основных участников не сильно проясняют картину. Первый заместитель председателя Госдумы Любовь Слиска лишь обозначила основные направления, среди которых оказались вопросы духовно-нравственного просвещения и борьбы с «религиозным экстремизмом».

Заместитель министра юстиции Евгений Сидоренко озабочился проблемой придания государственного статуса и финансирования религиозно-экспертным. Любопытны его высказывания относительно необходимости расширения полномочий регистрирующих органов и экспертиз общественных объединений.

Заместитель председателя Комиссии при Правительстве РФ по вопросам свободы совести и религиозных организаций Андрей Себенцов рассказал об основных предложениях по доработке законодательства. Рекомендации коснулись некоторых положений ФЗ «О свободе совести...» 1997 г., среди которых наибольший резонанс вызвала идея упразднения 15-летнего срока, введенного как своеобразное «испытание» перед регистрацией местных религиозных организаций.

Председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата (ОВЦС) митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев) не

скрывал своего раздражения деятельностью комиссии Себенцова. В частности прозвучали упреки в том, что она превысила свои полномочия и разработала концептуальные поправки, хотя ей было поручено совсем другое.

Наиболее категорично высказывания митрополита Кирилла прозвучали в адрес пресловутого 15-летнего срока. По мнению митрополита, упразднение 15-летнего срока нарушит межконфессиональный баланс и спровоцирует новый виток напряженности в обществе. «Никто не запрещает группе из 10 человек собраться и молиться антарктическому пингвину, но регистрация даст им права, привилегии, налоговые льготы, доступ в образовательные учреждения и армию», — резюмировал председатель ОВЦС.

Требования владыки Кирилла пересмотреть налоговое и земельное законодательства, разработать действенный механизм передачи культовых зданий Церкви были восприняты законодателями как давно привычные.

Депутат ГД Александр Чуев утверждал, что закон 1997 г. хороший, но еще лучше будет, заметил он, если государство юридически закрепит сотрудничество с «традиционными» религиями: «Сегодня президент благоклонен в государственно-церковных отношениях. А вдруг завтра придет другой? — Нужно заложить правовые основы».

Эти и другие выступления, в основном, частного характера, дали весьма смутные представления о том, как далеко пойдет «совершенствование» законодательства о свободе совести и о религиозных организациях в ближайшее время. Хотя некоторое представление о возможных конкретных направлениях вышеупомянутого «совершенствования» дает знакомство с раздаточными материалами, полученными участниками слушаний.

Так «Аналитический вестник» (выпуск № 15, 2004 г.), специально подготовленный к слушаниям Аналитическим управлением аппарата Госдумы, целиком посвящен законодательному регулированию противодействия «религиозному экстремизму». Авторы «вестника» хоть и говорят о серьезных затруднениях теоретического определения понятия «экстремизм», но все же нашли слова для идентификации его производного в религиозной сфере. Их абсолютно не смутили не только безразмерность трактовки «экстремизма», но и принципиальное отсутствие юридического определения религии.

Это означает, что на практике любая организация по произвольным основаниям может быть причислена к «экстремистской» и подвергнута преследованиям. Более того, думские аналитики связали «религиозный экстремизм» с терроризмом и сепаратизмом, что, вероятно, должно усилить санкцию и обеспечить ее неотвратимость.

Еще одна распространявшаяся на слушаниях книжечка — «Религия в светской школе: зарубежный опыт» — имеет «шапку» Экспертного совета Комитета ГД по делам общественных объединений и религиозных организаций.

Нелишне отметить, что не всякий зарубежный опыт является положительным, а значит достойным подражания. Кроме того, предлагаемые в качестве образца страны не сопоставимы с многонациональной и поликонфессиональной Россией. Скорее всего, моделей государственно-конфессиональных отношений, достойных слепого подражания, вообще нет. Все они далеки от идеала, поскольку ставят интересы субъектов упомянутых отношений выше прав человека.

С первых строк намерения автора не вызывают сомнений. Он пытается «перепрыгнуть» через конституционные принципы свободы совести, светскости государства, равенства религиозных объединений и др., и обосновать антиконституционную идею государственного финансирования конфессионального образования в государственной школе. Для этого автор предлагает «винегрет» из многих определений и признаков.

Лукавство его заключается в том, что ключевых определений автор не дает. Прежде всего, это все тот же юридически не определенный термин «религия». Одна только двойственность толкования ключевого термина означает «коррупциогенность» нормативного акта, и неминуемо порождает коррупцию.

Уважаемый автор избегает определения «светскости государства». Но очевидно, что ее юридически корректное определение как мировоззренческий нейтралитет государства, не устраивает эксперта думского комитета. Понимание нейтралитета как равнодушия государства вообще к любому мировоззрению (без конкретизации и разделения на религиозное и нерелигиозное, религию и идеологию) не позволяет осуществить искомое обоснование.

Определение светскости государства, наряду с прочей терминологией по этой проблеме и пакетом предложений, предлагается еще в одной розданной брошюре, подготовленной Учебным комитетом РПЦ МП. Называется она «Светскость образования и религия», и мягко говоря, не является конфессионально нейтральной. В «шапке» — конфессионально ориентированные структуры — Православный Свято-Тихоновский богословский институт и РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права».

В брошюре дается еще больше определений, но, увы, почти все они грешат указанными выше недостатками. Что не удивительно. У них один и тот же плоховитый автор, «визитная карточка» которого — цепочка подмен во главе со слабым звеном — юридически не определенным термином. Предложения Учебного комитета РПЦ МП замахиваются на Закон РФ «Об образовании». Например, предлагается подправить п. 5 ст. 1, запрещающий в государственных образовательных структурах деятельность политических партий и религиозных организаций. Кроме того, предполагается законодательное закрепление возможности создания домовых храмов (молельных комнат) в зданиях государственных образовательных учреждений. Но не для всех религий, а только для тех, которые составляют «неотъемлемую часть исторического наследия народов России».

В конце брошюры приведены письма в поддержку вышеупомянутых предложений по изменению закона «Об образовании». Менять светское законодательство предполагается «по просьбам трудящихся», в качестве которых, на сей раз, высказались лидеры конфессий. В роли «поддержантов» выступили: зампред Центрального духовного управления мусульман России муфтий Фарид Салман, председатель Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений в России раввин Зиновий Коган, председатель Российского объединенного союза христиан веры евангельской епископ Сергей Ряховский. Они и раньше «засветились» на этом поле, подписывая письма в поддержку не вполне конституционных инициатив и материалов вроде справочника «Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера».

Таким образом, несмотря на внешнюю сдержанность, дистанцирование и даже охлаждение отношений старых партнеров, каковыми являются Комитет ГД по делам общественных объединений и религиозных организаций и РПЦ МП, конституционные принципы в области свободы совести находятся под угрозой. Эта угроза связана с сохранением тенденций трансформации законодательства, предполагающими, с одной стороны, привилегии РПЦ МП (и, возможно, другим «традиционным» религиям), а с другой — ограничения остальным под предлогом борьбы с «религиозным экстремизмом».

Скорее всего, комитет больше не является самостоятельным партнером, что связано, прежде всего, с полным фактическим контролем законодательной ветви со стороны «вертикали власти». В общем, никакой законотворческой самодеятельности не предвидится. Отсюда туман относительно направлений изменения законодательства о свободе совести и о религиозных организациях, что оставляет больше возможностей для маневра в случае изменения тактики религиозной политики Кремля. Но нет сомнений, что стратегия осталась прежней, как и приоритет религиозной политики относительно прав и свобод человека.

4 июня 2004

Портал-Credo.Ru

НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ — 2005 И БЕЗРАДОСТНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ — 2006

Итоги

Закончился 2005 год, а значит пришло время подводить итоги. Увы, итоги в области соблюдения прав и свобод человека в нашем Отечестве нельзя считать удовлетворительными. Прежде всего, это касается системообразующего права на свободный мировоззренческий выбор, более известного как свобода совести.

Приходится констатировать, что свободы совести в современной России нет, так как она подминается религиозной политикой и поглощается системной коррупцией в области отношений государства с религиозными объединениями. Отсутствие свободного мировоззренческого выбора делает невозможным свободный политический выбор, со всеми вытекающими из этого экономическими и социальными последствиями. Соответственно, основным итогом кризиса реализации свободы совести в России является разложение демократических принципов и институтов, окончательное крушение идеалов гражданского общества.

Неизбежным следствием кризиса свободы совести, как свободы мировоззренческого выбора, являются многочисленные нарушения религиозной свободы. При этом неверующие также чувствуют себя ущемленными. Именно такие выводы содержатся в исследовании Института свободы совести (ИСС), проведенном на основе регионального мониторинга Московской хельсинкской группы (МХГ), опроса религиозных организаций, анализа научных публикаций и СМИ. Даже самые вопиющие факты по всем видам религиозной дискриминации образуют брошюру, поэтому автор ограничивается сухой

аналитикой.

Несоблюдение принципа правового равенства религиозных объединений, неправомерное воспрепятствование (или ограничение) деятельности отдельных религиозных объединений (нередко сопряженное с насилием) имели место практически во всех регионах РФ.

Ряд религиозных организаций испытывают большие трудности с ввозом печатной продукции из-за рубежа.

На фоне привилегированного положения РПЦ МП, которая в изобилии получает от государства помещения и земли (а нередко и деньги) под строительство, обращают на себя внимание соответствующие проблемы «неосновных» религиозных объединений. Участились случаи, когда власть отнимает ранее выделенные участки, в которые уже были вложены значительные средства (в разработку проектной документации и т. п.). У большинства религиозных организаций, в основном протестантских, а также альтернативных православных, возникают проблемы, связанные не только с сооружением культовых зданий, но даже с арендой помещений для молитвенных встреч.

Проблема реституции собственности религиозных организаций по-прежнему остается нерешенной для многих конфессий, кроме официального православия. Представляется, что проблема возвращения собственности религиозным организациям должна решаться на строго правовых основаниях — единых для различных организаций и граждан. Объективным препятствием на пути принятия закона о реституции является история России. Однако иногда власти передают РПЦ МП культовые сооружения других религиозных организаций.

Еще одной проблемой является распространение, в том числе в СМИ, недостоверной и порочащей информации о деятельности религиозных объединений. Как правило, не обходится без использования негативного социального ярлыка «секта», «тоталитарная секта».

В 2005 г. в России имели место неправомерные ограничения деятельности религиозных организаций, лидеры которых являются гражданами иностранных государств.

Влияние религиозной политики («духовное окормление» «силовиков» со стороны РПЦ МП, воспроизводимые «сверху»: борьба за «духовную безопасность», с «религиозным экстремизмом» и «исламским терроризмом», против «тоталитарных сект» и т. п.) не могло не привести к росту насильственных акций со стороны «силовых» структур государства: неправомерным задержаниям и арестам, угрозам, избиениям, облавам, фабрикации уголовных дел и т. п. В случаях же нарушения законных прав членов религиозных организаций, (если только это не РПЦ МП, что, конечно, в современных российских условиях почти невероятно) правоохранительные органы, как правило, отказывались предпринять меры для привлечения виновных к ответственности.

Кроме роста насильственных акций со стороны «силовиков», имеются основания констатировать рост насилия на почве нетерпимости и ксенофобии. В 2005 г. в большинстве регионов России имели место угрозы, нападения, избиения людей и погромы, поджоги и другие акты вандализма в отношении культовых сооружений и домов верующих различных конфессий.

Важным показателем ситуации в области свободы совести является то,

что власть использует религиозные объединения для некоей легитимизации своей не вполне конституционной политики. В указанном контексте представители РПЦ МП нередко выступают непосредственными гонителями и/или инициаторами гонений инаковерующих, а некоторые исламские лидеры высказываются о необходимости законодательного ограничения и жесткого силового пресечения «ваххабитов».

Политические партии и отдельные политические деятели, вероятно в погоне за «православным» избирателем, соревнуются в демонстрации симпатий православию (и других «основных» конфессий), и, соответственно, антипатий по отношению к остальным религиям России.

С 1 января 2004 г. в России действует Закон «Об альтернативной гражданской службе». Ситуация 2005 года подтверждает выводы многих правозащитников о дискриминационном характере норм закона, результатом чего явился резкий спад желающих пройти АГС. («Силовики», поправками извратившие правозащитную суть закона, этого и добивались.)

Безрадостная ситуация в области религиозной свободы определяется, прежде всего, федеральной религиозной политикой, а политика региональных властей, как правило, не имеет отклонений от «кремлевской вертикали». Это и понятно — поскольку эта самая вертикаль строго однолинейна, а потому, по определению, неустойчива как стоящая на торце указка, готовая упасть при малейшем отклонении от этой пресловутой вертикали. И только затем можно говорить о не исполнении законодательства и злоупотреблениях региональных чиновников, приводящих к нарушениям прав верующих и религиозных объединений.

Но даже здесь не все однозначно. В современной России коррупция в интересах отдельных чиновников, как это ни парадоксально звучит, является фактором, несколько смягчающим жесткость вероисповедной вертикали и дискриминационного законодательства, в значительной мере являющиеся продуктом коррупции верхушечной (государственной и политической).

Несмотря на то, что в различных регионах России положение религиозных меньшинств не однородно, эти различия балансируют между «плохим» и «очень плохим».

Количество дискриминационных актов не является безусловным критерием религиозной свободы, поскольку зависит от активности религиозных организаций. Многие из них были вынуждены снизить активность, а в некоторых регионах и вовсе прекратить свою деятельность. Нет меньшинств — нет и нарушений, но есть ли свобода религиозного выбора?

Очень многие религиозные лидеры в качестве средства решения проблем избрали коррупцию, конформизм и лояльность власти, доходящую до сервильзма. А некоторые, кроме того, пытаются полюбовно договориться со «старшим братом» — РПЦ МП. И те, и другие готовы играть в политику и жертвовать свободой паствы и страны ради выживания своих корпораций. Именно поэтому многие религиозные организации стараются особо не афишировать нарушения, «не выносить сор из избы».

Некоторое влияние на состояние религиозной свободы оказывает доступность судебной защиты нарушенных прав. Религиозные организации, обладающие достаточными финансовыми ресурсами для содержания или разовой оплаты адвокатов, имеют определенное преимущество по отношению к орга-

низациям, их не имеющих. Но это, скорее, не основной, а дополнительный фактор.

Неизбежным результатом сложившейся системы является расслоение среди религиозных организаций в контексте проблемы религиозной свободы — одни еле живы, другие чувствуют себя вполне комфортно, по крайней мере, на институциональном уровне. Однако адаптивные способности верхушки успешных религиозных корпораций не могут защитить низовые общины верующих от насилия и актов вандализма на почве роста ксенофобии и нетерпимости в обществе. Разрыв между иерархией и общинами, также имеет место в некоторых конфессиях.

Опрос религиозных организаций на предмет состояния и динамики в области религиозной свободы показал, что ситуация ухудшилась, прежде всего, для организаций, ведущих активную миссионерскую деятельность и выбравших путь независимости от власти и/или РПЦ МП.

О стабилизации, и даже улучшении ситуации (!), говорят представители организаций либо снизивших активность, либо вписавшихся в реалии существующей религиозной политики.

Не вполне корректным представляется определение некоторых влиятельных религиозных организаций в качестве главных виновников религиозной дискриминации. Безусловно, конфессиональная бюрократия РПЦ МП и других «основных» религиозных организаций оказывает некоторое влияние на религиозную политику государства, но непосредственно масштабные нарушения исходят от государственных структур. В указанном контексте в 2005 г. имело место усиление деятельности «силовых» структур по «зачистке» религиозного пространства. Естественно, что радикальные группы не могут составить им конкуренцию.

Серьезные опасения вызывают политика вмешательства власти в дела ислама и набирающая обороты борьба с «исламским терроризмом». Глубинная причина напряженности между государственной властью и исламом кроется в религиозной политике «кнута и пряника», в результате которой мусульмане ощущают себя дискриминированными, а то и вовсе чужими в России. Попытки манипулировать исламскими лидерами лишь вносят раскол в мусульманскую среду и способствуют усилению позиций ее радикализованной, порой искусственно, части.

Впрочем, дискриминированными чувствуют себя не только мусульмане, а вообще «неправославные». Таким образом, стимулируется рост национально-религиозной напряженности и углубление расслоения людей по отношению к мировоззренческим ценностям, в свою очередь лежащие в основе сепаратизма.

Нежелание привести государственную политику в соответствие с Конституцией РФ и силовое рефлексирование власти влечет массовые нарушения прав человека и лишь усугубляет ситуацию. Непродуманная и опасная политика конфессиональных предпочтений федерального Центра является основной причиной поддержки в «неправославных» регионах значительной частью населения сепаратистов, рядящихся в «религиозные одежды». Все это чревато не только затяжными вооруженными конфликтами, всплесками терроризма, но и сопряженным с насилием и распадом федеративной системы РФ.

Картину состояния религиозной свободы дополняет влияние фактора

межгосударственных отношений. Например, улучшение российско-китайских отношений приводит к неправомерному ограничению деятельности Фалуныгун, а сотрудничество российских «силовиков» с коллегами из Узбекистана ведет к усилению репрессий по отношению к «Хизб ут-Тахрир».

Кроме того, на основании исследований ИСС можно говорить о наличии некоторой зависимости количества нарушений от проведения выборных кампаний. Очевидно, что имеющая место предвыборная эскалация государственных вероисповедных симпатий и антипатий, а так же конъюнктурное стремление отдельных политиков расположить к себе избирателей обещаниями бороться с «сектами» и т. п. приводит к увеличению числа дискриминационных актов. Скорее всего, последствия предвыборной мобилизации и чрезмерной эксплуатации «религиозного фактора» сказываются и некоторое время спустя, но для получения точных данных необходимы специальные исследования.

Деятельность российских правозащитников (как государственных, так и НПО) в области свободы совести нельзя считать ни достаточной, ни адекватной[1]. Общим местом и тех и других является слабое осознание ответственности перед обществом. Первые осознают ответственность только перед властью, а вторые — перед спонсорами. В результате, о системной работе в сфере защиты свободы совести в масштабах российского (и международного) правозащитного движения приходится только мечтать.

Как правило, вся работа ограничивается областью религиозной свободы, уровнем правоприменения, т. е. защитой уже нарушенных прав (причем далеко не всех религиозных организаций), а так же борьбой за толерантность и против ксенофобии, нетерпимости.

Естественно, эта работа необходима. Но она явно недостаточна, так как при этом упускается из виду, что достижение толерантности (в т. ч. уважения к свободе мировоззренческого выбора) не возможно без реализации свободы совести (свободы мировоззренческого выбора) и взаимосвязанных с ней принципов составляющих основу строя (светскости государства, равенства религиозных объединений и граждан вне зависимости от отношения к религии).

Соответственно деструктивные процессы в области свободы совести (кризис) и отношений государства с религиозными объединениями (системная коррупция) лежат в основе ксенофобии и нетерпимости. Очевидно, что борьба только со следствиями не может быть эффективной.

Кроме того, следует отметить, что уровень толерантности «в народе» России всегда был достаточно высок, а ксенофобия, нетерпимость, гонения всегда исходили и провоцировались властью и сросшейся с ней «основной» конфессиональной бюрократией.

Как показывает состояние демократии в России, упомянутые подходы правозащитников не являются эффективными. Более того, имеющее место в правозащитной среде использование неправовых терминов «секта», «тоталитарная секта», «экстремизм», «религиозный экстремизм», «исламский терроризм» и т. п. не только не способствует достижению толерантности, но напротив разжигает религиозную рознь и нетерпимость. Представляется, что уровень подготовки касаемо области свободы совести, даже у руководителей ведущих российских НПО, не является достаточным.

На конструктивное влияние международных организаций, так же особо рассчитывать не приходится. Даже общая оценка ситуации в области свободы совести не всегда адекватна, не говоря уже о выявлении ее причин.

Почему-то в качестве виновников нарушений свободы совести в России всегда называют региональных чиновников (деспотов и невежд), действующих вопреки воле федеральной власти (демократичной и просвещенной). Возможно в начале «демократического транзита» так и было, но в современных условиях «ручной управляемости» демократией и перманентности укрепления «вертикали власти» некорректность упомянутой оценки достаточно очевидна.

Перспективы.

В общем, ситуация в области религиозной свободы в 2005 году отнюдь не внушает оптимизма. Но можно ли попытаться заглянуть в начавшийся год?

Так как законотворческий процесс «сегодня» это правоприменение «завтра», то его рассмотрение может пролить некий свет на перспективы религиозной свободы в России. Тем более, что законотворчество в значительной мере отражает тенденции религиозной политики.

Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы РФ в настоящее время больше не является самостоятельным партнером Русской Православной Церкви Московского патриархата (РПЦ МП), что связано, прежде всего, с полным фактическим контролем законодательной ветви со стороны президентской «вертикали власти». Это стало ясно еще по результатам последних Парламентских слушаний «Совершенствование законодательства о свободе совести и о религиозных организациях: практика применения, проблемы и пути решения», организованных комитетом 27 мая 2004 г.[2]

В 2005 г. законотворческий процесс в области свободы совести проходил довольно вяло, что можно объяснить политическим межсезоньем. Наиболее значимым событием явился проект ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», который был предложен руководителем Комитета Государственной Думы по делам общественных организаций и религиозных объединений С.А. Поповым и обсуждался 26 мая 2005 г. на заседании Экспертного совета при том же комитете.

Проект содержит четыре поправки, предполагающие изменение: статьи 6 пункт 1, статьи 11 пункт 8, статьи 16 пункт 5 и статьи 20 пункт 2.

Первая поправка предполагает введение понятия «миссионерская деятельность» в качестве уточнения термина «распространения веры», используемого в законе.

Вторая поправка касается оснований деятельности государственной религиозно-экспертной экспертизы: «Государственная религиозно-экспертная экспертиза назначается в случае необходимости дополнительных исследований для подтверждения религиозного характера организации и определения или отсутствия установленных настоящим законодательством оснований отказа в ее регистрации в качестве религиозной организации с соответствующим наименованием; выявления в особенностях вероучения и практики религиозного объединения наличия или отсутствия связи с действиями, совершенными участниками религиозного объединения, признанными в установленном порядке противоправными, для обращения в суд с иском о запрете деятель-

ности религиозного объединения и ликвидации религиозной организации, а также выявления необходимости приостановления деятельности религиозного объединения, в том числе в связи с проведением экстремистской деятельности».

Из Пояснительной записки следует, что перечень задач расширен с учетом потребностей практики в государственном регулировании миссионерской деятельности, ограничения деятельности организаций, проводящих религиозную деятельность, но зарегистрированных в качестве общественных (Брахма Кумарис, Фалуньгун, Шри Чинмой и др.) и в контексте противодействия «экстремистской» деятельности.

Парадокс заключается в том, что не только правового, но даже единого религиозоведческого определения религии не существует (их вообще около 200), а значит, эксперты фактически определяют внешние проявления религиозности объединений на предмет соответствия собственным представлениям о религии.

Проблемы у религиозных объединений, которые пытаются обойти репрессивное законодательство, возникают уже давно. Например, после того как Администрация Приморского края провела тринадцать заседаний экспертно-консультативного совета, на которых были рассмотрены уставы и деятельность пятнадцати религиозных организаций, из них десять не были рекомендованы для регистрации уставов в краевом Управлении юстиции, некоторые из них попытались зарегистрироваться как общественные. Им было отказано, «намечена религиозоведческая экспертиза с целью определения общественного или религиозного характера данных организаций»[3].

Похоже, что данную практику решили закрепить законодательно, а заодно распылить и углубить. Соответственно, Государственной религиозоведческой экспертизе отводится роль светского аналога «святой инквизиции», если не расадника коррупции.

Третья поправка касается порядка проведения массовых публичных богослужений или религиозных обрядов. Под предлогом устранения конфликта между нормами, возникшего после принятия Федерального закона № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» устанавливается ограничение на то, что массовые публичные богослужения могут проводиться только религиозными организациями, но не религиозными группами: «В случаях, не предусмотренных пунктами 1-4 настоящей статьи, массовые публичные богослужения и другие религиозные обряды и церемонии осуществляются в соответствии с внутренними установлениями религиозной организации после письменного уведомления органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления о проведении публичного мероприятия в срок не позднее 7 дней до дня проведения соответствующего мероприятия...».

Четвертая поправка гласит: «Централизованные религиозные организации имеют исключительное право приглашать иностранных граждан в целях занятия профессиональной, в том числе проповеднической, религиозной деятельностью в данных организациях и религиозных организациях, входящих в их структуру в соответствии с федеральным законодательством». Иными словами, кроме религиозных групп, и религиозные организации, не входящие в централизованные, предлагается лишить этого права.

Записка поясняет, что поправка призвана упорядочить нынешнюю практику приглашений, обеспечить усиление контроля и поставить заслон на пути бесконтрольно приглашенных «религиозных деятелей, порой проповедующих экстремистские идеи, представляющие угрозу безопасности российского общества (например, «ваххабистских»).

Что касается концептуальных основ проекта ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», то они базируются на следующих тезисах из Пояснительной записки: «Одной из отличительных черт современной религиозной ситуации в Российской Федерации является деятельность зарубежных религиозных миссионеров, которая привела к значительному росту новых религиозных движений. Количество зарегистрированных в Российской Федерации конфессий возросло с 20 до 69. Интенсивный рост религиозных объединений нарушает сложившийся в стране конфессиональный баланс, создает основу для проникновения экстремистских идей, вызывает обоснованную тревогу и обеспокоенность в обществе и среди последователей традиционных конфессий России».

Показательно, что концепция вышеупомянутого законопроекта не вызвала принципиальных возражений правового характера со стороны Государственно-правового управления Президента РФ, о чем говорится в заключении от 14 мая 2005 г., подписанным его начальником Л. Брычевой.

В ноябре 2005 г. в СМИ появились сообщения, что в Государственной Думе готовится законопроект, который должен упорядочить миссионерскую деятельность на территории России. Как сообщили «Интерфаксу» в понедельник источники в Федеральном Собрании, одновременно планируется ввести как административную, так и уголовную ответственность за «незаконное миссионерство, сопряженное с разжиганием экстремизма». Источник отметил, что, по данным экспертов Минюста РФ, «тенденция нарастания экстремизма на религиозной основе прежде всего обусловлена ростом иностранной религиозной экспансии»[4].

Однако по словам главы думского Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций Сергея Попова в Государственную Думу пока не поступало никаких предложений по усилению контроля за деятельностью иностранных миссионеров. С. Попов сообщил, что ему стало известно из СМИ «о том, что Минюст якобы готовит свои предложения по более жесткому контролю за деятельностью иностранных миссионеров в России». Тем не менее, С. Попов высказал мнение, что «проблема существует, и с ней надо серьезно разобраться». «Зачастую не совсем понятно, каким образом проникают в нашу страну иностранные миссионеры. По одной информации, они приезжают на основании рабочих виз, по другой — по туристическим визам, по третьей — на основании приглашений физических лиц», — сказал С. Попов. Вместе с тем он подчеркнул, что осуществлять миссионерскую деятельность вправе только те иностранцы, которые официально приглашены в нашу страну руководством соответствующих конфессий[5].

Заместитель С. Попова, депутат Госдумы от фракции «Родина» Александр Чуев, высказался более определенно: «В отношении незаконной миссионерской деятельности нужно внести изменения в Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», поскольку сегодня такая деятельность часто не регулируется. Самое страшное заключается в том, что этой деятель-

ностью занимаются представители не традиционных религий, а весьма и весьма специфических духовных учений». «Нужно совершенствовать религиозное законодательство. Необходимо внести поправки, которые, например, предусматривали бы при регистрации в стране подобных организаций экспертизу, так как сегодня существуют псевдорелигиозные объединения, которые регистрируются не для благоприятных целей, а часто действуют как секты. В итоге в России появляются новые «спасители», «пророки», которые объявляют себя центром и смыслом существования всех мировых религий», — сказал А. Чуев. Кроме того, по его мнению, «противостоять зарубежной экспансии мы можем и должны путем усиления роли традиционных для России вероисповеданий, закрепляя их в законе, давая им налоговые преференции и возможность социального партнерства с государством»[6].

Очевидно, что ведущая роль в формировании тенденций трансформации законодательства о свободе совести отводится федеральной религиозной политике, но попытки депутатских фракций и отдельных депутатов заручиться поддержкой «главной церкви, главного народа» способны оказать некоторое влияние.

Например, «антисектантские»[7] мероприятия в стенах законодательного органа время от времени проводит Либерально-демократическая партия (ЛДПР) В.В. Жириновского. Например, 28 сентября 2005 г. в Государственной Думе Федерального Собрания РФ в зале заседаний приемной руководителя фракции ЛДПР состоялось заседание круглого стола «Секты в Москве: теория и практика борьбы». В рамках круглого стола обсуждались следующие вопросы: «Распространение сект в школах г. Москвы: кто и зачем это допускает? Почему молодежь попадает в секты: чего не хватает молодым людям в обычной жизни? Каким образом народ и государство должны бороться с распространением сект?»[8].

Таким образом, характер законотворческого процесса показывает неизменность стратегии, направленной на законодательное закрепление контроля мировоззренческой сферы и построение «вероисповедного модуля» «вертикали власти».

Так как монополизация власти невозможна без монополии на истину, то без приоритета религиозной политики относительно прав и свобод человека никак не обойтись. О соответствующих перспективах религиозной политики, способных оказать влияние на трансформацию законодательства в области свободы совести можно судить по заявлениям первых лиц государства и его политических партнеров, в лице влиятельных иерархов РПЦ МП.

В рождественском поздравлении президента России В.В. Путина говорится об укреплении традиционных нравственных ценностей и важной роли РПЦ МП и «традиционных христианских конфессий» в сохранении духовных основ общества. А в рамках празднования Пасхи и 60-летия Победы чиновники всех уровней, начиная с президента, приветствуют деятельность и обмениваются поздравлениями только с представителями официального православия, часто заявляя о том вреде, который могут нанести стране верующие «нетрадиционных» конфессий.

РПЦ МП устами влиятельных иерархов продолжает настаивать на привилегированных отношениях с властью. Осенью 2005 г. митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев) в интервью журналу «Diplomatie»

сказал: «На мой взгляд, нет ничего плохого и угрожающего свободе людей иных вер, если государство публично заявляет о своих особых отношениях с религиями большинства населения своей страны... Полагал бы, что и в России было бы полезно определить подобные особые отношения с четырьмя традиционными религиями нашей страны: православием, исламом, иудаизмом и буддизмом. Это позволило бы сотрудничать государству и религиозным общинам в различных общественных сферах пропорционально количеству верующих, принадлежащих к той или иной традиционной религии»[9].

Таким образом, несмотря на внешнюю сдержанность, дистанцирование и даже некоторое охлаждение отношений старых партнеров, каковыми являлись Комитет ГД по делам общественных объединений и религиозных организаций и РПЦ МП, конституционные принципы в области свободы совести находятся под угрозой.

Тем более, что тенденции трансформации законодательства, предполагающие, с одной стороны, законодательное закрепление привилегий РПЦ МП (и, возможно, другим «основным» религиям), а с другой — ограничения остальным под предлогом борьбы с «религиозным экстремизмом», в значительной мере сохранились.

Впрочем, если судить по высказываниям президента РФ и гаранта Конституции России В.В. Путина, то законодательное закрепление привилегированного положения «традиционных» религий это уже решенный вопрос. Еще 22 апреля 2005 г. в интервью израильскому телевидению, В.В. Путин сказал: «Иудаизм наравне с исламом, с православием относится к так называемым традиционным российским религиям, которые отнесены законом к традиционным российским религиям, и в этом качестве защищены законом»[10].

[1] Более подробно на эту тему см.: Бурьянов С.А. Уполномоченный уполномочен заявить. Защитит ли новый российский омбудсмен свободу совести? // Портал-Credo.Ru 8 июля 2004; Бурьянов С.А. Свобода совести: почему ее нет, и судя по всему, не будет в современной России? // Портал-Credo.Ru 20 октября 2004.

[2] Бурьянов С. Думы о совести. В каком направлении будет изменяться российское законодательство о свободе совести? // Портал—Credo.Ru 4 июня 2004. <http://portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=222>

[3] Фадеев П.Г. О реализации Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в Приморском крае // Там же. Российское законодательство о свободе совести в 80 — 90-х гг. XX в.: теоретические споры, реформирование правовых основ, практическая реализация законодательных актов. М., 1999. С.143.

[4] Незаконные миссионеры-экстремисты будут нести уголовную ответственность // Интерфакс. 14 ноября 2005 года.

[5] В Госдуму не поступало предложений по усилению контроля за деятельностью иностранных миссионеров — глава комитета // Интерфакс. 14 ноября 2005 года.

[6] Депутат Госдумы РФ Александр Чуев: мы можем и должны противостоять экспансии в РФ ряда зарубежных религиозных организаций // Портал—Credo.Ru. 15 ноября 2005.

[7] Нелишне напомнить, что в соответствии с решением № 4 (138) от 12

февраля 1998 г. судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ «в законодательстве Российской Федерации не существует такого понятия как «секта». Термины «секта» и «тоталитарная секта» даже в религиоведении не корректны — многие ученые отказались от их использования (а некоторые не использовали никогда), предпочтя нейтральный — новое религиозное движение (НРД). Само использование термина «секта» в СМИ разжигает рознь и нетерпимость.

[8] Портал—Credo.Ru. 28 сентября 2005.

[9] «Взгляд из России: Православная Церковь, государство и Европа». Митрополит Кирилл ответил на вопросы французского журнала // Религия и СМИ. 4 октября 2005.

[10] В.Путин сослался на несуществующее в законе «О свободе совести» разделение религий на «традиционные» и «нетрадиционные» // Религия в светском обществе. 25 апреля 2005.

3 января 2006

Портал-Credo.Ru

ДУХОВНОСТЬ В РЕЖИМЕ РУЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ НОВЫЙ ЗАКОНОПРОЕКТ ЗАСТАВЛЯЕТ РОССИЯН ПЛАТИТЬ ЗА КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

Полемика по вопросу решительного и окончательного введения конфессионально ориентированных дисциплин в государственной и муниципальной школе России была начата заинтересованными в доступе к госкормушке кругами еще в 90-х годах прошлого века. Гражданские организации и представители науки решительно выступали против, а власть в лице чиновников многие годы занимала «подвижную» позицию. И, казалось, конца-краю этой полемики не будет, хотя соответствующие предметы под разными названиями в отдельных регионах России всеми правдами и неправдами давно преподаются. Естественно, за счет налогоплательщиков.

Среди упомянутых дисциплин доминируют ориентированные на РПЦ МП. Например, «Основы православной культуры» (ОПК) — в Чувашской Республике, Брянской, Московской, Нижегородской, Орловской, Калужской, Кемеровской, Курской, Рязанской областях, Краснодарском крае и других регионах; «Православная культура» — в Белгородской, Калининградской областях. Некоторые субъекты РФ здесь особенно преуспели, и уверенно приблизились к стопроцентному охвату школ, изучающих ОПК — как, например, Курская область, где в 2009 году православием было охвачено 96% школ и 60% учащихся.

Затянувшуюся дискуссию, как известно, прервал президент России Дмитрий Медведев, он же «гарант Конституции». 21 июля 2009 года в государственной резиденции «Барвиха» под председательством гаранта прошло заседание, темой которого, среди прочего, были вопросы преподавания в средних учебных заведениях основ религиозной культуры и светской этики. Как выяснилось, вопрос был поднят по просьбе ...нет, не трудящихся, а уважаемых в Кремле религиозных лидеров, которые якобы и выступили инициаторами нарушения Конституции. Как сообщили СМИ, в совещании, наряду с

высокопоставленными государственными служащими из администрации президента и Минобрнауки, участвовали Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (Гундяев), глава Буддийской Традиционной Сангхи России Дамба Аюшеев, председатель Координационного центра мусульман Северного Кавказа, муфтий Карачаево-Черкесии Исмаил Бердиев, председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин, председатель Центрального духовного управления мусульман России Талгат Таджуддин, главный раввин России (по версии ФЕОР) Берл Лазар.

Непосредственным результатом барвихинского заседания стало изданное в режиме «ручного управления» поручение президента РФ Дмитрия Медведева от 2 августа 2009 г., а затем и распоряжение председателя правительства Владимира Путина от 11 августа 2009 г. о введении учебного курса «Основ религиозных культур и светской этики».

В результате осенью 2009 года правительством России был утвержден план мероприятий по апробации в 2009-11 годах учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики», в соответствии с которым курс включает в себя основы православной, исламской, буддийской, иудейской культур, основы мировых религиозных культур и светской этики. Минобрнауки поручено заключить соглашения о взаимодействии по вопросам апробации учебного курса с органами исполнительной власти субъектов РФ, осуществляющими управление в сфере образования, а также обеспечить координацию и контроль реализации плана.

Поскольку с правовой точки зрения все вышеупомянутые государственно-конфессиональные дела являются, мягко говоря, сомнительными, то назвать их решили словом «эксперимент». Если быть более точным, то введение в школах конфессионально ориентированных дисциплин в виде большинства модулей предмета «Духовно-нравственное воспитание» просто незаконно, так как противоречит нормам Конституции России и федеральных законов.

В соответствии со ст. 14 Конституции РФ государственная система образования должна быть светской, то есть мировоззренчески нейтральной. Российская Федерация является многонациональной поликонфессиональной страной — по официальным данным Минюста, здесь насчитывается более 60 различных религиозных течений. Если власть начнет какие-либо течения допускать в систему государственного (муниципального) образования, то возникает масса вопросов: какие именно, почему именно эти и так далее. Поэтому самый простой и юридически корректный вариант: государственная система образования должна быть мировоззренчески нейтральной.

В п. 4 статье 43 Конституции России говорится, что «родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования», а в соответствии с п. 5 той же статьи «Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования». Кроме того, в соответствии с п. 1 ст. 63 Семейного кодекса РФ «родители имеют преимущественное право на воспитание своих детей перед всеми другими лицами», а по п. 1 ст. 64 «защита прав и интересов детей возлагается на их родителей. Родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий».

Наряду с конституционными принципами свободы совести (ст. 28), светскости государства (ст. 14), равенства религиозных объединений (ст. 14) и граждан независимо отношения к религии (ст. 19), законодательство России предусматривает право на добровольное получение религиозного (конфессионально ориентированного) образования в формулировках Федеральных законов «Об образовании» и «О свободе совести и о религиозных объединениях». В государственной и муниципальной школе «по просьбе родителей или лиц, их заменяющих, с согласия детей, обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, администрация указанных учреждений по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления предоставляет религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы» (п. 4 ст. 5 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»). Исходя из этих принципов, государство «обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях» и не должно финансировать религиозное (конфессиональное) образование. Иными словами, по смыслу вышеупомянутых норм, государство может предоставлять для нужд конфессионально ориентированного образования помещения государственных и муниципальных образовательных учреждений во внеурочное время.

Все это значит, что только родители определяют, как и чему, правда, в соответствии с госстандартом, будут учиться их дети. Если родители пожелают дать какое-либо духовно-нравственное воспитание своему ребенку, то они должны делать это за свой счет и в добровольном порядке. Именно это предписывает Конституция и законодательство России. У большинства родителей свежи в памяти времена, когда даже неофициально обучать детей религии было невозможно, но прошло 20 лет и практически то же самое по персональному составу чиновников государство стало насаждать такое обучение принудительно. Россия не может удержаться в сбалансированном состоянии, ее обязательно сталкивает в крайность. Здесь нелишне напомнить, что министр образования и науки РФ А. Фурсенко оценил затраты на подготовку учителей по учебному курсу «Основы религиозных культур и светской этики» в сотни миллионов рублей.

Среди шести модулей учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» только «Основы светской этики» не противоречат конституционному принципу светскости государства и государственной системы образования, поскольку не является конфессионально ориентированным. Что касается, модуля «Основы мировых религиозных культур», то он в какой-то степени уравнивает узкоконфессиональные модули, но его мировоззренческий нейтралитет будет зависеть от методологии преподавания.

Например, в Ростове-на-Дону еще в 1996 году была разработана авторская программа для 1—3 классов «Этическая грамматика», направленная на формирование общечеловеческих норм культуры общения в русле гуманистической парадигмы образования. Чуть позже профессором В.С. Кукушиным был разработан и успешно апробирован курс для 10—12 классов «Этические ценности мировых религий». Таким образом, был сбалансирован и расширен курс «Основы христианской культуры», введенный в казачьих классах средней школы.

С точки зрения конституционного принципа светскости государства и

государственной системы образования, модули «Основы православной культуры», «Основы исламской культуры», «Основы буддийской культуры» и «Основы иудейской культуры» должны быть не только альтернативными и добровольными, но и финансироваться за счет верующих и соответствующих религиозных объединений.

Тем не менее, антиконституционный «эксперимент», согласно распоряжению президента и правительства, проходит в 19 российских регионах: Калмыкии, Карачаево-Черкесии, Удмуртии, Чечне, Чувашии, Камчатском, Красноярском и Ставропольском краях, Вологодской, Калининградской, Костромской, Курганской, Новосибирской, Пензенской, Свердловской, Тамбовской, Тверской, Томской областях, а также в Еврейской автономной области.

Было также объявлено, что при получении неких «положительных результатов» упомянутого «эксперимента», он будет развернут уже на постоянной основе во всех субъектах Российской Федерации к 2012 году.

Наверное, депутаты О.В. Морозов, Е.Б. Мизулина, Н.В. Герасимова, А.К. Исаев, Г.П. Ивлиев, В.А. Васильев, В.Н. Плигин и О.Г. Борзова посчитали, что результаты «эксперимента» предопределены и решили его досрочно закончить. Соответствующая норма содержится в законопроекте «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения гарантий прав детей на надлежащее воспитание», который был внесен в Государственную Думу РФ в мае 2010 года. В частности, законопроект предусматривает заведомо антиконституционные поправки в закон «Об образовании», статью 9 которого предполагается дополнить пунктом 6.4 следующего содержания: «В часть, формируемую участниками образовательного процесса, федерального государственного образовательного стандарта основного общего, среднего (полного) общего образования, может включаться учебный предмет основ православной, христианской, мусульманской, буддистской или иудаистской культуры, составляющих неотъемлемую часть исторического и культурного наследия народов России».

Как это принято сегодня, узаконивание нарушений конституционного принципа светскости государства, на сей раз в сфере образования, пытаются закамуфлировать благовидными предложениями. В Пояснительной записке к законопроекту говорится, что он является составной частью пакета законопроектов, подготовленных в рамках «Концепции государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности». Если этот законопроект станет законом, то это приведет к тому, что «нетрадиционно» верующих вместе с остальными инакомыслящими налогоплательщиками уже на «законных» основаниях заставят оплачивать конфессионально ориентированное образование «самой традиционной» для власти конфессии, а в конечном итоге — сакрализацию той же власти и воспитание населения в духе благоговения перед жиреющими власть предрержащими.

Нечто подобное было до 1917 г., но уроки истории, похоже, на пользу не пошли. Падение рейтинга если и удастся сдержать, то ненадолго. И стоит ли из-за этого гробить страну? Действия государственных чиновников (начиная с гаранта Конституции президента Д. Медведева и председателя правитель-

ства В. Путина) говорят о том, что многоконфессиональная Россия широкой поступью наступила на старые конфессиональные грабли.

Среди самых очевидных деструктивных последствий антиконституционной политики конфессиональных различий (в т.ч. в государственной школе) — рост религиозной ксенофобии и нетерпимости, углубление расслоения общества по мировоззренческим основаниям, разложение конституционных принципов, составляющих основу строя, стимулирование сепаратизма, чреватого распадом федеративной системы. Что касается нарушений прав человека, раскола школы, конфликтов и насилия на почве мировоззренческих различий, то они в сложившихся условиях практически предопределены и неизбежны.

В очередной раз приходится повторять, что навязывание конфессионально ориентированного образования государственной и муниципальной школе не станет благом ни для личности, ни для общества, ни для государства, ни для Церкви.

Более того, для сохранения остатков гражданского мира в стране (а возможно ужеи самой страны) власти необходимо оставить религию в покое, прекратить антиконституционные «эксперименты» над государственной школой и ее учениками, раз и навсегда отказаться от попыток их узаконивания.

18 июня 2010

Портал-Credo.Ru

ГЛАВА 3

ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ СВОБОДА СОВЕСТИ — ЛЕКАРСТВО ОТ ТЕРРОРИЗМА И СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Нормативно-правовая база для реализации провозглашенных конституционных прав и свобод человека в сфере свободы совести посвящена, следуя двухвековой мировой исторической традиции, осуществлению идеала религиозной свободы и прав верующих в их институциональном выражении.

Фактически в системе права имеет место подмена декларируемого права каждого индивида на свободу совести корпоративными правами верующих. Соответственно, смысл и значение формирования правового механизма реализации права на свободу совести сводится к «специальному» регулированию деятельности религиозных объединений.

Религиозные объединения традиционно являются объектом политических интересов и «специального» контроля со стороны власти как в России, так и во многих государствах мира, вследствие чего не только нарушаются права религиозных меньшинств, размывается целый ряд демократических конституционных принципов, подавляется свобода мировоззренческого выбора, но, вероятно, упускается шанс отдельными государствами и мировым сообществом в полной мере использовать возможности глобализации и найти достойный ответ ее вызовам.

Сегодня, в XXI в. взаимозависимость и взаимодействие государств перекрываются глобализацией — возрастающим взаимодействием, повышением роли и изменением соотношения в пользу структур и феноменов, находящихся вне юрисдикции национальных государств. «Глобализация — это коренная трансформация имевших место ранее процессов интернационализации хозяйственной, культурной и политической жизни человечества, их резкое ускорение и глубокое качественное преобразование» [1]. «Глобализация — многоплановый и макромасштабный процесс, охватывающий все стороны жизни общества и потому подлежащий исследованию многими отраслями науки» [2].

На рубеже 60-70-х годов зарождается глобалистика — наука о глобальных проблемах человечества, рассматриваемых в связи с идеей пределов развития. В основу представлений большинства ученых о перспективах глобального развития человечества легли доклады Римского клуба, инициировавшего системные исследования глобальных проблем. В докладах Римского клуба «Пределы роста», «За пределами роста» и в теоретических трудах его создателей предмет глобалистики определяется как совокупность проблем, угрожающих существованию человечества и требующих разрешения, а также как компонент процесса универсальной эволюции.

В настоящее время увеличивается количество исследований, посвященных глобальным проблемам, и, как следствие, интерпретаций этих проблем. Однако общим местом практически всех публикаций, в которых рассматриваются перспективы мировой цивилизации, стало признание того факта, что самому существованию человечества угрожает глобальный экологический кризис, обусловленный в основном техногенной деятельностью развитых

стран. Разброс мнений наблюдается лишь в оценке времени наступления катастрофы, которой не удастся избежать без радикальной перестройки хозяйственной деятельности человечества.

Таким образом, глобальные проблемы ставят на повестку дня вопрос выживания человечества, требуют обобщенных подходов и интеграции, которые подразумевают пересмотр комплекса национальных приоритетов и инфраструктур, уступку части национального суверенитета в пользу мировых структур ради более прочного экономического и политического единства, эффективных объединенных действий с целью поиска путей к устойчивому развитию и решения проблем.

В XX в. человечество предпринимало попытки к признанию глобальной взаимозависимости. Лига Наций, сформировавшая концепцию коллективной безопасности, была первым шагом в этом направлении. Вторым шагом стала ООН, продемонстрировавшая способность человечества к объединенным действиям в области безопасности, а также здравоохранения, сельского хозяйства, образования, защиты окружающей среды, охраны детства. Отдельного упоминания заслуживают вопросы широкого признания международных договоров по правам человека и усилия по сохранению и укреплению мира.

Взаимосвязанный, взаимозависимый характер современного мира выступает как противоречие между объективной необходимостью и субъективной неготовностью различных государств, народов и регионов сотрудничать друг с другом в силу имеющихся цивилизационных, этно-конфессиональных, идеологических барьеров.

«Тенденция к кооперации и сотрудничеству противостоит контртенденция ужесточения борьбы за контроль над рынками, территориями и природными ресурсами в глобальном масштабе, в которой решающую роль играют интересы ТНК, международной финансовой олигархии и амбиции политических элит» [3]. Таким образом, интеграции и объединению человечества с целью устойчивого развития и преодоления глобальных проблем противостоят напряженность и разрывы между странами, группами стран, регионами. Вероятно, эти разрывы — главный вызов человечеству в XXI в.

В настоящее время труднейшей проблемой остаются взаимоотношения между нарождающимся глобальным обществом и национальными структурами. Разделительные тенденции сохранились и усилились, мировое сообщество по-прежнему сталкивается с задачей примирения технологических перемен и экономической интеграции с традиционными политическими структурами, основанными на национальном сознании и унаследовавшими глубоко укоренившиеся проблемы противостояния большинства против меньшинства, «своих» против «чужих» и т.д.

Национальная политика, носящая изоляционистский характер, не позволяет экономике в полной мере соответствовать законам мирового рынка, т.е. быть эффективной и конкурентоспособной. «Скорее всего, страны, которым не удастся приспособиться к условиям глобальной торговли, отстанут от государств, которые это сделают» [4].

Проблема терроризма заслуживает отдельного упоминания. «Сам факт появления такой реальности, как международный терроризм, говорит о том, что глобализация заметно продвинулась. Монополия на контроль над глоба-

лизацией, которая с неизбежностью производит проигравших и отщепенцев, превратилась в препятствие для дальнейшей экспансии капитала и усилила позиции тех, кто не видит иного пути, кроме террористической перестройки ситуации» [5].

Действительно, терроризм — явление во многом порожденное тенденциями монополизации власти, как на глобальном, так и на национальных уровнях. Использование религии в политических целях, сакрализация власти и клерикализация государства формирует некое поле единомыслия, на котором основана неограниченная власть, которая провоцирует на себя реакцию, в том числе в такой крайней форме как терроризм. Сама неограниченная власть сродни терроризму — его катализатор. Она так же аморальна, криминальна и преступна как и терроризм, ибо монополия на власть оснастила его мотивом, основанным на безысходности и отчаянии. В реалиях XXI века использование религии в политических целях, сакрализация власти также аморальна и преступна, потому что служит превращению демократических выборов в фарс и воспроизводству авторитаризма. В указанном контексте — свобода мировоззренческого выбора — противоядие от монополизации власти, а значит и терроризма.

В новых условиях необходимо создать международный механизм принятия и реализации решений по глобальным проблемам, который будет призван обеспечить устойчивое и безопасное развитие мировой системы и ее элементов.

«Ахиллесова пята глобализации — политические структуры, государственные институты, системы управления» [6] — отмечает В.Б. Кувалдин. Глобализация требует, прежде всего, принципиальных изменений в области управления, политики, устройства и распределения власти. «При этом возникают вопросы о целях управления, о соотношении управления и фундаментальных принципов гуманизма, равенства и свободы» [7]. Основу этих изменений может и должен составить правовой механизм, способный ограничить (если не предотвратить) эксплуатацию этно-конфессиональных разделительных принципов в политических целях.

Необходимо политическое руководство, отказавшееся от эксплуатации принципов превосходства и разделения, способное преодолеть национальный эгоизм и осуществлять интеграцию в мировое сообщество, органично сочетая национальные и глобальные интересы. «Политикам предстоит сменить приоритеты своей деятельности, по меньшей мере, приравняв планетарные экологические интересы национальным интересам» [8].

Несмотря на то, что современная политическая система на базе национальных государств в значительной мере становится анахронизмом, не успевающим отвечать вызовам времени, именно национальные государства активно являются отправной точкой для формирования единой мировой системы, призванной на новом уровне решать глобальные проблемы, стоящие перед человечеством.

В начале нового тысячелетия миропонимание будет формироваться под флагом борьбы между сторонниками концепции «золотого миллиарда» и приверженцами концепции справедливого мира с равным правом на достойную жизнь для каждого гражданина планеты. Разжигание межэтнических и межконфессиональных конфликтов может явиться средством в борьбе за пе-

редел мира, возможно одним из важнейших. Гипотеза о грядущих глобальных столкновениях замкнутых цивилизаций, аргументированная С. Хантингтоном, основана в значительной мере на этно-конфессиональных факторах [9].

Несомненно, этнический и религиозно-конфессиональный факторы тесно взаимосвязаны. На протяжении почти всей истории человечества религия была основой идентичности племени, нации, общины. «Соответственно, религиозные меньшинства рассматривались как угроза минимальному единству, необходимому для выживания нации» [10].

Ограничения прав меньшинств и сегодня лежат в основе разделения между конфессиями [11], а значит и их последователями, а так же людьми, не принадлежащими ни к одной из конфессий, и в конечном итоге в основе разделения народов и наций.

В этой связи наиболее остро встает вопрос формирования правовых механизмов преодоления этно-конфессиональных факторов, противоречащих глобальным тенденциям.

Формирование правового механизма преодоления разделительных этноконфессиональных факторов и разрывов в виде реализации свободы мировоззренческого выбора определяется необходимостью:

- преодоления узкого национального сознания общепланетарным;
- предотвращения использования религии в политических целях через цепочку подмен: свободы совести отдельного человека — религией общины (конфессией) — государственной идеологией; а также путем разжигания этно-конфессиональных конфликтов с целью передела мира;
- предотвращения противостояния между наукой и религией в обществе, знанием и верой каждого человека, на основе отражения изменения соотношения между ними.

Исходя из того, что реализация человеком потребности в мировоззренческой ориентации (в том числе религиозной) является способом осознания себя в бесконечном мире, т.е. стержнем, определяющим специфическую сущность человека как основного элемента социальных систем, свобода совести является основой всех прав человека (системообразующим правом), соответствующей тенденции исторического процесса к росту ступеней свободы личности.

Неоправданные ограничения, сведение права каждого на свободу совести к выбору конфессиональных предпочтений, постоянно находящихся в состоянии борьбы за человеческие души, следуют глобальным тенденциям с точностью до наоборот, лишают общество свободы, а человечество — будущего. «Общество, оснащенное небывалыми орудиями разрушения и созидания, не может безнаказанно вернуться в средневековье. Чтобы выжить, оно обязано выработать и освоить менталитет, адекватный инструментальному могуществу и предполагающий чрезвычайно высокую степень терпимости, готовности к самокритике и компромиссам. Принятие всеми региональными культурами единых ценностей и норм общежития (конвергенция, унификация) — сегодня не благое пожелание, а императив сохранения мировой цивилизации» [12]. Отсюда вытекает актуальность развития как правовых механизмов реализации права каждого на свободу совести, так и представлений о его значении, месте в системе современного права.

В то же время принципы и понятийный аппарат, применяемые сегодня в сфере свободы совести, не позволяют создать нормативно-правовую базу для полной реализации этого основного системообразующего права. Определение и сущностное содержание свободы совести как правовой категории фактически искажено, изначально создавая непреодолимые препятствия на пути реализации декларируемых принципов.

Анализ международно-правовых документов, национальных конституций и законодательства позволяет сделать вывод о том, что критерии границ свободы совести в этих документах зачастую определены в самом общем виде, неся в значительной мере расплывчатый характер, не полностью учитывают сущность права на свободу совести, и, как следствие, ставят его реализацию в зависимость от реальных государственно-конфессиональных отношений.

В качестве самодостаточных государственно-конфессиональные отношения существовали исторически. Но с момента принятия всеобщей Декларации прав и свобод человека в 1948 г., а для России, по крайней мере, с момента принятия в 1993 г. Конституции РФ государственно-конфессиональные отношения и государственная вероисповедная политика должны рассматриваться исключительно как производные от вышеупомянутых конституционных принципов и строго им соответствовать.

Создание максимально широкой правовой концепции свободы совести, определение ее сущностного содержания и значения, соответствующих реалиям XXI в., исследование механизмов взаимодействия сферы свободы совести с иными областями жизнедеятельности общества в настоящее время являются необходимым условием реализации декларируемых принципов с целью соблюдения прав и свобод людей разной мировоззренческой ориентации как основы единства человечества.

Правовой механизм реализации свободы совести в современном демократическом правовом государстве, определившим в качестве цели построение открытого гражданского общества, и тем более с учетом глобальных процессов требует коренной ревизии и реформы основополагающих принципов и понятийного аппарата.

От создания и реализации правового механизма свободы совести будет зависеть, удастся ли найти баланс между национальной и глобальной политикой, преодолеть разделение в виде противодействия сил национального и группового эгоизма, использовать открывающийся уникальный шанс формирования демократического мирового порядка.

Планетарное взаимопонимание и сотрудничество цивилизаций, культур и конфессий, сосуществование различных укладов и образов жизни, традиций и ценностных предпочтений невозможно без реализации принципов свободы совести в максимально широком правовом понимании.

В этой связи необходимость совершенствования правового механизма реализации права на свободу совести носит глобальный общечеловеческий характер — является необходимым фактором преодоления этно-конфессиональных разделительных принципов, являющихся основой существования традиционных политических структур — условием формирования политического руководства национальных государств, способного эффективно осуществлять интеграцию в мировое сообщество.

Применительно к национальным государствам видится два глобальных

стратегических направления развития в контексте глобализации — интеграция или изоляция. Причем стратегия изоляции ставит под вопрос процветание государств выбравших такой курс, решение глобальных проблем и даже само существование человечества. А стратегия международной интеграции неразрывно связана, и даже, скорее всего, невозможна без формирования эффективного правового механизма реализации права каждого индивида на свободу совести.

К сожалению, государственная политика РФ в сфере свободы совести в значительной мере тяготеет к стратегии изоляции. Незрелое гражданское общество, авторитарная власть, монополизированная экономика, сакрализация власти — звенья одной цепи... В современной России принцип разделения властей, идеологическое многообразие, свобода совести и светскость государства, призванные ограничить власть в правовом поле, фактически брошены на алтарь сакрализации власти. Ограничение и контроль свободы мировоззренческого выбора идет вразрез с усилиями России занять достойное место в мировом сообществе.

-
1. Коллонтай В.М. Проблемы, порождаемые глобализацией // Глобальный мир. Клуб ученых. С. 40.
 2. Лукашук И.И. Глобализация, государство, XXI век. М., 2000. С. 1.
 3. Иванов Н.П. Глобализация и проблемы изменения парадигмы развития цивилизации // Глобальный мир. Клуб ученых. 2001. С. 44.
 4. Тейт А.А. Глобализация — угрозы или новые возможности для Европы? // Проблемы теории и практики управления. 1998. №5. www. ptu. ru.
 5. Хестанов Р. Россия и глобальный апартейд // Отечественные записки. №3(4). 2002. С. 83.
 6. Кувалдин В.Б. Глобализация — светлое будущее человечества? // НГ-Сценарии. 17 января 2001 г.
 7. Черный Г.П. Биофизическая модель устойчивого развития цивилизаций // Общественные науки и современность. 1998 г. №3. С. 147.
 8. Моисеев Н. Экологический фон современной политики // Общественные науки и современность. С. 139.
 9. См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. №1.
 10. Дурэм У.К. Религиозная свобода и национальная идентичность (американский опыт) // Религия и национализм. М., 2000. С. 170.
 11. Этот фактор усугубляется тем, что имеют место «напряженные отношения между различными традиционалистскими религиозными мировоззрениями и секуляристскими ориентациями». См.: Дурэм У.К. Перспективы религиозной свободы: сравнительный анализ. М., 1999. С. 13.
 12. Назаретян А.П. «Столкновение цивилизаций» и «Конец истории» // Общественные науки и современность. 1994. №6. С. 144.

24 февраля — 14 марта 2003

Международная интернет-конференция «Глобализация и столкновение идентичностей», adenaueg.ru

ПРОЛЕТАЯ НАД ГНЕЗДОМ ДЕМОКРАТИИ НУЖНА ЛИ РОССИИ АМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ?

Еще в самом начале истории США отделение Церкви от государства было закреплено Первой поправкой к Конституции. Поправка провозглашает, что «Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное исповедание».

Предполагалось, что малочисленные группы при уважительном отношении к себе будут более лояльны режиму, чем при доминировании одной конфессии. Таким образом, право на свободу вероисповедания исторически является сердцевиной американской национальной идентичности и приоритетом законодателей.

Несомненно, что именно религиозная свобода явилась основой стабильности федеральной структуры государства, процветания многонационального и поликонфессионального общества.

Правда, произошло это не сразу, и не совсем. Даже после принятия Конституции США в 1787 г., и Билля о правах (непосредственно содержащего Первую поправку) в 1791 г., некоторые штаты официально сохраняли конфессиональные предпочтения. Более 200 лет продолжалось формирование системы правовых гарантий религиозной свободы, но нельзя сказать, что этот процесс завершен.

В конце 90-х г.г. прошлого века благородная идея защиты религиозной свободы, как краеугольного камня демократии, но уже во всемирном масштабе, заняла свое место среди иных актуальных тем внешней политики США.

Ссылаясь на международные документы в области прав человека, американские законодатели провозгласили, что религиозная свобода является основным правом каждой личности, и никогда не должна ущемляться ни одним государством.

12 мая 2004 г в Вашингтоне был презентован очередной ежегодный доклад Комиссии по международной религиозной свободе, созданной во исполнение Акта «О международной свободе вероисповедания» от 1998 г. Акт определяет политические и экономические меры США в отношении стран-нарушителей религиозной свободы.

Спектр мер весьма широк: от частного демарша и публичного осуждения до приостановки помощи и запрещения Правительству США заключать любые контракты с нарушителем. Естественно Комиссия (состоящая всего из 10 человек) лишь составляет обзоры нарушений и вырабатывает рекомендации президенту, госсекретарю и Конгрессу.

В этом году Россия не попала в список «стран, вызывающих особую озабоченность», так как убийства, пытки, исчезновения и тюремные заключения людей по религиозным мотивам пока не были обнаружены. Но члены Комиссии все же озаботились ФЗ «О свободе совести...» 1997 г. и рядом новых тенденций, чреватых принятием закона о «традиционных» религиях. Предметом же особой заботы стала дискриминация католиков, протестантов и баптистов.

В январе 2003 г. проект доклада «О совершенствовании деятельности гос-

ударственных и общественных институтов по противодействию проявлениям религиозного экстремизма в Российской Федерации» послужил поводом для специального визита делегации Комиссии в Россию. В частности, авторами злосчастного проекта к числу «религиозных экстремистов», распространяющих «идеологию вседозволенности и эгоизма», наряду с новыми религиозными движениями были отнесены ислам, протестантские деноминации, и даже Римско-католическая церковь.

Тогда худшие опасения были благополучно развеяны депутатами Госдумы, руководителями местного отделения Международной ассоциации религиозной свободы (ЕО МАРС) и других конфессионально ориентированных структур, с которыми консультировались члены Комиссии. Они сказали, что в России все хорошо и буквально обрушили на ревизоров «целый шквал статистических данных, которые говорят о разнообразных программах воспитательного, образовательного, интеллектуального, культурного, социального и собственно религиозного характера, которые сейчас проводят различные религиозные организации».

В результате руководитель делегации ревизоров от свободы Фелис Гаэр отметил, что «процветание свобод в России стало реальностью, но пока еще хрупкой... Но в целом члены комиссии глубоко впечатлены разительными переменами в области свобод, в том числе религиозных».

Кроме Комиссии, в Госдепе США существует Отдел по международной свободе вероисповедания и должность Полномочного посла по вопросам свободы вероисповедания, также созданные для реализации Акта «О международной религиозной свободе». Ежегодно госсекретарь и посол, на основе рекомендаций Комиссии, представляют Конгрессу доклад по международной религиозной свободе. В опубликованном в конце 2003 г., пятом по счету докладе, Россия упомянута в числе стран, где действует «дискриминационное законодательство или проводится политика, ограничивающая права отдельных религиозных групп».

Несмотря на констатацию того, что «религиозные вопросы не являются источником социальной враждебности в России», авторы выражают озабоченность негативным отношением к традиционным мусульманским этническим группам, а также антисемитскими выступлениями и проявлениями социальной враждебности в отношении католиков и новейших неправославных религий.

Безусловно, идея заботы о состоянии религиозной свободе во всем мире не вызывает сомнений и заслуживает всяческого одобрения. Но «подводные камни» реализации этой идеи как концептуального, так и частного характера, требуют пристального и по возможности беспристрастного рассмотрения.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что речь идет только о защите религиозной свободы, которую иногда для разнообразия называют свободой совести. На самом деле свобода совести, в качестве юридического измерения свободы мировоззренческого выбора каждому, значительно шире религиозной свободы. Собственно религиозная свобода является частью свободы совести — пусть основной, но не единственной.

Получается, что предметом особой заботы являются права отнюдь не каждого, а только верующих, да и то преимущественно в их институциональном выражении. Иными словами предполагается защита прав только

религиозных организаций. На практике все чаще оказывается, что не всех, а только влиятельных, называемых «солидными».

Невозможно отрицать колоссальное значение Первой поправки (и ее интерпретаций Верховным Судом США), но приходится признать, что они во все не гарантирует свободу мировоззренческого выбора каждому. Это происходит, в том числе, потому, что поправка не способна защитить свободу от коррупции в государственно-конфессиональных отношениях, в свою очередь обусловленной союзом религии и политики.

«Американская модель» предполагает разделение государства и религиозных объединений, но не религии и политических институтов. Характерно, что научно-правовая база этому не препятствует. А значит и государственно-конфессиональное разделение не носит необратимого характера.

Сегодня Первая поправка — основа основ американской демократии — трещит по швам под напором предприимчивых политиков от религии и конфессионалов от политики.

«Заново родившийся христианин» в президентском кресле ищет и находит религиозное обоснование внешней политики США. Весь мир слышал, что Буш назвал Христа своим любимым философом, изменившим его сердце. Многие эксперты говорят, что «праведную войну» против Хуссейна начал не просто глава государства, но еще и глубоко верующий христианин-евангелист. Возглас «God bless America!» (Боже, благослови Америку!) завершает его публичные выступления.

Политика «крестовых походов» не может не провоцировать реакции, в том числе в такой крайней форме как терроризм. Не случайно о «крестоносцах» в качестве мишени терактов упоминал Усама бен Ладен. О борьбе с международным терроризмом посредством «огня и меча» слышно каждый день, но политику менять никто не собирается. Похоже, гипотеза Хантингтона претворяется в жизнь...

Удовлетворение исков Американского союза гражданских свобод (ACLU) по сносу крестов времен Второй мировой и статуй святых из общественных мест, говорит лишь об иллюзии соблюдения конституции. На самом деле США страна не только религиозной свободы, но и ее контрастов.

Учащиеся государственных школ не могут публично молиться, но сессии конгресса всегда открываются молитвой, как и съезды обеих партий. Учительнице в той же школе запрещено демонстрировать крестик, но президент произносит клятву на Библии, а капелланы являются частью армии США. Это, уже не говоря о надписи «IN GOD WE TRUST» (Мы веруем в Бога), которая присутствует на дензнаках США.

Таких очевидных противоречий множество. Но даже решение частных противоречий в ближайшем будущем не предвидится. Противопоставление науки и религии, разума и веры, верующих и неверующих, заложенное в основу законодательства, проявляет себя в залах судебных заседаний.

Яркий пример — «обезьяний процесс». Консерваторы от религии не устают заявлять, что само преподавание эволюционной теории ставит человеческий разум выше правды откровения, а это подрывает основу религии.

20 марта 2003 г. палата представителей Конгресса США большинством в 400 голосов против 7 осудила решение федерального суда о том, что слова «под Богом» в тексте официальной присяги американскому флагу являются

антиконституционными («...Один народ под Богом»). Как сообщает RNS, конгрессмены заявили, что «произнесение этих слов является патриотическим актом, а не религиозным, и не выражает религиозной веры или исповедания».

Религиозные консерваторы и фундаменталисты из политического движения Христианских правых ратуют за отмену решений Верховного суда, запрещающего отправление молитв в государственных школах.

Очевидные противоречия — лишь отражение глубинных невидимых противоречий концептуального характера, последствия которых еще предстоит осознать.

Таким образом, о гарантиях свободы совести в США говорить не приходится, но религиозная свобода там какая-то есть. Правда и она там медленно, но верно вырождается в свободу только для «солидных» (в отличие от российских «традиционных») конфессий, имеющих влияние даже в Конгрессе.

Это значит, что религиозных преследований нет, но «тихая» дискриминация проявляет себя на уровне льгот. Зарегистрировать религиозную организацию и получить официальный статус можно заявительным порядком. Однако, чтобы получить освобождение от налогов, нужно доказать службе налогов и сборов Минфина США (IRS) искренность религиозных убеждений и связь с ними ритуалов и практики, плюс соответствие национальной политике.

Понятно, что доказать истинность могут только «солидные» религии, иначе «кто попал» будет уходить от налогов. А так от налогов уходит «кто надо». В результате, многим налогоплательщикам приходится оплачивать религию других. Но кому это надо? Прежде всего, политикам. Роль религии на выборах в США исключительно высока. При этом политическое влияние религиозных организаций опирается на массовую религиозность американцев. Быть верующим — правило хорошего тона в США. Не важно каким, но верующим — верить можно во все что угодно, и называть это как угодно.

Девять из десяти американцев отдают предпочтение какой-либо определенной религии (56% — протестанты, 28% — католики, 2% — иудеи, 1% — мусульмане, 3% — другие религии). Около 70 процентов являются членами религиозных общин, но почти каждый десятый житель США — атеист.

До недавнего времени, большинство протестантов, как правило, голосовали за кандидатов Республиканской партии, тогда как иудеи и католики в основном отдавали свои голоса демократам. Если верить данным исследовательского центра «Пью», сегодня картина меняется. 63% американцев, посещающих церковь чаще одного раза в неделю, голосуют в пользу республиканцев, тогда как 62% из тех, кто лишь изредка участвуют в богослужениях, голосуют за демократических политиков.

Религиозные инициативы Буша, выдвинутые на десятый день его сотворения президентом, без обиняков говорят, что налоговые льготы это лишь надводная часть айсберга. Как известно, преимущество Буша было минимальным, и говорят, что некоторые религиозные организации сделали очень много для его победы.

Так или иначе, президентский план предполагал ни много, ни мало до 10 млрд. бюджетных денег на финансирование религиозных организаций, занимающихся социальным служением. И это только в течение первого года. Для

реализации плана был внесен и принят палатой представителей «Community Solutions Act», который все же окончательно не был утвержден.

Реакция в обществе оказалась неоднозначная. Возникли серьезные противоречия, среди которых были основанные на опасениях получения денег «не солидными» и мусульманскими организациями, а также в связи с перспективой государственного контроля и вмешательства в религиозные дела.

Возможно, союз религии и политики имел когда-то некие положительные черты. Но сегодня он провоцирует конфликты, препятствует демократическим процедурам, и, в конечном итоге, лежит в основе сценария глобализации «золотого миллиарда». Соединенные Штаты являются олицетворением этого сценария поляризации мира на господ и изгоев, который многие эксперты называют тупиком человеческой цивилизации.

Демократия, разбавленная религиозно-политическим коррупционным союзом, превращается в «однополярную демократию» монополии на власть. Именно такой сценарий вытекает из религиозной свободы «солидных конфессий».

По крайней мере, кардинально изменить ситуацию в области реализации свободы совести, можно лишь разграничив религию и политику в правовом поле. Но это не возможно в рамках пресловутых моделей государственно-конфессиональных отношений, фактически имеющих приоритет по отношению к правам человека.

Что касается «американской» модели, то она действительно лучшая. Но только среди худших. Ее главное отличие от моделей большинства других стран в том, что из основных компонент религиозной политики «кнута и пряника» (преследований и привилегий) в США задействован только «пряник». Но в главном они едины, поскольку предполагают доминирование интересов политиков, аппетит которых всегда сильнее идеалов свободы.

Если «американскую» модель тупо клонировать в России, то она если и приживется, то не раньше чем через 200 лет. Но российские проблемы «американка» не решит. Даже в США она не решает всех проблем и нередко дает сбой.

В свое время Дж. Вуд сказал: «Религии мира должны признать, что отказ от принципа религиозной свободы по отношению к какой-либо одной группе людей представляет собой одновременную угрозу религиозной свободе всех; что ущемление религиозных прав последователя какой-либо одной религии есть в то же время отрицание религиозных прав последователей всех других религий, наконец, попрание самой основы прав человека вообще».

Эти слова отражают американскую эволюцию от веротерпимости к религиозной свободе. В настоящее время необходим следующий шаг — к свободе совести. Слишком много противоречий в концепции религиозной свободе — слишком она уязвима.

Скорее всего, религиозная свобода (для верующих) возможна только в расширенных границах свободы совести (каждому и без разделения). Сегодня место религиозной свободы, не отрицая, но расширяя ее границы, должна занять свобода совести.

В указанном контексте: «правительства и религии мира должны признать, что отказ от принципа свободы мировоззренческого выбора по отношению к какой-либо одной группе людей представляет собой одновременную угрозу религиозной свободе всех; что ущемление прав последователя какого-либо

одного мировоззрения есть в то же время отрицание прав последователей всех других мировоззрений, наконец, попрание самой основы прав человека вообще».

В противном случае не останется ни религиозной свободы, ни веротерпимости, ни демократии. Говорят, что преследования по религиозным мотивам особенно распространены и носят систематический характер в странах с тоталитарными режимами и воинствующим политизированным религиозным большинством. Но подавление свободы мировоззренческого выбора лежит в самой основе превращения государства в тоталитарное. Без свободного мировоззренческого выбора невозможен свободный политический выбор, а значит и правовая демократия.

В тоже время, современная ситуация консервируется на уровне науки, который является системообразующим относительно уровня законотворчества и правоприменения. Степень научной разработанности также оказалась зависимой от коррупции в отношениях государства с религиозными объединениями. Как правило, отсутствует даже адекватная постановка проблемы.

Влияние конфессионально ориентированных структур на уровне науки и образования, которые доминируют в данной области, оказывает фатальное влияние на состояние свободы совести.

Как правило, деятельность соответствующих центров при конфессиональных образовательных заведениях (или ассоциаций конфессий, самая известная из которых МАРС) направлена на реализацию своих корпоративных интересов. На деле они весьма прохладно относятся к религиозной свободе для всех религиозных организаций. Что касается свободы совести, то им до нее вообще дела нет.

В сложившихся реалиях предметом главной заботы религиозных организаций является оформление доказательств того, что они являются религиозными и «солидными». «Обучение» государственных чиновников, якобы виноватых во всех нарушениях религиозной свободы — еще одна важная забота «солидных». На это не жалеют сил и средств.

Упомянутые структуры продвигают многосубъектную «американскую модель» на весь мир в качестве более прогрессивной альтернативы средневековым моделям доминирования «традиционного» большинства. То, как они это делают, дают основания говорить о высокой коррупционности «американской» модели. По крайней мере, в таком качестве она воспроизводит себя в России. Нередко дело доходит до манипулирования научным сообществом и создания препятствий научному обмену.

16 февраля Институт свободы совести распространил открытое письмо (<http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=18260&type=view>) организаторам оказавшейся закрытой для российских неправительственных организаций конференции «Религия в современных политических процессах», (20-21 февраля 2004 г., Российская академия госслужбы при Президенте РФ). Среди организаторов, кроме российских организаций, были Международная академия религиозной свободы (США), Международный центр изучения религии и права университета Бригама Янга (США), Институт церковно-государственных исследований им. Дж.М. Доусона Бейлорского университета (США), Институт религии и общественной политики (США), Комиссия США по международной религиозной свободе (США).

В этой благородной теме «крутятся» и зарабатываются приличные по российским меркам деньги. Именно коррупционный контекст и «роковые» профессиональные деньги делают понятным имевший место раскол, начавшего было формироваться российского религиозного сообщества и завершившийся созданием структуры, принадлежащей одному человеку (как известно, с одним проще договориться).

В результате в регионах страны прошла серия «конференций-пустышек» на тему свободы совести и толерантности, в которых религиоведы играли роль массовки, в то время как заплатившие за участие религиозные организации устанавливали «дружбу» с чиновниками, а адвокаты «окучивали» клиентов.

Влияние религиозных конфессий на поле науки о свободе совести сказывается на работе благотворительных фондов. Эксперты там те же конфессионалы — труженики устаревших подходов. Возникает впечатление, что целью их деятельности является не столько установление демократии в России, сколько преодоление остатков коммунизма-атеизма. Тот факт, что их господствующее место успешно заняла Русская Православная Церковь Московского патриархата (РПЦ МП), остался незамеченным. В лучшем случае финансируется только борьба со следствиями (за толерантность и против ксенофобии). В общем, чтобы не было жалоб.

Концептуальные исследования свободы совести не находят своих доноров. Вероятно, чтобы неверующим не дай бог, не достался даже кусочек свободы. А с другой стороны, от такого выгодного дела как использование религии для политнужд никто (в том числе конфессии) не собирается отказываться. Это, не смотря на то, что в одном из своих решений Верховный Суд США справедливо отметил, что «союз власти и религии ведет к разрушению власти и деградации религии».

Напоследок еще один не менее важный вопрос: почему только Соединенные Штаты выполняют роль мирового ревизора религиозной свободы? Может быть потому, они самые продвинутые и демократичные? Но, как оказывается, ненамного и только относительно других.

Кроме того, в условиях перманентной борьбы с международным терроризмом грань между демократией с элементами полицейского государства и полицейским государством с элементами демократии определить все труднее.

В тоже время мультистандарты и политическое использование религии дискредитируют саму идею религиозной свободы, и дают некие основания для недалеких сторонников средневековых подходов. Понятно, что неловко наступать на «больную мозоль» внешнеполитических партнеров. Но совсем непонятно, почему свобода, если она признается высшей ценностью, должна зависеть от политических интересов. Не случайно доклады Комиссии по международной религиозной свободе упоминали не всех нарушителей. Санкции также носили дифференцированный характер. Лояльных партнеров лишь слегка журили.

Сама идея заботы о религиозной свободе превосходна. Но свобода совести, по определению, не может быть «дубиной» политики (особенно международной), если конечно речь не идет о ее суррогате.

Настоящую свободу мировоззренческого выбора не возможно купить у коррумпированных чиновников. Никакое правительство невозможно заставить даровать эту свободу.

Чтобы забота о свободе совести была эффективной, а не декларативной, она должна затрагивать коренные причины нарушений. Для этого необходим прорыв — преодоление цепи подмен, в результате которых свобода каждого подменяется политическими интересами групп. Необходимо правовыми методами принудить политиков оставить религию в покое.

Формирование системы правовых гарантий реализации свободы совести на основе ревизии и реформы основополагающих принципов и понятийного аппарата должно начинаться с международного уровня. Она должна стать предметом заботы всего мирового сообщества.

Совершенно очевидно, что судьба свободы совести (включая религиозную свободу), и в мире, и в России, не должна ставиться в зависимость от политической воли сидельцев Белого дома и Кремля.

21 июня 2004
Портал-Credo.Ru

ФАСТФУД НА ДВОИХ ПОЧЕМУ ОБАМА НЕ УКАЗАЛ МЕДВЕДЕВУ НА МАССОВЫЕ НАРУШЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ СВОБОД В РОССИИ?

Конец нынешнего июня оказался богат на политические события мирового уровня. Питерский экономический форум, прошедший под знаком «модернизации», плавно перетек в саммиты G8 («Большой восьмерки») и G20 («Большой двадцатки»). А между ними мировые и особенно российские СМИ, в основном, с восторгом освещали визит президента Дмитрия Медведева в США, прошедший под знаком «перезагрузки» экономических отношений.

Вначале были посещение компаний знаменитой Силиконовой долины (прототипа подмосковного Сколково) и встреча с бывшим Терминатором, а ныне губернатором Калифорнии Арнольдом Шварценеггером. Затем весьма теплые переговоры с президентом США Бараком Обамой.

Президент США обещал оказывать всяческое содействие России в плане усиления экономических связей и, в частности, помочь вступить в ВТО, что должно открыть новые возможности в сфере торговли. Чуть раньше США любезно объявили об отказе от размещения элементов своей противоракетной обороны в Польше и Чехии.

В свою очередь Россия намерена присоединиться к санкциям против Ирана и Северной Кореи. Решен вопрос упрощенного транзита американских войск в Афганистан и доступа на российский рынок американского мяса птицы, известного в народе как «ножки Буша».

Едва ли не апофеозом российско-американской «перезагрузки» стал совместный фастфуд-ланч Обамы и Медведева в ресторанчике быстрого питания «Ray's Hell Burger» в Арлингтоне (штат Вирджиния).

Голоса немногих скептиков вроде Дэвида Крамера, занимавшегося в администрации Буша вопросами прав человека, буквально потонули в описании президентских бургеров с расплавленным сыром «чеддер» и т.п., а также одной порции картошки-фри, разделенной Бараком Обамой и Дмитрием Медведевым на двоих.

Массовые нарушения прав человека, все нарастающие в России, ничуть не омрачили «исключительно крепких и близких» отношений, которые газета «Le Figaro» охарактеризовала как «сердечное согласие». А между тем, американская правозащитная организация «Freedom House» в своем свежем докладе заявляет о значительном ухудшении ситуации в области прав и свобод человека в России. В частности, в области гражданских прав наша страна набрала всего 5 баллов из 60 возможных.

О проблемах с правами человека в России говорится в ежегодном докладе Госдепа США, презентованном весной. Тогда российский МИД дал гневную отповедь: «В МИД России внимательно ознакомились с очередным докладом Государственного департамента США о соблюдении прав человека в мире. В докладе все традиционно и даже ритуально: и подходы, и тезисы, и выводы, и информаторы. В этом плане мы не заметили большой разницы, несмотря на декларируемую нынешней администрацией «перезагрузку» в наших отношениях», — говорится в сообщении МИД РФ. «Ни для кого не секрет, что данный опус в первую очередь призван решать внутривнутриполитические задачи американского истеблишмента путем использования тонкой материи прав человека для выстраивания нужных политических рамок под продвижение вполне конкретных материальных внешнеполитических интересов», — заявили в российском внешнеполитическом ведомстве.

О «катастрофических итогах и чудовищных перспективах» России в сфере свободы совести говорится в докладе Института свободы совести и Московской Хельсинкской группы за прошлый год. Авторы отмечают массовые системные религиозные преследования, исходящие, в том числе, от силовых структур государства.

Президент светского государства почему-то официально участвует в богослужениях под прицелом федеральных телекамер, совершает молебен силами РПЦ МП по случаю собственной инаугурации 7 мая 2008 года в Благовещенском соборе Кремля, вероятно, призванный «компенсировать» грубейшие нарушения демократических процедур в процессе выборов и вытекающий отсюда дефицит легитимности некоей сакральной «санкцией небес».

Медведев лично дарит верующим ценные иконы, заботится о моральном состоянии общества, дает поручения об оказании финансовой помощи в восстановлении церковных объектов РПЦ МП, а его супруга еще и курирует программу преподавания православной культуры. Светлана Медведева возглавляет попечительский совет государственно-церковной программы «Духовно-нравственная культура подрастающего поколения».

Более того, президент РФ предпринимает целый ряд иных дискриминационных шагов. В сентябре 2008 года Медведев принял решение о создании департамента МВД «по противодействию экстремизму», деятельность которого независимые эксперты сравнивают со средневековой инквизицией. Летом 2009 года Медведев принял антиконституционное решение о введении преподавания конфессионально ориентированных дисциплин в государственной школе и института войсковых священников в армии...

Предвыборные обещания Дмитрия Медведева защищать права и свободы людей, помогать развитию гражданского общества, оказались для многих верующих россиян пустым звуком. Именно при нем конфессии, относимые властью к «нетрадиционным» или «раскольническим», были подвергнуты

беспрецедентной в новейшей истории России «зачистке».

В конце апреля Комиссия по международной религиозной свободе при правительстве США (USCIRF) опубликовала очередной ежегодный доклад, в котором выражена озабоченность в связи с ухудшением ситуации в сфере религиозной свободы. Россия за компанию с Афганистаном, Беларусью, Венесуэлой, Египтом, Индией, Индонезией, Кубой, Лаосом, Сомали, Таджикистаном и Турцией попала в группу стран, требующих «особого внимания». Показательно, что в качестве одного из предметов беспокойства было названо «антиэкстремистское» законодательство.

Вышеупомянутый доклад Комиссии за 2009 г. подвергает критике нынешнюю американскую администрацию за то, что та прилагает недостаточно усилий для защиты свободы религии в мире. По мнению председателя USCIRF Леонарда Лео, Госдепартамент США с каждым годом уделяет все меньше и меньше внимания защите прав верующих в мире. Такой подход неприемлем, считают в Комиссии, потому что многие современные конфликты имеют религиозные корни или оправдываются религиозными идеями, сообщает «Благовест-инфо».

В беседе Барака Обамы с Риком Уорреном, опубликованной в «Ридер дайжест» за февраль 2009 года, среди прочих был затронут вопрос о религиозных гонениях. Отвечая на прямой вопрос о том, «что должны сделать Соединенные Штаты, чтобы предотвратить религиозные гонения», Обама ответил: «В первую очередь нужно собрать доказательства, во всеуслышание заявить об этом, а не делать вид, что ничего не происходит. Совершенно необходимо, чтобы об этом говорило правительство, чтобы оно принимало участие в международных форумах, где можно указать на ущемление прав человека и отсутствие религиозных свобод. Очень важно для нас подавать пример другим. Для этого в первую очередь нам самим необходимо быть терпимыми в религиозных вопросах. Для нас очень важно, когда мы критикуем законы других стран, убедиться в том, что мы сами верны букве закона, что в Соединенных Штатах Америки соблюдается неприкосновенность личности, не применяются пытки. Это даст нам моральное право говорить о чужих проблемах».

Последние политические события говорят о том, что нередко озабоченные экономическими проблемами «сильные мира сего» забывают о своих же словах, возвышаемых в защиту гонимых верующих. Да и в сообщениях с саммитов G8 и G20 также полная тишина в том, что касается прав и свобод человека.

А ведь история не раз учила человечество, что отрицание свободы в пользу экономических благ, ведет к потере их обоих. Права человека и свобода совести как их основа — это те ценности, без которых современная цивилизация невозможна.

Глобальный кризис выдвигает требования не столько «перезагрузки» старой общественно-политической матрицы, сколько ее полного реформатирования. Реализация глобальных ценностей прав человека направлена на эволюционное изменение параметров современной исчерпавшей себя системы, поскольку направлена на трансформацию самой основы взаимоотношений власти и общества.

29 июня 2010

Портал-Credo.Ru

ГЛАВА 4
РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА ВЛАСТИ
ЦЕЛИ И МЕТОДЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ
НУЖНА ЛИ РОССИИ КОНЦЕПЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА
И РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ?

В соавторстве с С. А. Мозговым

В настоящее время антиконституционные процессы в сфере свободы совести в Российской Федерации приняли характер государственной политики, несовместимый с демократическими принципами. Речь идет о создании законодательной базы, которая не только предопределяет нарушения основных прав и свобод человека в РФ, но и стимулирует национально-религиозную напряженность, углубление расхождения людей по отношению к мировоззренческим ценностям, иных деструктивных процессов. Более того, все эти факторы способствуют тенденции к изменению конституционного строя России.

Современная ситуация в сфере свободы совести сложилась под влиянием ряда взаимозависимых и взаимовлияющих факторов, среди которых следует выделить следующие:

- научная неразработанность;
- политические интересы власти;
- экономические интересы религиозных конфессий.

Вследствие научной неразработанности данной проблематики и неразвитости вышеупомянутых конституционных принципов как правовой категории российское законодательство в этой сфере посвящено исключительно свободе вероисповеданий. Конституционное право каждого на свободу совести упоминается повсеместно лишь в качестве декларации, фактически находясь вне правового поля. Таким образом, законодательство, которое по логике должно быть направлено на реализацию свободы мировоззренческого выбора, подменяется «специальным религиозным» для регулирования деятельности религиозных объединений. Религиозные объединения традиционно являются объектом политических интересов и «специального» контроля со стороны власти как в России, так и во многих государствах мира, вследствие чего в результате правоприменения данного «специального» законодательства не только нарушаются права верующих и религиозных меньшинств, но и размывается целый ряд демократических принципов, составляющих основу конституционного строя.

Анализ реальной ситуации показывает, что «официальная» наука и законодательский процесс, при заинтересованном согласии «традиционных» конфессий и молчаливом иных, находится под контролем власти, подводя некую научную базу под ее антиконституционную политику в сфере свободы совести.

Основу научного обоснования реальной политики государства в данной сфере призвана составить концепция отношений государства с религиозными объединениями.

Прежде всего вызывает сомнения корректность самой постановки про-

блемы формирования концепции государственно-конфессиональных отношений относительно к задачам реализации конституционных принципов в сфере свободы совести.

Дело в том, что ни в Конституции РФ, ни в нормах международного права, являющихся приоритетными для правовой системы России, ничего не говорится о государственно-конфессиональных отношениях и государственной вероисповедной политике как самодостаточных явлениях. Более того, подтверждая приверженность общепризнанным принципам и нормам международного права, Конституция РФ декларирует в качестве правовой основы принципы свободы совести каждому (ст. 28), светскости государства и равенства религиозных объединений перед законом (ст. 14), равенства прав и свобод гражданина независимо от отношения к религии, убеждений (ст. 19) и ряд других принципов, имеющих значение только во взаимной связи.

Скорее всего отношения демократического правового государства, поставившего в качестве цели построение открытого гражданского общества, должны строиться с религиозными объединениями на общих с иными общественными некоммерческими объединениями правовых основаниях.

Несмотря на отсутствие принципиальных различий, проект религиоведов РАГС с научной точки зрения выглядит более корректно по сравнению с проектом Института государственно-конфессиональных отношений и права и Главного управления Министерства юстиции по г. Москве. По крайней мере в концептуальных основах РАГС добротнo осмыслен и обобщен исторический опыт, имеющий отношение к данной сфере. Но, к сожалению, данный проект не всегда адекватно отражает проблемы дня сегодняшнего и никак не устремлен в будущее, в чем, кстати, должна заключаться задача любой концепции.

Основным недостатком, который допустили разработчики из РАГСa, на наш взгляд, является сведение проблемы обеспечения свободы совести лишь к вероисповедной политике государства посредством государственно-конфессиональных отношений. Таким образом, права каждого индивида на свободу совести отданы на откуп интересам власти и церковной бюрократии — структурам, имеющим свои корпоративные интересы, не всегда совпадающие с интересами общества.

В первом разделе «Цель, принципы и методы осуществления вероисповедной политики» вслед за Конституцией РФ декларируется ряд основных принципов осуществления политики государства в сфере свободы совести.

Среди методов «осуществления политики государства в сфере свободы совести и вероисповедания» наряду с не вызывающими возражений «неукоснительным соблюдением законодательства РФ всеми государственными органами и должностными лицами» и «устранением внутренних противоречий в федеральном законодательстве» предлагается создание «механизма проведения единой государственной вероисповедной политики на всех уровнях власти», фактически подменяющего собой механизм реализации права на свободу совести.

В то же время во второй раздел «Основные понятия» авторы включили исчерпывающий вариант определения конституционных понятий «свобода совести» и «светское государство». Однако эти понятия теряют значительную часть содержания при рассмотрении таких категорий, как «вероисповед-

ная политика» и «отношения государства и религиозных объединений». Происходит смешение и подмена понятий. С помощью вероисповедной политики невозможно обеспечить свободу совести «каждого» индивида. В идеале вероисповедная политика может быть направлена на обеспечение религиозной свободы, но никак не свободы совести. Но с ее помощью нельзя добиться и религиозной свободы, так как невозможно обеспечить права и свободы одним (верующим), игнорируя интересы остальных.

Проблема в том, что вероисповедная политика вполне допускает использование религии в политических целях. А может, она только для этого и нужна? В этом случае религия превращается в идеологию, что, как правило, сопровождается определенными религиозными пристрастиями (симпатиями и антипатиями) властных групп и в конечном счете всегда заканчивается вмешательством во внутренние дела религиозных объединений, в жизнь верующих граждан. Подобные факты уже неоднократно были в нашей истории и всегда способствовали дестабилизации общества. Таким образом, вероисповедная политика (равно как и атеистическая) по своему определению не способствует реализации конституционного принципа свободы совести.

Характеризуя «Современные процессы в религиозной сфере жизни российского общества» (третий раздел), авторы справедливо указывают на возникновение принципиально новой религиозной ситуации, характеризующейся ростом религиозности населения и увеличением числа религиозных объединений. Однако конфессиональное многообразие не получило оценки в качестве естественного процесса, характерного для всего мира, рост которого является закономерным.

Вызывает сомнение и положение о дестабилизирующем воздействии на религиозную ситуацию «широкое проникновение религиозного влияния из-за рубежа». Очень странно и противоречиво звучат на фоне деклараций «конфессионального нейтралитета» такие тезисы, как «практически не ограниченная законом свобода религиозной деятельности и фактическое самоустранение государства из этой сферы». Очевидно, что речь идет об отсутствии «специального» контроля и регламентации мировоззренческой сферы, которых, на наш взгляд, в принципе не должно быть в демократическом правовом государстве.

И уж совсем не разъясняется, что означают слова «дезинтегрировать духовное единство ее народов, привить чуждые им духовные стандарты и ценности, а также преследовавшим... разведывательные и иные цели». Интересно сколько разведывательных организаций и лиц действует на территории России под видом религиозных. И почему до сих пор ФСБ никого не арестовала? Наверное, таких лиц не больше, чем людей, приезжающих с туристическими, научными и культурными целями.

Далее по тексту: «...представители традиционных религий и некоторые группы общественности усматривают в распространении нетрадиционных для России конфессий и новых религиозных движений угрозу духовной и этнокультурной самобытности народов России, интересам национальной безопасности и требуют от государственных органов принятия энергичных охранительных мер», а на самом деле просто хотят использовать государственный ресурс для нейтрализации своих духовно-экономических конкурентов. Именно поэтому наблюдается стремление отождествить интересы

национальной безопасности с «охранительными мерами» отдельных конфессий. Нам представляется, что в демократической стране государство должно защищать интересы всех слоев общества, включая религиозные меньшинства, а не только условное большинство.

Введение в правовой оборот неопределенного термина «традиционная» конфессия вообще может ввести в заблуждение общество и правоохранительные органы. Сколько времени необходимо религиозному объединению, чтобы стать традиционной? 15, 50, 100 или 1000 лет? Каких-либо критериев ни в науке, ни в праве не существует. Да и вообще в государстве, провозгласившем в своем Основном законе равенство (ст. 14 Конституции РФ), не должно быть таких исключений.

А зачем и каким образом «государству в его вероисповедной политике предстоит осуществить диалектическое сопряжение реализации конституционных принципов свободы совести и равенства всех религий перед законом с обеспечением интересов национальной безопасности в духовной сфере», и вовсе непонятно. Ведь именно акцент на вероисповедную политику препятствует воплощению в жизнь этих самых принципов. Вероисповедная политика во все исторические времена имеет одну и ту же цель — использование религии в политических целях. Эти цели всегда обусловлены интересами различных, порой противоборствующих политических сил, но никак не интересами национальной безопасности, которая подразумевает обеспечение стабильного социально-экономического развития этно- и религиозно неоднородного общества с приоритетом прав личности. Другими словами, одним из важнейших условий национальной безопасности является межрелигиозный и межнациональный мир, основанный на подлинной демократии.

Весьма противоречив четвертый раздел «Основные области взаимоотношений государства с религиозными объединениями и их правовое регулирование». Например, «при «равноудаленности» государства от религиозных объединений, посредством которой обеспечивается равенство необходимых для осуществления ими своей деятельности прав, допускается различная степень сотрудничества государства с разными конфессиями». Фактически властным группам предлагается по своему усмотрению устанавливать критерии равенства конфессий, вероятно, основываясь на их полезности для удержания власти.

Авторы справедливо признают, что «любая модель вероисповедной политики государства, оказывающего избирательную поддержку отдельным конфессиям, не свободна от издержек, от недостатков», и в то же время предлагают обществу модель конфессиональных предпочтений через введение в правовое поле «традиционных» или полезных религиозных объединений: «... вместе с тем дополнительными законодательными нормами должен быть регламентирован порядок признания за конфессией статуса традиционной, предоставление ей льгот и государственной поддержки».

Далее авторы абсолютно справедливо утверждают, что «принцип государственной поддержки и содействия религиозным организациям не продиктован прагматическим ожиданием экономической отдачи от такого расходования общественного богатства. Он отражает глубинную историческую традицию». Скорее всего этот принцип продиктован прагматическим ожиданием политической поддержки власти, а под исторической традицией имеется в

виду сакрализация и абсолютизация власти.

Не правильно ли в таком случае, чтобы благополучие религиозных объединений складывалось из добровольных финансовых поступлений прихожан или членов общины? На наш взгляд, такой принцип будет адекватно отражать поддержку организации со стороны верующих и жертвующих единомышленников и, самое главное, не будет противоречить демократическим конституционным принципам. Кроме того, при таком подходе будут сняты проблемы «обеспечения контроля за целевым расходованием средств, выделяемых религиозным благотворительным организациям».

Взаимодействие Вооруженных сил и религиозных организаций является важным аспектом государственно-конфессиональных отношений. Но какой смысл вкладывают авторы в тезис о возрождении традиций Вооруженных сил и религиозных организаций? Как известно, военное духовенство было государственным идеолого-воспитательным институтом царской армии. Этот институт не только осуществлял духовную поддержку военнослужащих, но и осуществлял мировоззренческую цензуру, использовался в карательных целях (карцер, каторга). На наш взгляд, речь нужно вести не о реанимации прошлых традиций, а о том, чтобы не превратить армию в арену межконфессиональных «разборок».

Далее авторами справедливо указывается на проблематичность возрождения института капелланства, возведения на территории воинских частей культовых сооружений, освящение боевых знамен, военной техники и т.д. На наш взгляд, это антизаконно! Что касается института военных капелланов, то его в России никогда не было. Был институт военного духовенства, что по сути одинаково, но такое определение более точно отражает российскую специфику.

Рассмотрение государственно-конфессиональных отношений в сфере образования и культуры привело уважаемых авторов к весьма странному выводу. По их мнению, современная плюралистическая система, построенная на представлениях «об относительном характере любых истин и ценностей, в конечном счете подрывает морально-нравственные устои общества». Неужели государственный аппарат лучше, чем граждане, знает, в чем Истина? Кто дал право в демократической стране «навязывать» обществу «набор ценностей» отдельных слоев, групп, корпораций, конфессий?

И, наконец, о пятом разделе «Механизм реализации государственной вероисповедной политики». Некорректна сама подмена декларированных конституционных принципов государственной вероисповедной политикой, о чем уже сказано выше. В этом разделе несколько обнадеживает только то, что органами прокуратуры «надзор должен осуществляться в равной мере за соблюдением законности как религиозными объединениями, так и органами власти». Но скорее всего это пожелание не имеет отношения к реальной ситуации, сложившейся сегодня в сфере свободы совести.

В последнее время заинтересованными структурами и лицами активно выдвигается идея о необходимости специального федерального органа по делам религиозных объединений, что нашло свое отражение в данном документе. Странники госоргана наивно полагают, что с его созданием может измениться государственная политика. На наш взгляд, «специальные» государственные органы, будь то Государственная религиозно-ведческая экспертиза

или Министерство по делам религиозных объединений, формируемые властью для проведения «специальной» вероисповедной политики, скорее всего станут послушным рычагом в ее руках, не будут способствовать реализации конституционных прав. В принципе федеральный орган по делам религиозных объединений способен пресечь значительную часть злоупотреблений региональных чиновников, но изменить антиконституционную политику властных групп в целом, направленную на подавление и контроль мировоззренческой сферы, он не сможет. Более того, став частью государственного аппарата, этот орган будет проводником этой самой политики, а значит, новым источником злоупотреблений.

К сожалению, проект концептуальных основ государственно-церковных отношений не вполне согласуется с Основным законом страны. Тем не менее необходимо признать, что огромная научно-исследовательская работа, проделанная религиоведами РАГС не напрасна. Мы уверены, что она станет серьезным импульсом для дальнейшей работы ученых, занимающихся данной проблематикой.

Другой проект «Концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в Российской Федерации», который презентован от имени Института государственно-конфессиональных отношений и права и Главного управления Министерства юстиции РФ по г. Москве является откровенно конфессионально ориентированным, отражающим точку зрения РПЦ и в какой-то мере иных заинтересованных конфессий.

В целом особенностью данного проекта являются многочисленные повторения декларируемых конституционных принципов, которые дополняются «начинкой» из творчества ориентированного на РПЦ авторского коллектива в виде элементов избирательного партнерства власти с «традиционными» конфессиями. Весьма характерным моментом является игнорирование авторами конституционного принципа свободы совести, что, вероятно, связано с позицией Церкви по данному вопросу. Таким образом, в проекте Института государственно-конфессиональных отношений и права и Главного управления Минюста России по г. Москве речь идет только о свободе вероисповеданий и взаимодействии государства преимущественно с «традиционными» конфессиями. Имеется даже целый раздел «Отношения государства с традиционными религиозными организациями».

Наверное, не случайно в качестве основных задач государственной вероисповедной политики в государственно-правовой сфере авторы уделили много внимания наряду с декларациями вроде «обеспечения государством гарантий равенства прав и свобод граждан независимо от их отношения к религии» и «содействия поддержанию в обществе обстановки взаимоуважения и диалога в отношениях между верующими различных конфессий, а также между верующими и неверующими» обоснованию необходимости правового закрепления «критериев определения традиционности религиозных организаций в Российской Федерации и соответствующего правового статуса таких организаций».

Скорее всего необходимость продвижения «критериев определения традиционности религиозных организаций» с целью их последующего закрепления в системе права легла в основу создания данного проекта концепции, которая служит для них некоей оболочкой.

В общем, позиция авторского коллектива по вопросам отношения государства к «традиционным» конфессиям предельно ясна — государство должно их поддерживать. О том, как поступать государству с «нетрадиционными» конфессиями, в проекте концепции открыто не говорится, но некоторые ее пункты, особенно в свете Социальной концепции РПЦ, имеют к «нетрадиционным» самое непосредственное отношение.

Авторы доверительно предупреждают о наличии «угроз сохранению и развитию этнокультурной идентичности и духовной самобытности народов России», активизации «деятельности религиозных объединений, в том числе иностранных, угрожающей или наносящей ущерб здоровью, нравственности, правам и законным интересам граждан, а также другим, защищаемым законом интересам личности, общества и государства».

А в «целях укрепления и защиты конституционного строя, поддержания социальной стабильности и межрелигиозного мира» высказывают пожелание, чтобы государство «запрещало, предупреждало и пресекало на всей территории Российской Федерации деятельность религиозных объединений, направленную против основ конституционного строя и безопасности государства».

Ответ на вопрос о том, как авторский коллектив хочет добиться закрепления в системе права «критериев определения традиционности религиозных организаций», дается ими в конце проекта концепции: «Приоритетной задачей реализации Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере отношений с религиозными объединениями является разработка и внесение в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», а также разработка и принятие других нормативных правовых актов, необходимых для реализации настоящей Концепции».

В качестве вывода следует отметить, что оба проекта концепций дают научное обоснование соответствующей политики в сфере свободы совести, направленной на сакрализацию и абсолютизацию власти. Оба проекта вопреки Конституции РФ фактически ставят в неравноправное положение верующих и неверующих, верующих и религиозные объединения, иностранных граждан и граждан России, «традиционные» конфессии и «нетрадиционные». Такая модель в конечном итоге будет способствовать доминированию одной конфессии — «самой традиционной».

Фактически элементы конфессиональных предпочтений государства, закреплённые в неработающей в нормативном смысле преамбуле ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», заинтересованные круги пытаются наполнить реальным содержанием и оформить в виде «специальной» концепции отношений государства и религиозных объединений. В дальнейшем эта концепция, вероятно, должна служить неким плацдармом для включения элементов избирательного партнерства государства с «традиционными» религиозными объединениями в «тело» закона.

На наш взгляд, сегодня обществу нужен не конкурс концепций государственно-церковных предпочтений, отражающих взгляды и интересы отдельных групп, так или иначе связанных с религиозной проблематикой, а научная разработка эффективных механизмов реализации декларируемого конституционного права на свободу совести для каждого человека.

ИСКУШЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКОЙ.

Религиозная политика была всегда. Власть предрержащие любили и умели «скрещивать» политику с религией для своей пользы. Еще Ницше говорил, что «сила, которая лежит в единстве народного сознания, в одинаковых мнениях и общих целях, охраняется и скрепляется религией, за исключением тех редких случаев, когда духовенство не может сойтись в цене с государственной властью и вступает в борьбу с ней...».

Таким образом, исходя из своего понимания пользы, религиозные лидеры, как правило, не возражали, а «...правлящие лица и классы просвещены относительно пользы, которую приносит им религия, и, таким образом, в известной мере чувствуют себя выше религии».

Российская история сохранила немало свидетельств использования Церкви для укрепления собственного авторитета и централизации власти Александром Невским, Дмитрием Донским, Иваном Грозным, Петром I и другими видными государственными мужами России.

Что касается религиозной политики Советской власти, то она отличалась значительной амплитудой: от кровавого террора с целью «окончательного решения» религиозного вопроса до вполне имперской политики интегрирования «главной Церкви главного народа» в идеологическую систему советского образца. Не случайно, что кроме Совета по делам религий при СМ РСФСР и должностей (аппаратов) уполномоченных Совета на местах по линии «компетентных» органов, вопросами контроля мировоззренческой сферы занималось Управление 3 (идеологические диверсии), в составе которого находился 4-й (церковный) отдел.

Естественно, что религиозный вопрос в плане реализации свободы совести в Советской России никто и не собирался решать, он был лишь «винтиком» идеологической политики официального единомыслия, направленной на удержание власти.

Советский период достаточно наглядно показал, что само по себе отделение церкви от государства, без идеологического многообразия, вовсе не является гарантией свободы совести. Таким образом, отношения Советского государства с религиозными организациями всецело подчинялись текущим потребностям господствующей идеологии и характеризовались прагматичным использованием последних в политических целях.

И царский, и советский периоды показывают, что именно текущая политическая нужда определяет амплитуду колебаний религиозной политики, а любое господствующее мировоззрение служит источником подавления всякого иного. Историко-правовой анализ позволяет утверждать, что в нашей стране вопросы, касающиеся сферы свободы совести, как правило, решались не добровольно, а мировоззренческий выбор навязывался государством и властными группами. Это касается как введения христианства князем Владимиром, так и политики казенного атеизма, проводившейся советской властью.

Пугающе прав оказался Джеймс Шалл, напоминая нам, что если и существует искушение, неизменно сохранявшееся в течении всей истории христи-

анства, начиная с осужденного Христом зелотства и вплоть до отношения марксизма к Царству Божьему, так это настойчивое стремление превратить религию в рецепт обновления политических и экономических структур. Не избежали этого искушения и нынешние правители России, предпринимающие попытку под видом «симфонии», возрождения духовности, нравственности и прочих «традиционных» ценностей, использовать религию в качестве некоего морального базиса своей политики.

Ельцин в принципе был далек от церкви, но по политической нужде стоял перед телекамерами со свечкой в храме. Приемник производит впечатление искренне верующего человека, и возможно поэтому склонность к тесному сотрудничеству с РПЦ, несмотря на конституционные принципы мировоззренческого нейтралитета, воспринимается органично.

С начала 90-х г.г. по нарастающей идет явная (прямое финансирование, передача недвижимости) и неявная (льготы, квоты и т.п.) передача государственных ресурсов Московской патриархии. Последняя, когда надо, поддерживала власть (например, чеченская кампания, гибель лодки) и постоянно делилась с властью своим высоким авторитетом.

Еще одним важным штрихом к содержанию современной версии религиозной политики является использование принудительной силы государства для не правовых по сути ограничений «нетрадиционных» (в понимании власти и ее церкви) религий. Именно для этого государственными и тяготеющими к «традиционной» религиозности учеными синтезируется соответствующий понятийный аппарат. Такова специфика момента — борьба с «религиозным экстремизмом» за «духовную безопасность» требует научнообразного обоснования.

Привилегии РПЦ (и ограничения ее духовных конкурентов) окупаются сторицей. Не случайно участие МП РПЦ в политической жизни вообще и в избирательных компаниях в частности ограничивается поддержкой власти. Поэтому, когда иерархи РПЦ говорят о невозможности для церкви поддерживать политические партии, движения, блоки и т.д., то это в какой-то мере соответствует действительности. РПЦ поддерживает только некую партию власти (так вернее) и конкретных политических фигур, отношения с которыми могут быть выгодны. Эта поддержка не всегда носит очевидный характер — такова особенность вовлечения в сферу религиозного санкционирования индивидуального, группового, общественного сознания.

Реальность показывает, что главными игроками «религиозно-электорального поля» являются власть и РПЦ. Взаимодействие между ними как раз и осуществляется в рамках религиозной политики. В результате власть через устойчивую связь и прямую поддержку РПЦ получает от нее авторитетосвящение (сакрализацию), что позволяет ее креатурам успешно преодолевать демократические процедуры. В данном случае, многие из 80% православных, по версии митрополита Кирилла (Гундяева) «по факту рождения, принадлежащие к РПЦ» (большинство из которых не ходят в церковь, а многие даже не верят в бога), оказываются «верующими» в В.В. Путина и его партию.

Соответственно, РПЦ за счет государственных ресурсов наращивает свои материальные активы, политическое влияние и даже претендует на монополию (подавляя конкурентов-«сектантов» опять же силой государства), превращаясь в «духовного олигарха». Окончательно закрепить ее «статус кво»

призвано введение преподавания Основ православной культуры (ОПК), а фактически Закона Божия в государственных школах.

Нет сомнений, что в соответствии с законодательством, религиозное образование в государственной школе должно быть только добровольным. А вот вопрос о финансировании религиозного (конфессионального) образования вызывает наиболее острые и противоречивые споры.

Очевидно, что ответ нужно искать в конституционно-правовом поле. Исходя из принципов свободы совести, светскости государства, равенства религиозных объединений и других взаимозависимых принципов, составляющих основу строя, государство не должно финансировать деятельность религиозных организаций (в том числе религиозное (конфессиональное) образование). Таким образом, упомянутое образование, как в стенах светской школы, так и вне ее, должно финансироваться за счет самих верующих и религиозных организаций. Это касается как теологии в высшей школе, так и ОПК в общеобразовательной.

Хоть Русская православная церковь уже давно искусилась государственными деньгами, обвинять ее бесполезно — такова ее природа. Тем более что большинство других религиозных организаций прилагает не меньше усилий дабы вкусить из «закромов Родины». В то же время всегда полезно напомнить религиозным лидерам об ответственности перед обществом. А также о том, что необходимым условием принадлежности религиозных организаций к институтам гражданского общества является их независимость от даров государства. Ибо слишком часто в истории религиозные организации становились объектами манипуляций, идеологическими служанками власти и даже придатком государства.

Следует отметить, что по данным социологических опросов в начале 90-х г.г. авторитет церкви был как минимум на 10% выше нынешнего. На март 2004 г., по данным аналитического центра Юрия Левады, церковь по популярности занимает второе место — 41% опрошенных россиян утверждают, что она вполне заслуживает доверия (8% так не считают).

Зато президент (а значит и его партия?) уверенно, с большим отрывом занимает первое место. Как показали исследования, за последние три года на 10% увеличилось число тех, кто считает, что институт президента России вполне заслуживает доверия — с 52% в 2001 году до 62% в 2004-м.

В целом, сращивание властных групп и РПЦ направлено на увеличение влияния друг друга, вплоть до монополизации как власти, так и мировоззренческой сферы. Действительно, несмотря на крушение идеалов гражданского общества, плачевное состояние экономики и крайне низкий уровень жизни большинства населения страны, россияне демонстрируют рост доверия власти.

Что касается цифр роста православных (как уже говорилось, до 80%), дающей кое-кому основания называть Россию «моноконфессиональной страной с религиозными меньшинствами», то она не вполне стыкуется со следующей статистикой. Показатель алкогольной смертности в 2002 г. составил 30 тыс. чел. (155% от 1991 г.). Неуклонно растет количество наркоманов (по минимуму 4 млн. чел.), ВИЧ-инфицированных (около 2 млн.). По самоубийствам Россия вообще в числе мировых лидеров. Это уже не говоря о подавляющей нищете (30 млн. человек или 22% имеют доход ниже прожиточного минимума) и вымирании населения (последние годы россияне убывают по-

чти по 1 млн. чел в год), на фоне имитации реформ при твердом курсе на сырьевую экономику. В то же время духовенство РПЦ демонстрирует неуклонный рост материального благосостояния. Увы, скандальные публикации о «нехилом» церковном бизнесе и батюшках на «крутых» иномарках появляются не на пустом месте.

Но не следует связывать асоциальные явления с ростом массовой «православизации» населения. Скорее цифры «от лукавого» — воцерковленных граждан лишь несколько процентов — остальные воспринимают православие на уровне идеологии, и их самоидентификация с «религией предков» вовсе не является гарантией нравственности.

А вот «прагматичная» (а скорее, утилитарно-потребительская) религиозная политика наверняка ведет к росту алкоголиков и наркоманов. Современный человек, не найдя смысла жизни с помощью «традиционной» религии, в условиях ограничений выбора иных мировоззренческих форм, нередко «ищет истину» в алкоголе и наркотиках.

В то же время, на вышеупомянутые цифры опирается руководство РПЦ, стремясь «выбить» от государства подряд на полное «духовное обслуживание» населения. Но так как у власти имеются свои планы относительно «религиозного возрождения» России, то в результате «православие сверху» в подавляющей своей массе имеет мало общего с живым исповеданием веры.

Наверное, этим объясним несколько парадоксальный результат исследований Российского независимого института социальных и национальных проблем, в соответствии с которым верующих в РФ меньше, чем приверженцев конфессий. Даже сознание людей, считающих себя неверующими, оказалось вовлеченным в сферу религиозного санкционирования с целью возведения властных групп в ранг «священных».

Последние тенденции в области религиозной политики позволяют говорить о формировании безальтернативной политической системы на основе клерикальной идеологии — демократические выборы превращаются в фарс, даже при соблюдении буквы избирательного законодательства. Соответственно современные российские выборы по мере затягивания «демократического транзита» обретают все большее сходство с выборами времен СССР. Обилие претендентов и замена КПСС на РПЦ МП практически не меняют манипулятивно-имитационного духа выборов.

Что касается иностранного опыта, то он почему-то учит россиян или ничему, или не тому. Обычно, настаивая на поддержке «традиционных» конфессий, многие в качестве образца для подражания предлагают опыт несопоставимых с многонациональной и поликонфессиональной Россией стран.

Почти всегда игнорируется тот факт, что международная практика в данной сфере направлена на ограничение возможности государственного вмешательства во внутреннюю жизнь религиозных объединений, или, по крайней мере, имеет такую тенденцию. Например, Швеция приняла решение отделить церковь от государства после многих веков слияния. На фоне отечественных реалий это невероятно, но инициатором отделения явилась церковь!

Оправдывать исторически сложившуюся в некоторых демократических государствах религиозную политику с элементами конфессиональных предпочтений, несмотря на конституционные принципы светскости государства и равенства религиозных объединений, позволяет наличие «лукавой» переход-

ной модели государственно-конфессиональных отношений (ее еще называют кооперационной или нейтралитета). Эта модель конфессиональных предпочтений позволяет в очень значительной мере использовать конфессии в политических целях, что отнюдь не способствует толерантности и согласию. Результаты хорошо известны — Европа была и остается театром политических войн, с ярко выраженным этно-конфессиональным характером (Ольстер, Балканы и др.).

Уже «цветочки» (ягодки еще впереди?) прагматизма российской религиозной политики впечатляют. Проявления национализма, фобий, насилия на почве нетерпимости превратились в обыденное явление в современной России. Погромы на рынках, поджоги домов и культовых зданий «не основных» религиозных организаций, избиения и убийства людей «не основной» национальности и религии — вот результат политики разделения на «традиционных» и «нетрадиционных», а фактически на «русских-православных» и «иногородцев-иноверцев».

Сегодня в России искушение религиозной политикой принимает необратимые формы. Недавно Путин заявил о необходимости поддержки «в рамках закона» «традиционных» религиозных лидеров и конфессий. О многом говорит подчеркнуто официальный характер участия первых лиц государства на пасхальном богослужении в Храме Христа Спасителя. В прямом эфире федеральных телеканалов Патриарх Алексий II (Ридигер) «духовно окормил» власть и передал Благодатный огонь со Святой земли президенту России.

Значит ли это, что несмотря на принципиальную правовую некорректность законодательного выделения «традиционных религиозных организаций», но с учетом наличия «ручного кремлевского управления» Госдумой, соответствующий закон все же будет принят?

Искушение религиозной политикой может оказаться последним искушением президента Путина и его режима. Слишком уж неустойчива сырьевая экономика в информационном обществе, и слишком опасна игра с «религиозным фактором» в многонациональной и поликонфессиональной стране.

6 мая 2004

Портал-Credo.Ru

КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ЗЕРКАЛО ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОНИМАНИИ КАФЕДРЫ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ РАГС ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

О необходимости разработки концепции отношений государства с религиозными объединениями говорилось много и давно. И даже соответствующие попытки уже предпринимались.

Еще в 2001 были обнародованы два проекта: «Концептуальных основ государственно-церковных отношений в Российской Федерации» кафедры религиоведения Российской академии государственной службы (РАГС) (от власти — по заказу Администрации Президента) и «Концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в Российской Федерации», разработанный общественной организацией «Институт государ-

ственно-конфессиональных отношений и права» и Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве в лице заместителя начальника Главного управления Владимира Жбанкова (от клерикальных кругов — ориентированных на МП РПЦ) [1].

Причем идея необходимости введения «традиционности» в правовое поле России является общим местом обоих проектов, которые хоть и были представлены как альтернативные, на самом деле одинаковы по сути — эдакие пирожки с начинкой из «традиционности». Элементы конфессиональных предпочтений, закрепленные в неработающей в нормативном смысле преамбуле Федерального закона, заинтересованные круги пытались наполнить реальным содержанием и оформить в виде «специальной» концепции отношений государства и религиозных объединений.

Тогда проекты концепций вообще и идея введения критериев и термина «традиционные религиозные организации» в правовое поле России были неоднозначно восприняты в обществе и государстве. Кафедра РАГС не позаботилась о пиар-поддержке своего проекта — и в конечном итоге осталась в накладе. Власть в лице Администрации Президента РФ проект отвергла, а некоторые конфессиональные лидеры и вовсе заклеямили проект как атеистический, богохульный и т. д. Игорь Понкин, директор Института государственных конфессиональных отношений и права, оказался более расторопным. В результате он получил многочисленные хвалебные отзывы, но и его проект не был востребован властью.

В конце 2002 г. из РАГСa пришла весть о том, что скоро у России определено будет своя концепция отношений с религиозными объединениями. В ходе работы научно-практического семинара «Северная столица — перекресток духовных традиций», новая заведующая кафедрой религиоведения О.Ю. Васильева сообщила о работе над новой концепцией государственно-религиозных отношений, которая «не будет реанимацией старого документа», подготовленного кафедрой религиоведения РАГС в 2001 году, так как ориентирован на решение задачи противодействия государства религиозному экстремизму.

В ноябре 2003 г. в сети Интернет был неофициально опубликован очередной проект сотрудников кафедры под названием «Концепция Государственной религиозной политики Российской Федерации» [2]. И только 5 февраля 2004 г. была опубликована официальная версия проекта, имеющая некоторые отличия. Анонс звучит следующим образом: «Публикуемый ниже текст представляет собой первую и основную часть «Концепции государственной религиозной политики Российской Федерации», разработанной на кафедре религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации в ноябре-декабре 2003 года. Редакционная группа: О.Ю. Васильева, заведующая кафедрой религиоведения РАГС, А.В. Журавский и А.И. Кырлежев, сотрудники кафедры. (Полный текст, помимо публикуемой основной части, включает историческую и справочную части.) Документ предоставлен portalу «Религия и СМИ» кафедрой религиоведения РАГС» [3].

Заказчик, в лице Администрации Президента РФ, не задумываясь оплатил товар и получил его. А зря — задуматься есть над чем уже на стадии изучения документа. Как и его предшественники, проект вызывает много вопросов в основном правового характера.

Во введении говорится, что «концепция государственной религиозной политики Российской Федерации представляет собой систему взглядов на цель, задачи, принципы и основные направления эффективной политики в сфере государственно-конфессиональных отношений, свободы совести и вероисповедания с учетом многообразия форм присутствия религии в обществе». Сразу обращает на себя внимание тот факт, что государственно-конфессиональные отношения стоят впереди свободы совести и вероисповедания. На практике это означает приоритет политики по отношению к правам человека, которые изначально ставятся в зависимость от интересов государственной и конфессиональной бюрократии.

Сама «религиозная политика» определяется как «система действий светского государства в сфере государственно-конфессиональных отношений и реализации свободы совести и вероисповедания с учетом многообразия форм присутствия религии в обществе», а ее целью является «создание благоприятных условий для позитивного, неконфликтного развития религиозной жизни в стране и укрепления стабильности российского общества».

Очевидно, что путем реализации «религиозной политики» в принципе невозможно обеспечить право на свободу совести каждого, то есть не только «верующих», но и остальных. А значит тезис о том, что «религиозная политика направлена на обеспечение фундаментальных, международно признанных прав граждан на свободу совести и вероисповедания» носит заведомо популистский характер.

Вызывает серьезные сомнения и декларация того, что «религиозная политика государства осуществляется в национальных интересах Российской Федерации, ради блага ее граждан и общества в целом и с целью противодействия угрозам национальной безопасности России». На самом деле, проводимая властью антиконституционная политика вероисповедных предпочтений (в лице РПЦ МП) под видом сохранения и развития «исторически сформировавшихся религиозных традиций народов России» является коренной причиной сепаратизма.

Например, Т.Б. Рамзанов в своей статье [4] приводит ряд элементов конфессиональных предпочтений федеральной власти, отражающих опасную тенденцию огосударствления православия и превращения его в «идеологию действующего режима в стране». В данном контексте абсолютно логичным выглядит утверждение автора, что конфессиональные предпочтения «способствуют возникновению напряженности между государственной властью (Федеральной) и мусульманами, ощущающими себя дискриминированными в государстве, которое оказывается для них духовно чужим».

Более того, дискриминированными чувствуют себя не только мусульмане, а вообще «неправославные» (и не только в Дагестане). Таким образом, стимулируется рост национально-религиозной напряженности и углубление расколоения людей по отношению к мировоззренческим ценностям, в свою очередь лежащие в основе сепаратизма. Можно предположить, что непродуманная и опасная политика конфессиональных предпочтений федерального центра не просто способствует, а является причиной поддержки сепаратистов в «неправославных» регионах значительной частью населения. Все это чревато сопряженным с насилием распадом федеративной системы РФ.

Также нет никаких гарантий, что с принятием данной концепции религиозная политика Российской Федерации будет «строится с учетом того, что разви-

тие новой российской государственности происходит в контексте мировых, глобальных процессов и вызовов современности». Более того, на основании исследований Института свободы совести можно сделать вывод, что глобальным тенденциям соответствует не «религиозная политика» в интересах узких групп, а создание и реализация эффективного правового механизма свободы совести, от которого «будет зависеть удастся ли найти баланс между национальной и глобальной политикой, преодолеть разделение в виде противодействия сил национального и группового эгоизма, использовать открывающийся уникальный шанс формирования демократического мирового порядка» [5].

Очевидно, что декларируемые среди задач «религиозной политики» «обеспечение конституционного права личности на свободу совести и свободу вероисповедания», «осуществление мер по утверждению в обществе уважительного отношения к чувствам верующих и неверующих, толерантности и веротерпимости», напроць перечеркиваются защитой «духовно-нравственного и культурного наследия народов России, исторических религиозных традиций» и реализацией «эффективных мер по «противодействию проявлениям религиозного экстремизма и культурно-религиозной экспансии» (в соответствии с Концепцией национальной безопасности РФ), осуществляемой с территорий иностранных государств».

Среди «определений и основных категорий религиозной политики» обращает на себя внимание ошибочное отождествление «светского» с секулярным. «Светское (секулярное) — это понятие, с помощью которого явления общественной, политической и культурной жизни характеризуются как нерелигиозные, то есть такие, в которых религиозный фактор не является определяющим». С юридической точки зрения максимально корректным представляется определение светского как мировоззренчески нейтрального, безоценочного, то есть не отдающее предпочтения вообще никакому мировоззрению.

Следует отметить, что исторически сложившееся разделение и противопоставление мировоззрений на «религиозное» и «антирелигиозное», и соответственно людей их разделяющих на «верующих» и «неверующих», не вполне корректно при применении в современной правовой системе. В то же время, данное разделение позволяет использовать религию в политических целях и манипулировать индивидуальным, коллективным и общественным сознанием с целью удержания власти («разделяй и властвуй»).

В указанном контексте утверждение уважаемых авторов, что «в своей религиозной политике государство осуществляет согласование, а не противопоставление светского и религиозного, не допускает использования в качестве официальной идеологии секуляризма или клерикализма», соответствует реальности с точностью до наоборот.

Показательно, что еще одно ключевое понятие определяется путем явной тавтологии: «религиозное в широком смысле — это понятие, которое охватывает как собственно религиозные явления (исповедание религиозной веры, совершение религиозных ритуалов, распространение религиозных учений и представлений, религиозное воспитание и т.д.), так и явления, для которых религиозный фактор является определяющим (религиозная культура, религиозная философия, религиозное искусство, религиозное право, религиозная мораль, религиозный быт, религиозные символы) или вспомогательным (связь религиозного и этнического, религии и культуры)».

Очевидно авторы проекта забыли или игнорируют тот факт, что правового определения «религии» не существует, а например в религиоведении таких определений более 200.

А предложенный авторами концепции тройник «методологических подходов к сфере религиозности: правового, культурологического, социологического» лишь усиливает впечатление несостоятельности «методологических оснований религиозной политики».

Совсем не понятно, как в отсутствие четких правовых критериев государство будет юридически корректно определять «религиозные объединения, действующие в правовом поле, разнообразные проявления религиозности в социальной, политической сфере и религиозную составляющую культурных традиций народов России».

В тоже время совершенно очевидно, что предлагаемый уважаемыми авторами «культурологический подход», который, по их мнению, «позволяет государству выявить религиозную составляющую в культурных традициях народов России, определить религию как культурную традицию (доминирующую в общероссийском или региональном масштабе) или как культурную инновацию» на самом деле является элементом обоснования и/или системной коррупции, и/или современной версии средневековой инквизиции.

Показательно, что социологический подход, призванный авторами на службу государству, должен содействовать «позитивной деятельности религиозных сообществ и отдельных верующих по совместному с обществом противодействию деструктивным, асоциальным (в том числе экстремистского характера) проявлениям религиозности», в контексте «угроз национальной безопасности, общественной стабильности и правам человека».

Среди указанных угроз значатся «нарушение прав граждан РФ со стороны ряда религиозных организаций и групп; использование религиозного фактора в политических целях движениями изоляционистского, сепаратистского и экстремистского характера; негативное влияние иностранных религиозных организаций и миссионеров, культурно-религиозную экспансию, осуществляемую с территорий иностранных государств и проявления религиозного экстремизма внутри страны (согласно Концепция национальной безопасности РФ)». В указанном контексте следует отметить, что нарушения прав всегда исходили и исходят со стороны власти и сросшейся с нею конфессиональной бюрократии, термины «религиозный экстремизм» и «культурно-религиозная экспансия» являются не корректными с научной точки зрения, а «эффективная борьба с этими негативными и деструктивными явлениями» способна посвить крест на правах человека и демократии в России.

Еще одним противоречащим Конституции РФ и интересам гражданского общества элементом концепции является обоснование идеи социального партнерства государства с «традиционными» религиозными организациями, о чем напрямую не говорится, но подразумевается: «целью такого социального партнерства является укрепление общественной стабильности посредством реализации духовно-нравственного и миротворческого потенциала религиозных традиций народов России, религиозных объединений и граждан».

Завершается проект концепции определением «факторов и условий эффективной религиозной политики государства», которая «обеспечивается ориентированностью на соблюдение демократических принципов, прав и

свобод граждан, а также на защиту национальных интересов и укрепление общественной стабильности». Если же судить по тексту проекта, на самом деле имеет место ориентированность на использование властью религии в политических целях, посредством самодовлеющих отношений государства с религиозными объединениями.

Среди «факторов и условий эффективной религиозной политики государства»: «единый центр выработки религиозной политики и ее конкретных инструментов; информационно-аналитическое и экспертное обеспечение религиозной политики государства; эффективная кадровая политика, в том числе в области повышения квалификации государственных служащих, занятых в реализации религиозной политики; обеспечение государством возможности прямого диалога религиозных объединений и государственной власти; межрелигиозное взаимодействие (на федеральном и региональном уровне), направленное на социально значимую деятельность и укрепление согласия и стабильности в обществе».

Вероятно, что под единым центром и обеспечением предполагается Министерство по делам религий, которое призвано стать дорогим для налогоплательщиков, но послушным инструментом в руках власти предрержащих, а «кузницей кадров» как обычно будет кафедра религиоведения РАГС.

Если судить по методическим материалам, разрабатываемых кафедрой религиоведения РАГС для обучения и повышения квалификации государственных служащих, то надеяться на «эффективную кадровую политику, в том числе в области повышения квалификации государственных служащих, занятых в реализации религиозной политики» не приходится.

В частности, в издательстве Российской академии государственной службы при Президенте РФ на кафедре религиоведения вышли в свет методические материалы «Государственно-конфессиональные отношения», на которые Институтом свободы совести было сделано Экспертное заключение[6]. Объектом анализа явились, как общие методологические подходы, так и отдельные аспекты в связи с содержанием методических материалов. Увы, выводы оказались не утешительны, практически по всем параметрам.

Недостатки методических материалов, в значительной мере оказались присущи проекту концепции «Государственной религиозной политики Российской Федерации», что делает не возможным его использование в качестве государственного документа. К сожалению замечания, изложенные в экспертизе, не были учтены авторами концепции.

Более того, заведующая кафедрой религиоведения О.Ю. Васильева считает Экспертное заключение пасквилем, и на этом основании отказалась включить авторов в список участников конференции «Религия в современных политических процессах», которая должна состояться 20-21 февраля в РАГС. Вызывая тревогу направления «эволюции» ведущей российской кафедры в области отношений государства с религиозными объединениями, устремленные к коррупции, подмене научных дискуссий сферой межличностных отношений и подразумевающие компенсацию научной несостоятельности агрессивной цензурой.

В целом проект концепции «Государственной религиозной политики Российской Федерации» противоречит Конституции РФ, так как направлен на научное обоснование использования фактора отношений государства с рели-

гиозными объединениями для политического контроля и использования мировоззренческой сферы вообще, и предвыборной мобилизации конфессий, в частности. Применение проекта в качестве документа может быть опасным для РФ и здоровья ее граждан.

[1] См.: Бурьянов С.А., Мозговой С.А. Цели и методы религиозной политики. Нужна ли России концепция отношений государства с религиозными объединениями? // НГ-Религии. 24 октября 2001.

[2] См.: Концепция Государственной религиозной политики Российской Федерации. Проект кафедры религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте РФ, ноябрь 2003 г. Авторский коллектив: Васильева, Журавский, Кырлежев // www.religioved.narod.ru/religioved/016.htm

[3] См.: «Религия и СМИ», www.religare.ru, 5 февраля 2004.

[4] См.: Рамазанов Т.Б. «Религиозно-политический экстремизм как фактор преступности в Чечне и Дагестане» // Право и политика. №4. 2000. С. 84.

[5] Бурьянов С.А. Проблемы совершенствования нормативно-правовой базы реализации права на свободу совести в контексте глобализации // Государство и право. №10. 2002.

[6] См.: Бурьянов С.А., Мозговой С.А. Экспертное заключение в связи с выпуском методических материалов «Государственно-конфессиональные отношения» (издательство Российской академии государственной службы при Президенте РФ 2003 г.) // Портал-Credo.ru, www.portal-credo.ru, 17 ноября 2003.

<http://www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=195>

http://www.religiovedenie.ru/?show_news=1081488171.65830121305537116398737130749565&news_section=209%20242%20224%20242%20252%20232

8 апреля 2004

Портал-Credo.Ru

10 ЛЕТ НА СТРАЖЕ ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ВЕРТИКАЛИ КАКОВЫ НАУЧНЫЕ ПЛОДЫ КАФЕДРЫ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ РАГС?

Празднование 10-летнего юбилея кафедры религиоведения Российской академии государственной службы (РАГС) при президенте РФ спровоцировало ряд публикаций, в том числе критического характера [1]. Спектр рефлексии кафедры на публикацию оказался широким и неоднозначным: от оптимистической — о кафедре больше узнали, до болезненной — недруги кафедры не дремлют. В общем, благодарность за «бесплатный пиар» сменялась обвинениями по поводу «вторжения в область личного» (в статье приводятся некоторые биографические данные сотрудников кафедры) и поиском неких злокозненных заказчиков статьи.

Представляется, что, несмотря на природное любопытство именно к частной жизни, читающие налогоплательщики должны больше узнать о собственно научных плодах кафедры. Тем более что из первых уст (т.е. от сотрудников кафедры) о них (плодах) можно услышать совсем немного.

Но кое-что все-таки можно услышать. Вот как характеризует деятель-

ность кафедры ее заведующая Ольга Васильева: «Дело в том, что мы — Академия государственной службы при Президенте РФ, и работа над проблемами государственно-конфессиональных отношений — это наша постоянная задача. Мы постоянно взаимодействуем с Администрацией президента, стремясь отвечать тем потребностям в научных разработках, которые возникают в процессе практического осуществления государственной политики в области взаимоотношений с конфессиями. С другой стороны, это направление является особенно важным в нынешних условиях укрепления структуры государственной власти...».

По мнению заведующей «...многие процессы были практически неуправляемыми, но сейчас пришло время, когда мы должны серьезно заняться разработкой вероисповедной политики нового Российского государства, связанной с решением внутри- и внешнеполитических задач» [2].

Правда на страничке кафедры (интернет-сайт www.rags.ru) [3] говорится, что изначально ее создание было вызвано необходимостью разработки вовсе не вероисповедной (религиозной) политики, а «политики государства в сфере свободы совести и вероисповедания и подготовки высококвалифицированных кадров для проведения этой политики в жизнь». На первый взгляд разница не большая, но в новейшей истории России эта подмена играла и продолжает играть роковую роль.

В совсем свежем интервью, посвященном юбилею кафедры, О. Васильева говорит о приоритетах: «Моя основная задача была собрать потенциал, который был на кафедре, и вместе с коллегами развивать учебное, научное, экспериментальное направления работы» [4].

Действительно, в основе учебной работы по подготовке и переподготовке чиновников, ведающих всяческими взаимодействиями с религиозными объединениями на местах, должна лежать научно-исследовательская работа. Она же в значительной мере предопределяет уровень упомянутой подготовки.

Среди 10-летних научных изысканий кафедры религиоведения следует выделить разработку двух проектов концептуального характера.

Еще в 2001 г. по заданию Администрации президента кафедра разработала проект «Концептуальных основ государственно-церковных отношений в Российской Федерации». Несмотря на добротное осмысление и обобщение исторического опыта, данный проект оказался абсолютно неадекватен относительно проблем современности.

Главная и принципиальная ошибка, которую допустили разработчики концептуальных основ, заключается в сведении проблем обеспечения свободы совести до вероисповедной политики государства, реализуемой посредством государственно-конфессиональных отношений. Таким образом, права каждого индивида на свободу совести отданы на откуп интересам власти и конфессиональной бюрократии — структурам, имеющим свои корпоративные интересы, далеко не всегда совпадающие с интересами общества.

Соответствующий «конфессиональный след» замечен, например, в разделе, посвященном государственно-конфессиональным отношениям в сфере образования и культуры. Так, по мнению авторов концепции, современная плюралистическая система, построенная на представлениях «об относительном характере любых истин и ценностей, в конечном счете, подрывает морально-нравственные устои общества».

Но все же «изюминкой» проекта является идея введения в правовое поле термина «традиционные религиозные организации». В экспертизе Института свободы совести (ИСС) говорится, что «Концептуальные основы государственно-церковных отношений», подготовленные религиоведами РАГС призваны дать научное обоснование антиконституционной государственной политике, направленной на сакрализацию и абсолютизацию власти [5].

Так как первый проект был отвергнут заказчиком, то в феврале 2004 г. был опубликован новый проект «Концепции государственной религиозной политики Российской Федерации» (Редакционная группа: О.Ю. Васильева, заведующая кафедрой религиоведения РАГС, А.В. Журавский и А.И. Кырлежев, сотрудники кафедры), а точнее его первая и основная часть [6].

Кроме уже набивших оскомину методологических «фенечек» кафедры в виде подмены приоритета свободы совести некой религиозной политикой и навязчивой идеи социального партнерства государства только с «традиционными» религиозными организациями, проект содержит новации.

В соответствии с новыми политическими веяниями к числу приоритетов отнесено противодействие «проявлениям религиозного экстремизма». Следует отметить, что под этот термин при желании можно подвести деятельность любого религиозного объединения. Естественно авторов проекта несколько не смущает что, правового определения «религии» нет, да и понятие «экстремизм» не соответствует критериям научности.

В целом проект концепции «Государственной религиозной политики Российской Федерации» противоречит Конституции РФ, так как направлен на научное обоснование использования фактора отношений государства с религиозными объединениями для политического контроля и мировоззренческой сферы вообще, и предвыборной мобилизации конфессий, в частности.

Историческая и справочная части проекта не были опубликованы для обсуждения научным сообществом, но есть основания предполагать, что они взяты из проекта кафедры, сочиненного в 2001 г. Если это так, то фактически Администрация президента РФ повторно оплатила большую часть проекта.

Кроме разработки аналитических материалов государственного значения, показателем уровня работы кафедры являются научные публикации. Возьмем, например, относительно новый коллективный труд «Вероисповедная политика Российского государства» (Учебное пособие, М. 2003).

В книге прекрасно анализируется исторический опыт государственно-конфессиональных отношений в императорской России и в СССР, но состояние реализации свободы совести, современные антиконституционные тенденции трансформации законодательства и в области отношений государства с религиозными объединениями не нашли своего адекватного отражения.

Впрочем, это не удивительно, так как кафедра религиоведения РАГС сама играет флагоманскую роль в упомянутых процессах, лежащих в основе кризиса реализации свободы совести.

В упомянутом контексте, сотрудники кафедры сознательно игнорируют тот факт, что путем реализации вероисповедной (религиозной) политики в принципе невозможно обеспечить право на свободу совести каждого, то есть не только «верующих», но и остальных.

Вероятно, государевых религиоведов пугает вытекающий отсюда вывод, что у правового светского (т.е. мировоззренчески нейтрального) государства

вообще не должно быть вероисповедной (религиозной) политики, а значит и спецов по ее разработке и внедрению.

Что касается 1/5 части пособия «Вероисповедная политика Российского государства», посвященной международному опыту («Государственная вероисповедная политика в странах современной Европы»), то она вообще носит скандальный характер.

В своем отзыве от 14 декабря 2003 г. профессор М.Н. Кузнецов обвиняет заместителя заведующей кафедры религиоведения Веронику Кравчук в плагиате. По мнению Кузнецова, «воровство Вероникой Кравчук чужих материалов осуществлялось настолько в наглую, что она зачастую даже не удосужилась исправить ошибки, встречавшиеся в некоторых исходных материалах» [7].

Обвинения Кузнецова не голословны. В отзыве названы конкретные источники плагиата: Морено К. Педро Свобода вероисповедания во Франции // Мировой опыт государственно-церковных отношений; Даниэль Эрвьё-Леже Состояние религий во Франции // Сайт Посольства Франции в России; Боберо Жан Светский характер государства // Франция сегодня: справки и анализ; Петер Кампер Религиозная свобода в Великобритании // Мировой опыт государственно-церковных отношений; Феррари Сильвио Церковь и государство в Западной Европе: итальянская модель // Мировой опыт государственно-церковных отношений; Костикова М.Н., Кудрина Т.А. Государственно-церковные отношения в области образования в Германии: законодательно-правовые аспекты // Мировой опыт государственно-церковных отношений.

Методические материалы, издаваемые кафедрой для подготовки специалистов по связям с религиозными объединениями, также не внушают оптимизма.

В 2003 г. в издательстве РАГС вышли в свет методические материалы «Государственно-конфессиональные отношения», содержащие теоретические основы и программы соответствующих учебных дисциплин [8].

Из экспертного заключения ИСС следует, что вышеупомянутые материалы «не будут способствовать подготовке специалистов государственной службы, ориентированных на приоритет реализации права каждого на свободу совести и иные принципы, составляющие основу конституционного строя».

Неутешительный вывод обосновывается данными анализа, среди которых обращают на себя внимание: методологические подмены; деление религиозных объединений на «традиционные» и «нетрадиционные»; использование в качестве учебной литературы сомнительных источников конфессионально ориентированного содержания [9].

Защиты диссертаций лишней раз отражают идеологический полет религиоведческой мысли кафедры. Например, 3 июня 2004 г. состоялась защита кандидатской диссертации О.С. Шуговой «Структурная модель государственной политики в области отношений с религиозными объединениями» (научный руководитель М.О. Шахов).

Графически модель представляет собой нечто вроде пирамиды во главе с ценностно-целевым компонентом (цели и ценности, базирующиеся на преобладающих в обществе представлениях о месте и роли религии и характере государственно-конфессиональных отношений), непосредственно взаимодействующим с инструментальным (соответствующие органы власти и

управления) и праксеологическим (практическая деятельность органов власти и управления).

Диссертант отмечает, что «важность религиозного фактора всегда побуждала государство держать его в поле зрения». Наверное, для Шутовой со времен средневековья мало что изменилось, и поэтому она нормативный компонент (законодательство, регламентирующее правила поведения субъектов в сфере свободы совести и вероисповедания) надежно похоронила внутри властной пирамиды.

Понятно, что при практической реализации данной модели властные группы имеют неограниченные возможности внеправового контроля и подавления мировоззренческой сферы, манипулирования конфессиями в целях удержания власти.

Еще одна успешно защищенная в июне 2004 г. диссертация называется «Динамика ценностных ориентаций в современном российском обществе: проблема соотношения светского и религиозного» (научный руководитель А.В. Журавский).

По мнению диссертанта Е.Ю. Кривошеиной, актуальность выбранной темы связана с тем, что якобы ст. 14 Конституции РФ, декларирующая светскость государства, создает проблему бесконфликтного сосуществования светского и религиозного в системе ценностей российских граждан.

Соответственно, научно-практическая значимость исследования позиционируется диссертантом как новый авторский подход, предполагающий исследование проблем и противоречий взаимодействия светского и религиозного аспектов ценностей. Более того, в автореферате диссертации говорится, что предложенные автором идеи могут пригодиться в будущей концепции государственно-конфессиональных отношений.

Е.Ю. Кривошеина констатирует «противоречия между некоторыми традиционными ценностями (такими, как правда, совесть, коллективизм, соборность, традиционализм), которые прочно закрепились в российской культурно-религиозной традиции, и отдельными либеральными ценностями (законность, личная ответственность, индивидуализм, конкурентоспособность), воспринятыми светской идеологией современной России».

Соответственно, решение упомянутых противоречий соискателем видится в «конструктивном диалоге между религиозными объединениями и светской властью», а также «в учете реальных потребностей общества».

Обращает на себя внимание научная некорректность определений, составляющих методологическую основу диссертационного исследования. Так, «светское» Е.Ю. Кривошеина ошибочно отождествляет с «секулярным», и определяет как «понятие, с помощью которого явления общественной, политической и культурной жизни характеризуются как нерелигиозные, то есть такие, в которых религиозный фактор не является определяющим». Попросту говоря «светское» (оно же «секулярное») есть «нерелигиозное».

А что же тогда есть «религиозное»? Это ключевое понятие определяется в диссертации путем явной тавтологии: «Религиозное, в широком смысле, — это понятие, которое охватывает как собственно религиозные явления (исповедание религиозной веры, совершение религиозных ритуалов, распространение религиозных учений и представлений, религиозное воспитание и т.д.), так и явления, для которых религиозный фактор является определяющим (религиоз-

ная культура, религиозная философия, религиозное искусство, религиозное право, религиозная мораль, религиозный быт, религиозные символы), или вспомогательным (связь религиозного и этнического, религии и культуры)».

Показательно, что оба некорректных ключевых определения целиком воспроизведены из вышеупомянутой «Концепции государственной религиозной политики Российской Федерации».

Религиоведы РАГС упорно не желают признавать, что с конституционно-правовой точки зрения максимально корректным представляется определение светского как мировоззренчески нейтрального, безоценочного, то есть не отдающего предпочтения вообще никакому религиозному мировоззрению. Естественно, такой подход исключает конфликт сосуществования светского и религиозного. А значит, уже сама постановка проблемы исследования неадекватна и его научная значимость ничтожна.

Любопытна еще одна деталь. На критику основополагающих положений диссертации отвечала не Е.Ю. Кривошеина, а председательствовавшая на диссертационном совете О.Ю. Васильева.

Впрочем, фундаментальные методологические ошибки и некоторые нарушения процесса обсуждения диссертации, не стали препятствием при утверждении диссертации в ВАКе и присуждении Е.Ю. Кривошеиной ученой степени кандидата философских наук.

Практика защит, при которой нормы международного права и основополагающие конституционные принципы не находят адекватного отражения на страницах диссертаций является системой. Правовой нигилизм — визитная карточка кафедры религиоведения РАГС, на которой эти диссертационные работы выполняются.

Впрочем, не все так плохо на учебном фронте. Значительные успехи связаны с открытием в ноябре 2002 г. бесплатных курсов повышения квалификации руководящего состава РПЦ МП и некоторых других полезных власти конфессий.

Наверное, не случайно в поздравительной речи 21 октября 2004 г. президент-ректор РАГС Владимир Егоров приравнял современных священнослужителей политикам. Вот что значит рагсовская подготовка!

Но все же высшими достижениями кафедры являются научные форумы, организованные при ее непосредственном участии. За десятилетие таковых было немало, поэтому остановимся лишь на недавних и самых значительных.

Это международные конференции «10 лет на пути свободы совести» (РАГС, ноябрь 2001 г.), «Религия и проблемы национальной безопасности России» (РАГС, декабрь 2002 г.), «Религия, политика и права человека» (РАГС, март 2002 г.), «Религия и национальные отношения в России: история, современность, перспективы развития» (РАГС, 28 февраля — 1 марта 2003 г.), «Социальное служение религиозных организаций в пенитенциарной системе» (РАГС, июнь 2003 г.), «Религия в современных политических процессах» (РАГС, февраль 2004 г.).

Особенностью указанных мероприятий является стремление свести тему свободы совести исключительно к правоприменительным вопросам по отношению к деятельности религиозных организаций. Соответственно, в основе указанных мероприятий лежит тезис, определяющий в качестве причины нарушений свободы совести в России некомпетентность региональных чи-

новников. Поэтому вся борьба с нарушениями ограничивается их просвещением, и вообще уровнем правоприменения — судебной защитой.

Конференции благополучно избегали обсуждения острых концептуальных проблем, связанных с принципиальной оценкой состояния реализации свободы совести, антиконституционными тенденциями в трансформации законодательства и в области отношений государства с религиозными объединениями в России.

Голос оппонентов идеологической линии кафедры систематически подавлялся агрессивной цензурой на выступления, публикаций в сборниках, а в последнее время даже на стадии формирования состава участников мероприятий. Так 20-21 февраля 2004 г. представителей Института свободы совести просто не пустили на конференцию «Религия в современных политических процессах».

Как следует из Открытого письма [10], ИСС обратился к заведующей кафедрой религиоведения РАГС О.Ю. Васильевой с просьбой включить своих представителей в список участников конференции, но получил отказ. Как выяснилось, поводом послужило вышеупомянутое Экспертное заключение ИСС на методические материалы кафедры.

В частности в Открытом письме ИСС отмечалось, что «вместо открытой научной дискуссии наблюдается перевод полемики в русло межличностных отношений. Участие представителей российских научно-исследовательских НПО и возможности выражения своей позиции в стенах РАГС и раньше были ограничены, но в настоящее время речь идет о невозможности даже присутствовать на конференции».

В целом, об адекватной постановке проблем, их системного рассмотрения и определении методологических подходов для реализации свободы совести каждого на рагсовских конференциях говорить вообще не приходится. В лучшем случае, на них в качестве альтернативы российским средневековым традициям сакрализации власти обсуждаются тупиковые западные модели государственно-конфессиональных отношений, подразумевающие более «цивилизованное» использование религии для политических нужд.

Но все же конференции с участием богатых иностранных спонсоров следуют выделить особо. Не секрет, что в теме доминируют структуры при профессиональных учебных заведениях или финансируемые «солидными» конфессиями. Они хоть и позиционируют себя как научно-исследовательские, правозащитные, на самом деле больше озабочены решением сугубо корпоративных интересов в русле «дружбы с чиновниками».

Например, такими соорганизаторами конференции «Религия, политика и права человека», наряду с российскими структурами, выступили Центр по изучению религии и права при Университете им. Бригама Янга (Прово, штат Юта, США) и Международная академия религиозной свободы (Вашингтон, США). Они же соорганизовывали конференцию «Религия и национальные отношения в России: история, современность, перспективы развития».

А на закрытой для российских НПО конференции «Религия в современных политических процессах», в «шапке» организаторов, кроме упомянутых структур, значился Институт церковно-государственных исследований им. Дж. М. Доусона Бейлорского университета (Вако, штат Техас, США).

Кстати, в ежегодном докладе Государственного департамента США о

свободе вероисповедания в России за 2003 год (опубликованном Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда 18 декабря 2003 года) говорится, что РАГС проводила многочисленные конференции по свободе совести. Особо отмечено, что «состав российских и международных участников этих конференций отличался представительностью и разнообразием взглядов» [11].

Да и со свободой совести, если верить докладу, в России все в порядке, за исключением мелких нарушений. Не иначе как гости-соорганизаторы знакомством с российскими чиновниками остались довольны, и доложили на американский «верх», что в России со свободой совести все о'кей.

Можно предположить, что с успешной «конференционной» деятельностью связан и карьерный рост некоторых сотрудников кафедры, «набивших руку» на проведении конференций, но весьма посредственно проявивших себя на научном поприще.

Но пора подвести некоторые итоги. Все более очевидно, что Кафедра религиоведения РАГС сохранила преемственность с Институтом научного атеизма при Академии общественных наук при ЦК КПСС, на базе которого она и была создана в 1994 г. Николаем Трофимчуком.

Даже решаемые задачи, по сути, не изменились — научно обосновывать и утверждать приоритет государственной идеологии, в качестве стержня беспредельной власти.

За десять лет плоды казенного религиоведения, в виде теоретических подходов и живых воспитанников, заполонили «коридоры власти» всех уровней, что в значительной мере предопределило кризис реализации свободы совести и демократии в России.

С приходом в 2002 г. когорты «религиоведов» от МП РПЦ во главе с Ольгой Васильевой, на кафедре начался новый период — она уверенно «мутирует» в сторону откровенной клерикальной идеологизации.

Однако было бы несправедливо не сказать и о реальных научных достижениях кафедры. Они есть, но связаны с религиоведческими исследованиями некоторых старых сотрудников. Правда наукой им приходится заниматься в свободное от идеологических заказов время.

Сегодня времени на науку остается все меньше — идеология затягивает. Милейшие люди работают на кафедре религиоведения РАГС при президенте. Вот если бы не этот проклятый государственно-конфессиональный вопрос...

1. См., например: Солдатов А. В катакомбы здесь не водят. Учителя веры для чиновников сидят отнюдь не в духовных семинариях. Кто и как преподает религию госслужащим? // Московские новости. 15 октября 2004.

2. «Мы — Академия государственной службы, и работа над проблемами государственно-конфессиональных отношений — это наша задача» // Религия и СМИ, www.religare.ru, 8 апреля 2003

3. См.: www.rags.ru

4. Мисюров Д. Образование против терроризма // Новая политика. 19 октября 2004.

5. Бурьянов С.А., Мозговой С.А. Цели и методы религиозной политики. Нужна ли России концепция отношений государства с религиозными объединениями? // Независимая газета, приложение НГ-Религии. 24 октября

2001. // http://religion.ng.ru/caesar/2001-10-24/6_methods.html

6. См.: «Религия и СМИ», www.religare.ru, 5 февраля 2004.

7. Материал был размещен на интернет-сайте www.state-religion.ru.

8. Государственно-конфессиональные отношения. Методические материалы. Для использования в учебном процессе. — М.: РАГС, 2003.- 179 с.

9. См.: Бурьянов С.А., Мозговой С.А. Экспертное заключение в связи с выпуском методических материалов «Государственно-конфессиональные отношения» (издательство Российской академии государственной службы при Президенте РФ 2003 г.) // *Право и жизнь*. №63 (11). 2004.

10. Открытое письмо Института свободы совести организаторам закрытой для российских НПО конференции в Российской академии государственной службы при Президенте РФ // *Здравый смысл*. №2 (31). 2004.

11. Ежегодный доклад Государственного департамента США о свободе вероисповедания в России за 2003 год // *Религиоведение*. 30 сентября 2004. http://www.religiovedenie.ru/?show_news=1096555376.66762083845142670340548587679035&news_section=209%20242%20224%20242%20252%20232.

29 октября 2004

Портал-Credo.Ru

ПРОТИВ «ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ВЕРТИКАЛИ»

В соавторстве с С. А. Мозговым

В N 43 «МН» в качестве ответа на статью Александра Солдатова «В катакомбы здесь не водят» («МН» N 39) был опубликован материал Коула Дурэма «За усиление терпимости». Господин Дурэм называет пристрастным измышлением утверждения, что его центр поддерживает тесные контакты с российскими чиновниками, ведающими религиозной сферой, а также то, что «возможность таких контактов, предоставляемых кафедрой, щедро вознаграждается мормонами». Кроме того, он уверяет читателя в «порядочности», «высокопрофессиональности» и «объективности» как кафедры религиоведения РАГС, так и сотрудничества МЦИПР с ней. Однако объективный анализ деятельности упомянутых структур дает серьезные основания усомниться в этих тезисах.

Дело в том, что ежегодно чиновники, ответственные за связи с религиозными организациями, повышают в РАГСе свою квалификацию. При организации МЦИПР и при участии упомянутых чиновников проводились ежегодные конференции. Непрозрачность финансовой стороны участия МЦИПР и других конфессионально ориентированных структур в этих мероприятиях, беспринципный характер обсуждения актуальных проблем не позволяют говорить об «объективности» их организаторов.

Фактически кафедра религиоведения РАГС занимается наукообразным обоснованием и утверждением приоритета государственной идеологии в качестве стержня беспредельной власти, что в значительной мере предопределило кризис реализации свободы совести и демократии в России.

Голос оппонентов кафедры систематически подавлялся агрессивной цензурой на выступления и публикации. К примеру, представителей Института

свободы совести не пустили на конференцию «Религия в современных политических процессах».

Вышеизложенного достаточно для сомнений по поводу целей и результатов работы МЦИПР и партнеров в России. Усиление религиозного неравенства говорит само за себя. Может ли быть иначе, если одни конфессии пытаются выжить и усилить свое влияние за счет удушения свободы других, на фоне замалчивания системообразующих проблем и препятствий научному обмену?

Показательно, что МЦИПР и партнеры не только закрывают глаза на флагманскую деятельность кафедры религиоведения РАГС по продвижению «вероисповедной вертикали», но и фактически ее покрывают. Свободы совести и ее важнейшего элемента — религиозной свободы потому и нет, что последняя вырождается в удел только влиятельных корпораций.

В то же время природа свободы такова, что она или для каждого, или ее нет. Но похоже, что руководство влиятельных религиозных корпораций этого не понимает.

3—9 декабря 2004
Московские новости

РОССИЙСКИЕ СЕКТОБОРЦЫ ПРИМЕРЯЮТ ПЕРЧАТКИ СИЛОВЫХ СТРУКТУР. ПРИВЕДЕТ ЛИ СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО РПЦ МП С МВД К МАССОВЫМ РЕЛИГИОЗНЫМ ПРЕСЛЕДОВАНИЯМ?

18 ноября 2004 было пролонгировано соглашение о сотрудничестве между Русской Православной Церковью Московского Патриархата (РПЦ МП) и Министерством внутренних дел (МВД). В этой связи патриарх РПЦ МП Алексей II (Ридигер) сказал следующее: «Нами были высказаны слова взаимной поддержки, выражено общее убеждение в необходимости совместно решать вопросы, стоящие перед обществом, вместе противостоять угрозе терроризма и попыткам разделить народ. Нашествие деструктивных сект и преступные действия террористов направлены на то, чтобы разделить нас и по вероисповедному, и по национальному принципу, и по политическим взглядам».

Изначально документ был подписан 30 августа 1996 г. С тех пор партнерство растет и крепнет. Высший командный состав поголовно обратился к православным ценностям, духовно окормляются и освящаются чудотворными иконами простые сотрудники милиции, а в ведомственных вузах открываются кафедры «духовной культуры». Также во исполнение соглашения около здания МВД построен храм РПЦ, который призван «послужить делу воспитания личного состава органов внутренних дел и внутренних войск».

Впрочем, воспитание это лишь одно из перспективных направлений социального партнерства Московской патриархии с органами внутренних дел. Кроме признания православия в качестве духовной основы уникального Российского многонационального государства в документе говорится о настоятельной необходимости «в защите граждан от духовной агрессии». Таким образом, поддержка возвращения российских граждан «к исконным духовным ценностям» предполагает милицейскую защиту от «неисконных» рели-

гиозных организаций. Таковыми, следуя абстрактной логике документа, оказываются все «неправославные».

Проект доклада «О совершенствовании деятельности государственных и общественных институтов по противодействию проявлениям религиозного экстремизма в Российской Федерации», подготовленный 30 октября 2002 г. рабочей группой президиума Государственного совета РФ по вопросам противодействия проявлениям религиозного экстремизма в РФ конкретизирует методологию отделения «овнов» от «козлищ»[1].

Оценивая угрозы национальной безопасности, связанные с проявлениями «религиозного экстремизма», авторы проекта доклада в качестве причин нарастания экстремизма на религиозной основе наряду с «существующими противоречиями во взаимоотношениях как между конфессиями, так и внутри их», называют рост «религиозной экспансии со стороны других государств», которая «привела к значительному росту новых религиозных движений».

По их мнению, «интенсивный рост религиозных новообразований нарушает сложившийся в стране этноконфессиональный баланс, вызывает возрастание межконфессионального соперничества и недовольства основной части населения». Особую озабоченность авторского коллектива вызывает «деятельность в нашей стране разного рода филиалов зарубежных религиозных, благотворительных и прочих организаций, формально не противоречащая положениям действующего российского законодательства(!), а на деле нередко способствующая проявлениям напряженности на религиозной почве».

Среди мер, в настоящее время предпринимаемых органами государственной власти по противодействию «религиозному экстремизму», в проекте Доклада говорится о работе «по выявлению и пресечению деятельности на территории Российской Федерации различного рода тоталитарных сект и организаций деструктивного характера».

В рамках активизации работы правоохранительных органов предлагается «усилить контроль со стороны государственных органов, в том числе юстиции и прокуратуры, за соответствием деятельности религиозных организаций их уставам и действующему законодательству Российской Федерации», для чего создать в структурах МВД России, Минюста России, ФСБ России, Генпрокуратуры России соответствующие структурные подразделения, нацеленные на противодействие «религиозному экстремизму».

От вышеупомянутого доклада власть откристилась, но идеология религиозных «зачисток» продолжает жить своей жизнью. О необходимости взаимодействия правоохранительных органов с религиозными объединениями говорил секретарь Совета безопасности России В. Рушайло на встрече в Кремле с заместником Свято-Троицкой лавры епископом Сергиево-Посадским Феогностом (Гузиковым). Рушайло прямо указал на необходимость «совместных усилий государства и религиозных объединений в деле сохранения национального достояния России и нейтрализации угроз безопасности российскому обществу в духовной сфере».

Как сообщает «Интерфакс», выступая 18 марта 2003 г. на пресс-конференции, секретарь Совета безопасности РФ В. Рушайло заявил: «В случаях, предусмотренных федеральным законодательством, государство должно решительно вмешиваться в пресечение деятельности национал-фашистских и других подобного рода партий и общественных движений, тоталитарных сект, которые

с одной стороны, представляют интересы определенной ячейки общества, с другой стороны, — наносят всему обществу катастрофический вред».

Еще 4 февраля 2003 г. на брифинге в МВД РФ, посвященном проблеме пресечения деятельности «молодежных, религиозных и иных движений, склонных к совершению правонарушений террористической и экстремистской направленности», говорилось о некоем списке религиозных движений[2]. «У нас есть список религиозных движений, склонных к экстремизму, но мы его не разглашаем», — заявило руководство МВД.

В то же время, как следует из документов, попавших в распоряжение «Независимой газеты» (отчет о деятельности территориальных органов Минюста Уральского федерального округа и доклад советника Главного контрольного управления администрации президента РФ), «религиозные экстремисты», представители бандформирований и прочие, пользуясь брешью в этнорелигиозном законодательстве, а также халатностью Минюста, регистрирующего сомнительные структуры, сегодня успешно маскируются и мусульманами, и католиками, и православными[3].

Согласно сообщению РИА «Новости», заместитель начальника отдела Главного управления уголовного розыска (ГУУР) МВД России Александр Гричанин заявил, что в структуре МВД создан специальный отдел, который будет расследовать деятельность сатанистских сект. Однако в пресс-службе МВД это сообщение назвали «неточным». По их словам, в ГУУР есть отдел по борьбе с экстремизмом и не более. А в пресс-службе ГУУР сказали, что борьбой с сатанистами занимается ФСБ.

Трудности «сектоборцев» не случайны, — они обусловлены Конституцией России. А именно — принципами свободы совести, светскости государства, равенства религиозных объединений и граждан вне зависимости от отношения к религии, идеологического многообразия и др.

Дело в том, что столь необходимые для плодотворного сотрудничества РПЦ МП и МВД понятия «духовная экспансия», «религиозный экстремизм», «каноническая территория», «тоталитарная секта», «деструктивная секта», «сектантство» и пр. грубо противоречат вышеупомянутым конституционным принципам.

Решением терминологических проблем и поиском соответствующего «научного» обоснования занимаются ученые мужи с кафедры религиоведения Российской академии государственной службы (РАГС) при президенте РФ и ряда «силовых» вузов.

Если на кафедру религиоведения «по благословению» десантировали команду нужных специалистов, то с ведомственными вузами приходится подписывать соглашения. Например, 8 декабря 2004 г. Рязанский филиал Московского университета МВД и Рязанская епархия подписали соглашение о сотрудничестве (документ подписали начальник филиала полковник милиции Валерий Чернышев и архиепископ Рязанский и Касимовский Павел (Пономарев)).

Направления соработничества никто и не собирался скрывать. Архиепископ отметил, что правоохранительные органы призваны «быть на страже духовного мира каждого члена общества». В качестве угрозы он указал на «все новые и новые деструктивные секты, которые пытаются разрушить души людей». «Кто эти сектанты, и какую угрозу они представляют, вы должны знать. Надо знать с кем придется бороться и от чего защищать наш

народ», — сказал владыка.

Важным способом пополнения знаний и устранения «научных» пробелов является проведение конференций с участием, а то и на базе, вузов и структур системы МВД. Названия форумов говорят сами за себя: «Социально-опасные религиозные объединения и организационно-правовые, морально-психологические меры контроля за их деятельностью в Нижнем Новгороде», «Тоталитарные секты — угроза XXI века», «Тоталитарные секты — угроза религиозного экстремизма», «Тоталитарные секты и демократическое государство» и т.п.

Если в вышеупомянутом проекте доклада рабочей группы Госсовета в качестве угроз национальной безопасности России названа «религиозная экспансия» со стороны Римско-католической церкви, «новых протестантских организаций», «иностранных псевдорелигиозных общин», «некоторых исламских религиозных объединений», то в приложении к итоговому документу конференции «Тоталитарные секты — угроза религиозного экстремизма» просто приведен список «наиболее известных деструктивных тоталитарных сект и групп, обладающих значительным числом признаков таковых, действующих в Российской Федерации», числом более 300.

Сам же итоговый документ упомянутой конференции констатирует, что «бесконтрольная деятельность тоталитарных сект (деструктивных культов) имеет характер неприкрытой экспансии, наносящей непоправимый вред здоровью людей, попирающая фундаментальные права человека, создает угрозу семье, обществу и государству» и единогласно «обращается к государственным властям России и других стран Восточной Европы с предложением о принятии жестких мер (в том числе законодательных) по ограничению деструктивной деятельности сект». 16 декабря 2002 г. Институт свободы совести распространил заявление, в котором говорится о недопустимости мероприятий, подобных конференции «Тоталитарные секты — угроза религиозного экстремизма»[4].

В указанном контексте одним из важнейших «научных» направлений является поиск ответа на вопрос кого считать «сектами». После успешной защиты диссертации А.В. Тонконогова «Сектантство как социальный феномен» практически любая религиозная организация и просто социальная группа, может быть признана «сектой» и попасть в поле зрения органов. Тонконогов практически безгранично расширил основания классификации «сект». Наряду с религиозными и псевдорелигиозными ученым-«силовик» ввел понятие светских «сект» (научных, псевдонаучных, коммерческих и т.д.)!

Но все же об истинных масштабах и перспективах «зачистки» российско-го религиозного пространства говорит продвижение в научных кругах и на самом высоком государственном уровне борьбы за «духовную безопасность».

15 мая 2003 г. в Москве состоялась конференция «Роль и место общественных объединений в системе обеспечения национальной безопасности России», на которой обсуждалось участие «традиционных религиозных организаций» в обеспечении «духовной безопасности» страны. В работе форума приняли участие представители различных ветвей государственной власти, «силовых» ведомств, религиозных организаций.

В частности, председатель Миссионерского отдела РПЦ МП архиепископ

Белгородский и Старооскольский Иоанн (Попов) предложил создать при Совете безопасности России экспертный совет, в который войдут специалисты, способные оценить характер различных духовных движений, спрогнозировать их динамику и предотвратить таким образом «возможную угрозу для общественной безопасности».

Пожелания архиепископа частично реализованы 4 февраля 2005 г. При Экспертном совете по национальной, миграционной политике и взаимодействию с религиозными объединениями при Полномочном представителе Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе утверждено Положение о Комиссии по духовной безопасности.

В соответствии с положением Комиссия «образуется в целях осуществления, координации и улучшения информационно-аналитической и научно-исследовательской деятельности в сфере духовной безопасности, а также объединения усилий в этом направлении органов государственной власти и местного самоуправления, средств массовой информации, научных учреждений, неправительственных организаций, общественных и религиозных объединений в субъектах Российской Федерации, входящих в Центральный федеральный округ».

25 января 2005 г. Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата и Академия проблем безопасности, обороны и правопорядка РФ накануне подписали соглашение о сотрудничестве в разработке новой концепции безопасности страны, (сообщает NEWSru.com со ссылкой на «Интерфакс»). Соглашение о сотрудничестве подписали митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев) и президент Академии Виктор Шевченко. Основное внимание в будущей концепции планируется уделить вопросам духовного развития человека и гражданина, сохранению нравственных устоев общества, укреплению традиций патриотизма, духовного обновления России, а так же противодействию терроризму.

Особую роль в осуществлении партнерства РПЦ МП с государственными «силовиками» играет специальный отдел церкви по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными органами, возглавляемый протоиереем Дмитрием Смирновым. О приоритетах «взаимодействия» можно судить по выступлению протоиерея на конференции «Тоталитарные секты — угроза XXI века»: «двум человекам в любом городе вполне под силу узнать фамилии, имена, отчества, домашние адреса руководителей всех существующих сект. Ну можно создать плакаты и на ксероксе их размножить... и клеить все государственные учреждения этими плакатами. И можно их сфотографировать при выходе из дома. Чтобы каждый житель города знал в лицо, знал фамилию, имя, отчество, домашний адрес и телефон... И я думаю, что для многих будет достаточно, чтобы отсюда уехать. По крайней мере, не один кирпич полетит в эту форточку»[5].

Эти высказывания являются ничем иным как призывами к погромам на почве религиозной нетерпимости. Значит не случайно разгромленный неизвестными вандалами Центр Русской Духовности Православной Церкви Божией Матери Державной находится не далеко от храма (на «канонической территории») протоиерея Смирнова. Наглость налетчиков и бездействие милиции дают лишние основания навязчивой мысли, что у отца Дмитрия в милиции «все схвачено».

Нет никаких сомнений, что за благовидным социальным партнерством

РПЦ МП с МВД и другими «силовыми» структурами государства скрываются «специальные» (помимо действующего законодательства) контроль и ограничения по отношению к «неосновным» религиозным объединениям.

В целом же, при одобрении и участии федеральной власти параллельно с формированием системы «специальных» государственных льгот и привилегий (в том числе прямое государственное финансирование в целом ряде областей) для «традиционных религиозных организаций» готовится некая база для массовых репрессий в отношении «нетрадиционных». Иными словами, наряду с превращением «традиционных» конфессий в административный ресурс власти, позволяющий манипулировать электоральным сознанием, предполагается устранение любой альтернативы очередной государственной идеологии, на сей раз бесстыдно прячущейся в религиозные одежды.

Несмотря на то что сотрудничество «силовиков» и РПЦ МП на ниве «духовной безопасности» ведется давно, возникает впечатление, что, российская власть, нуждаясь в политической поддержке, готова пойти на очередные значительные уступки для давнего идеологического партнера. В данном контексте набор веса «силовым» блоком религиозной политики представляется не случайным.

Новейшие тенденции в сфере «взаимодействия» РПЦ МП и «силовых» ведомств представляются крайне опасными для российской государственности, так как способствуют созданию и воспроизводству атмосферы ксенофобии, нетерпимости, разобщения по мировоззренческому признаку.

Перечисленные тенденции также препятствуют установлению толерантности, демократизации воинских коллективов и правоохранительных органов, осуществлению военной реформы, и, как следствие, строительству правового государства и формированию гражданского общества в России.

В конечном итоге «социальное партнерство» РПЦ МП с «силовыми» ведомствами неизбежно приведет к массовым религиозным преследованиям, как на уровне коллективов «силовых» структур, так и на государственном уровне.

[1] Впервые широкой общественности о содержании проекта Доклада стало известно 5 декабря 2002 г. из публикации в издании «Газета», затем полный текст был обнародован на Портал-Credo.ru.

[2] По сообщению агентства «Благовест-инфо».

[3] Офитова С. Министерство духовной безопасности // Независимая газета, 25 марта 2003 г.

[4] Авторы документа говорят, что вместо борьбы с подлинными террористами госчиновники ведут «бой с тенью», борются с мифами, которые сочиняются ради устранения конкурентов пользующейся властной поддержкой и находящейся «наиболее близко к государственными ресурсам» конфессии.

[5] Смирнов Д. Пастырский опыт противостояния сектантству // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Тоталитарные секты — угроза XXI века». 23—25 апреля 2001 г. Нижний Новгород. 2001. С.133.

21 марта 2005

Новости в сфере религии www.rsnews.net

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА И СМИ

За годы преобразований в России, иногда называемых «демократическим транзитом», отношения государства с религиозными объединениями заняли видное место в политической повестке дня.

Повестка хорошо известна и связана с задачей строительства и обустройства «вертикали власти» вообще, и ее вероисповедного сегмента в частности.

Мировоззрение граждан всегда было препятствием на пути тотального укрепления государственности, поэтому самым естественным образом находилось под отеческой опекой власть предержащих.

Времена меняются, но природа власти, похоже, нет. Сегодня права и свободы человека, которые по Конституции России являются высшей ценностью, выступает неким недоразумением, которое нужно преодолеть, чтобы власть удержать.

В указанном контексте конституционные принципы в области свободы совести являются предметом особой «заботы» государственно-мыслящих людей. Поэтому государственная политика в сфере свободы совести, по идее призванная сделать реальностью декларируемые права и свободы, подменяется религиозной политикой.

Обычно оправданием подмены служит необходимость возрождения в народе духовности, нравственности, исторических традиций. При этом игнорируется безнравственность власти, в значительной мере обусловленная нарушением приоритета правовых принципов.

Именно правовые принципы, а не исторические и иные должны быть определяющими в правовом демократическом государстве. Современное состояние правовой системы уже является продуктом исторического развития, и любые попытки его корректировки в соответствии с «традициями», являются попыткой повернуть историю вспять.

Следует отметить, что даже теоретически религиозная политика не может обеспечить свободу совести каждому (т.е. не только «верующим», но и остальным). Но практика превосходит все ожидания, — упомянутая политика проводится для использования авторитета религиозных организаций в политических целях, что объясняет и не правовой контроль мировоззренческой сферы, и клерикальную идеологизацию государственных органов.

Дело пришло к тому, что РПЦ МП фактически выполняет роль, аналогичную роли идеологического отдела ЦК КПСС, но при этом многие конфессии не прочь занять ее место. Есть основания говорить о завершении формирования клерикальной идеологии — не терпящей никакой конкуренции и враждебной правам человека и демократии.

Осуществляется религиозная политика посредством самодовлеющих по отношению к правам человека отношений государства с религиозными объединениями, пораженных коррупцией. Поэтому основные характеристики религиозной политики совпадают с характеристиками системной коррупции в отношениях государства с религиозными объединениями... Она латентна (не очевидна), мимикрирует (маскируется благовидными предложениями), тяготеет к наукообразному обоснованию и законодательному закреплению.

В тоже время, в современных реалиях, отношения государства и религиозных объединений должны рассматриваться как производные от конститу-

ционных принципов, декларирующих в качестве правовой основы: свободу совести каждому (ст.28), светскость государства и равенство религиозных объединений перед законом (ст.14), равенство прав и свобод гражданина независимо от отношения к религии, убеждений (ст. 19) и ряда других принципов, работающих только во взаимной связи.

Именно поэтому, в Российской Конституции и в нормах международного права, являющихся приоритетными для правовой системы России, ничего не говорится о «специальных» религиозной политике и государственно-конфессиональных отношениях. Даже несмотря на то, что они существовали исторически в качестве самодовлеющих феноменов, сегодня исчерпали себя, как минимум, с правовой точки зрения.

И все же цели современной религиозной политики претерпели некоторые изменения и связаны с использованием авторитета религии в избирательных технологиях. Отсюда задачи религиозной политики: вовлечение в сферу религиозного санкционирования индивидуального, общественного, массового сознания, формирование клерикальной идеологии, ограничение политической конкуренции, вплоть до формирования безальтернативной политической системы.

Сложность задач отразилась на арсенале методов.

Так необходимость манипулирования религиозными организациями опирается на старинный принцип «кнута и пряника». «Пряник» привилегий предназначен РПЦ МП и отчасти так называемым «традиционным религиозным организациям». Они носят массовый системный характер — льготы, квоты, предоставление недвижимости, если не прямое финансирование из госбюджета, «услуги» силовых структур для ограничений духовных конкурентов. В последнее время, начиная с конца 2002 г. в области государственной системы образования предпринимаются попытки массового введения Основ православной культуры (ОПК), которые в ряде регионов уже введены.

Соответственно «кнут» неправовых ограничений достается остальным религиозным организациям. Не смотря на законопослушность и наличие официальной регистрации, власть называет их «нетрадиционными», если не «сектами».

Например, 9-11 ноября 2004 г. в Новосибирске при одобрении Полномочного Представителя Президента РФ в СФО А.В. Квашнина, губернатора НСО В.А. Толоконского, мэра г. Новосибирска В.Ф. Городецкого и при участии, представителей управлений здравоохранения, образования, УВД, ФСБ прошла международная конференция «Тоталитарные секты и демократическое государство».

В принятом единогласно обращении участников конференции к органам государственной власти в регионах Российской Федерации и Содружества независимых государств доверительно сообщается, что «факты предоставления помещений и земельных участков в арендное и иное пользование для нужд тоталитарных деструктивных сект способствуют распространению и активизации деструктивной деятельности этих организаций, зачастую нарушающих принцип свободы личности, разрушающих семьи и национальную культуру, подрывающих основы национальной безопасности и государственной целостности».

В указанном контексте участники конференции выступают со следующей

рекомендацией: «в процессе предоставления земельных участков и архитектурных строений в арендное и иное пользование для нужд организаций, зарекомендовавших себя в качестве тоталитарных деструктивных сект, представители государственной власти должны основываться на принципе пропорциональности, принимая во внимание плотность проживания людей, принадлежащих к религиозной организации-просительнице, в сравнении с численностью населения, исповедующего традиционные для данного региона религии».

Участники конференции так же считают крайне полезным опыт Новосибирской области, «где для наиболее оптимального решения данной проблемы были созданы комитеты по обсуждению правомочности предоставления земельных участков и архитектурных зданий религиозным организациям, в которые вошли представители традиционных для России религий».

В результате — необоснованные отказы в перерегистрации, незаконные требования перерегистрации, притеснения иностранных миссионеров начиная от визовых ограничений и заканчивая их высылкой, ограничения в вопросах аренды помещений, земли и т.п.

Самой же «нетрадиционной» для власти религиозной организацией оказалась московская община Свидетелей Иеговы, которая была запрещена в марте 2004 г.

Для соблюдения видимости демократичности проводимая «де-факто» антиконституционная и не законная политика «кнута и пряника» имеет тенденции к законодательному закреплению. Для этого в Госдуму постоянно вносятся соответствующие законопроекты («О традиционных религиозных организациях», «О социальном партнерстве государства с религиозными объединениями» и т.п.).

В свою очередь законотворческий процесс, как и сама религиозная политика, нуждается в научно обосновании. Именно в указанном контексте следует рассматривать деятельность кафедры религиоведения РАГС при Президенте РФ, «силовых» вузов и ряда конфессионально ориентированных структур. Это проекты концепций государственно-конфессиональных отношений и религиозной политики, методические материалы, монографии и диссертации, содержащие некое обоснование терминов «традиционная религиозная организация», «религиозный экстремизм», «духовная безопасность». Общим местом «научных» трудов является обоснование приоритета религиозной политики относительно принципов, составляющих основу конституционного строя.

Но все же самым технологичным методом является пиар-сопровождение религиозной политики. В рамках соответствующей государственной информационной политики замалчивается свобода совести, но продвигается идея конфессионального превосходства в лице «традиционных» религий, и нетерпимости к «нетрадиционным» для дискриминации которых формируются и воспроизводятся негативные социальные ярлыки «секта», «тоталитарная секта».

В центральных газетах и особенно на ТВ крайне редки (или отсутствуют вовсе) корректные материалы о свободе совести, зато «антисектантская» история — обычное дело.

Самый массивный слив соответствующей информации происходит накануне и во время выборов. Так, в 2003—2004 гг. на федеральных каналах

прошло огромное количество телепрограмм, так или иначе эксплуатирующих ярлык «секта». Спектр программ весьма широк — от посвященных криминалу до ток-шоу. Визитной карточкой «антисектантской канализации» является агрессивная некомпетентность постановки проблемы и подачи материала.

Так как в регионах вещание федеральных каналов воспринимается как мнение власти и руководство к действию, то жертвами становятся представители религиозных меньшинств.

Гонения не ограничиваются увольнением с работы и лишением возможности арендовать помещение для проведения молитвенных собраний. Это погромы на рынках, поджоги домов и культовых зданий «не основных» религиозных организаций, избиения и убийства людей «не основной» национальности и религии. Проявления национализма, религиозной ксенофобии и нетерпимости превратились в обыденное явление в современной России.

В заявлении Института свободы совести «В связи с эскалацией насилия в России на почве религиозной и национальной нетерпимости», распространенном 12 февраля 2004 года в качестве причины нетерпимости названа государственная политика, в том числе в области СМИ, направленная на нагнетание и воспроизводство религиозной и национальной исключительности.

Не удовлетворяясь контролем центральных СМИ власть, заинтересованная в максимальном использовании фактора государственно-конфессиональных отношений на выборах, пытается контролировать журналистское сообщество, в том числе, пишущее на религиозные темы.

Очевидно, для реализации этой задачи Министерство по делам печати создало Методический совет по освещению религиозной тематики в СМИ. Не смотря на то, что официальным предлогом деятельности совета служит необходимость формирования толерантности и предотвращения межрелигиозных конфликтов, в реальности все несколько иначе.

Вот что говорит о вышеупомянутом совете профессор Ф.Г. Овсиенко. «При Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации в течение нескольких лет действует общественный методический совет по освещению религиозной тематики в СМИ. Этот светский общественный орган озабочен проблемами, как наиболее эффективно пропагандировать через светские СМИ «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», как организовать и провести телефестиваль православной песни и т.п. ... По сути, указанный совет превратился в своеобразный филиал Службы коммуникации ОВЦС МП» [1].

Весьма красноречивы высказывания руководителя Совета при МПТР, главного редактора портала «Религия и СМИ» А.В. Щипкова: «...к разряду экстремистских необходимо отнести и некоторые религиозные объединения закрытого типа, в обиходе называемые «тоталитарными сектами»... МПТР сознает, что роль СМИ в данном случае чрезвычайно велика. Основная задача СМИ заключается в публичном обсуждении проявлений и природы религиозного экстремизма как одной из разновидностей экстремизма как такового и, далее, в объяснении различий между радикальными и традиционными формами религиозности... Одной из возможных форм деятельности СМИ в этой области является подготовка и публикация соответствующих материалов и блоков материалов, для работы над которыми следует привлекать как светских экспертов (религиоведов), так и представителей конфессий. Журна-

листы в данном случае должны выполнять роль посредников, донося до широкой аудитории результаты соответствующих дискуссий. Эту роль могут успешно исполнять журналисты, профессионально занимающиеся религиозной тематикой и имеющие опыт в этой области... Нам необходимо завязать постоянные связи между представителями власти, конфессиями и экспертами...» [2].

Напрашивается вывод, что лучший для власти способ отвлечь внимание общества от использования религии в политических целях (а точнее фактора отношений государства с религиозными объединениями) и манипуляции СМИ — это возглавить СМИ. С этой целью власть сама навязывает обществу проблемы «религиозного экстремизма» [3], «тоталитарных сект» [4], противоречий «между радикальными и традиционными формами религиозности» и т.п. И сама же посредством соответствующих управляемых структур, под предлогом их решения достигает свои цели.

При этом остается как-то незамеченным тот факт, что использование властью фактора государственно-конфессиональных отношений для политических нужд ведет к нарушению прав граждан и объединений, неравенству религиозных организаций, и как следствие провоцирует в них раскол и радикализм.

Конфликты в свою очередь служат предлогом для ужесточения контроля мировоззренческой сферы со стороны государства в т.ч. принятие более жесткого законодательства. А ужесточение законодательства позволяет еще сильнее использовать религию, вплоть до тоталитаризма и полного подавления прав и свобод.

Разорвать этот порочный круг может только отказ экспертов от медийного призыва, и уход на альтернативную службу гражданскому обществу. Иными словами, очень многое зависит от профессионализма и честности каждого ученого и журналиста.

К сожалению, в последнее время влияние фактора религиозной политики и отношений между государством и религиозными объединениями недооценивалось НПО и правозащитным движением. Однако, нет сомнений, что сегодня для реанимации демократии в России необходимо добиваться прекращения этой порочной религиозной политики. Соответственно государственно-конфессиональные отношения должны быть поставлены под гражданский контроль.

Для решения этих задач по инициативе Института свободы совести формируется Антифундаменталистский комитет, ядро которого составляют независимые научно-исследовательские, просветительские и правозащитные структуры.

Сегодня в России искушение религиозной политикой принимает необратимые формы и может оказаться последним искушением президента Путина и его режима. Слишком уж неустойчива сырьевая экономика в информационном обществе, и слишком опасна игра с «религиозным фактором» в многонациональной и поликонфессиональной стране.

[1] Овсиенко Ф.Г. Политизация конфессий и клерикализация политики. Тенденции развития и риски в российском обществе // Религиоведение. № 2. 2002. С. 25.

[2] Щипков А. Для противодействия религиозному экстремизму необходим пул конфессиональных пресс-служб (Стенограмма выступления главного редактора интернет-портала «Религия и СМИ» на круглом столе «Роль СМИ в формировании толерантности и предотвращении межрелигиозных конфликтов», состоявшемся 22 октября 2003 г. в Министерстве по делам печати) // «Религия и СМИ», www.religare.ru, 23 октября 2003.

[3] Автор неоднократно писал, что термин «экстремизм» признается многими экспертами очень широким и не вполне юридически корректным. С учетом отсутствия правового определения религии, применение «безразмерного» термина «религиозный экстремизм» несет угрозы правам человека и основам конституционного строя.

[4] Нелишне напомнить, что в своем решении № 4 (138) от 12 февраля 1998 г. Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ «отмечает, что в законодательстве Российской Федерации не существует такого понятия как «секта». Более того, термины «секта» и «тоталитарная секта» даже в религиоведении не корректны — многие ученые отказались от их использования, предпочтя нейтральный — новое религиозное движение (НРД). Само использование термина «секта» в СМИ разжигает рознь и нетерпимость.

26 апреля 2005

Новости в сфере религии www.rsnews.net

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ПРОИСХОДИТ НЕ ЛЮСТРАЦИЯ, А ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА «СТУКАЧЕЙ» ОТ РЕЛИГИИ

В самом начале 2007 года волна из серии топ-новостных скандалов, под рубрикой «Погоны под рясой», поднялась в Польше, обогнула весь земной шар и тихо докатилась до России. В ряде стран бывшего «социалистического лагеря» были раскрыты некоторые архивы спецслужб «безбожной власти», свидетельствующие о сотрудничестве с ними духовенства. Самым громким было дело архиепископа-митрополита Варшавы Станислава Вельгуса, который по результатам обвинений в сотрудничестве «с органами» социалистической Польши ушел в отставку, даже не успев вступить в должность.

Таким образом, иностранное слово «люстрация» (от латинского *lustratio* — обозрение, проверка) вновь зазвучало в обиходе СМИ. Как правило, речь идет о выявлении (и придании огласке) связей различных публичных фигур с «компетентными органами» социалистических стран.

Так как «решение религиозного вопроса» было одним из важнейших пунктов укрепления тогдашней тоталитарной «вертикали власти», то материала для люстрации духовенства за долгие годы тоталитаризма также накопилось немало. Говорят, что только в Польше счет секретных сотрудников в рясах шел на тысячи.

Для прояснения мотивов формирования института сексотов из числа духовенства крайне полезным представляется рассмотрение взаимоотношений религии и политики, и государственной религиозной политики в частности.

Известно, что без «чуткого контроля», а «когда надо», и подавления ми-

ровоззренческой сферы не обходился ни один тоталитарный режим. Естественно, свободные и независимые религиозные институты представляют угрозу неограниченной власти.

Но это в теории. На практике же власти предержавшие любили и умели «скрещивать» политику с религией, которую разрешали «свободно» практиковать лишь в пределах жестко выгороженного гетто, для своей пользы. В истории крайне мало случаев, когда власти не находили общего языка с религиозными лидерами. Однако в большинстве этих редких случаев духовенство, в конце концов, приходило к своему пониманию «пользы», если не к обретению «гибкости», и определению цены «выживания Церкви».

Собственно лицо современного государства и современного мира в весьма значительной мере определяется этим противостественным «симбиозом». Можно даже сказать, что религиозная политика так же стара, как и мир.

Российская история так же сохранила немало свидетельств использования Церкви для укрепления авторитета и централизации власти видными государственными мужами России.

Несмотря на весьма широкую амплитуду колебаний религиозной политики советской власти (от кровавого террора с целью «окончательного решения религиозного вопроса» до вполне имперской политики интегрирования «главной Церкви главного народа» в идеологическую систему СССР), ее суть не претерпела существенных изменений.

В целом, «религиозный вопрос» в плане предоставления свободы совести в Советской России никто и не собирался решать, он был лишь «винтиком» идеологической политики официального единomyслия в виде подавления и контроля мировоззренческой сферы, направленных на удержание власти. Советский период показал, что само по себе отделение Церкви от государства без идеологического многообразия не является гарантией свободы совести: господствующее мировоззрение в качестве государственной идеологии служит источником подавления всякого иного.

И введение христианства князем Владимиром, и политику «казённого атеизма», проводившуюся советской властью, объединяют следование позывам текущей политической нужды, подавление свободы совести, навязывание мировоззренческого выбора.

В этом смысле правители постсоветской России недолго оставались оригинальными — период религиозной свободы оказался коротким, а «демократический транзит» так и остался транзитом. Как и прежде, нынешние власти России тяготеют к превращению религии в некий моральный базис своей аморальной политики.

Однако, несмотря на единство целей (удержание власти), прикладные методы религиозной политики «мутировали» в зависимости от конкретных исторических времени, местности и ситуации.

Если в условиях дореволюционной России контакты соответствующих государственных структур (охранки и Церкви) скрывать не было никакого смысла, то в СССР принцип отделения Церкви от государства, со временем трансформировавшийся в государственный атеизм, требовал необходимой конспирации. Не случайно кроме Совета по делам религий при СМ СССР и уполномоченных Совета на местах, «религиозными делами» занималось гбэшное Пятое управление (идеологические диверсии), в составе которого

находился Четвертый (церковный) отдел.

Таким образом, создание института «религиозных сексотов» в СССР и других странах социализма было лишь одним из методов в широком арсенале средств построения тоталитарного режима в конкретных исторических условиях.

И все же история сотрудничества духовенства со спецслужбами в СССР имеет некоторые особенности. И, прежде всего, она отличается своими масштабами. Дело в том, что история нынешней Русской Православной Церкви Московского патриархата началась именно с «гибкости», удачно проявленной в «смутное время». До 1943 г. организации с таким названием (РПЦ МП) просто не существовало. До революции была Поместная Российская Православная Греко-Кафолическая Церковь.

Ни для кого не секрет, что РПЦ МП была создана для политических нужд Иосифом Сталиным. В июле 1943 г. митрополитов Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича) срочно вызвали в Москву, а в ночь с 4 на 5 сентября состоялась встреча со Сталиным. «Во время встречи Сталин неоднократно подчеркивал, что Церковь «может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства во всех вопросах, связанных с ее организационным укреплением и развитием внутри СССР»... Когда со стороны приглашенных просьбы и пожелания были исчерпаны, Сталин сообщил, что для связи правительства с церковью образуется специальный государственный орган — Совет по делам Русской православной церкви, а его председателем назначается Г.Г. Карпов, генерал-майор КГБ СССР» (История религий в России. М. 2001. С. 197).

По мнению бывшего сотрудника научно-технической разведки Первого главного управления КГБ СССР (Ныне — Служба внешней разведки РФ — Ред.) К. Преображенского, высказанному в эфире радио «Свобода», РПЦ МП была создана КГБ, и все церковные деятели находилась под соответствующей опекой: «Кто был первыми слушателями Московской духовной академии? Это те, кого отозвали с фронта. А какое ведомство у нас в СССР имело право отзывать людей с фронта, да еще в критический год войны, в 1943 году, когда везли на фронт всех больных и немощных? Конечно, НКВД, КГБ по-нашему. Кого она будет выбирать в первую очередь? Кому она даст привилегию, спасающую от смерти? Эта привилегия дается только надежной, проверенной агентуре. Все священнослужители, отозванные с фронта — все агенты КГБ. Если бы они не были агентами, их бы не отозвали. Мне пришлось встречаться с отдельными стариками, которые были в первом выпуске, они так и говорили: «Мы называем себя беспартийными коммунистами». Это такой же контрольный орган, такой контроль был над МИД, над любым другим советским ведомством. Патриархия — это советское учреждение...».

Получается, что все высшее руководство РПЦ МП прошло через школу преданности власти, а первые лица РПЦ МП сделали карьеру благодаря «гибкости» и по-другому уже не могут. К. Преображенский считает: «По идее они должны были покаяться, сказать, что они сотрудничали и работали на государство, но они не могут покаяться и никогда не покаются, потому что все они агенты. А что это значит? Это значит, что на каждого имеется компроматериал, это у нас называется «закреплением оперативного сотрудничества». Вот тот же Алексий (Патриарх РПЦ МП Алексий II (Ридигер) —

ред.) скажет, «да, я каюсь», против Сталина, против Ленина, под него быстро статья появится где-нибудь, что он, допустим, был женат. Такая же биография почти у всех епископов, все они были назначены КГБ...».

П. Гобл в газете The Washington Times пишет: «Есть мнение, что глава ОВЦС МП митрополит Кирилл (Гундяев) также был в тесном сотрудничестве с КГБ. В 1992 году бывший оперативный работник КГБ Шушпанов подробно описал работу КГБ в Отделе внешних церковных связей, которым долгое время руководит митрополит Кирилл. Шушпанов утверждает, что «главной задачей этого отдела РПЦ было оказание помощи КГБ в его работе. После распада Советского Союза ситуация изменилась. Российские спецслужбы сделали все возможное для того, чтобы не допустить раскрытия своих агентов в церковной среде...».

Сегодня слегка прикрытый маской «суверенной демократии» тоталитаризм возвращается в Россию. И в этом религиозная политика власти с ее институтом стукачей сыграла далеко не последнюю роль. Правда, сегодня он прикрывается «сорботничеством», «духовным окормлением» силовиков и действует открыто, и даже публично, так как широко использует СМИ.

Так, по сообщению СМИ, «6 марта 2002 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II в сослужении архиепископа Истринского Арсения и епископа Орехово-Зуевского Алексея совершил чин освящения храма в честь Софии, Премудрости Божией, расположенного на территории комплекса зданий Федеральной службы безопасности России. За богослужением присутствовали директор Федеральной службы безопасности Н.П. Патрушев, другие руководители и сотрудники ведомства».

После освящения храма со словами благодарности к святейшему Патриарху Алексию обратился Н.П. Патрушев. Директор ФСБ отметил, что это событие имеет особое значение для Федеральной службы безопасности, так как храм находится на территории ведомства, сотрудники которого несут нелёгкую службу по защите Российского государства. Н.П. Патрушев передал в дар предстоятелю РПЦ МП образ святителя Алексея, митрополита Московского, и вручил символический ключ от храма.

В ответном слове Патриарх отметил, что отныне у ФСБ, как и у Министерства обороны и Министерства внутренних дел России, имеется свой храм. Патриарх выразил надежду, что сотрудники ФСБ и жители Москвы станут часто бывать в этом храме.

На молитвенную память о состоявшемся событии Патриарх передал храму икону Божией Матери «Умиление», а директору ФСБ подарил икону его небесного покровителя св. Николая.

Как и в прежние времена, сотрудничество ФСБ и РПЦ МП не ограничивается религиозными церемониями. Так 18 июля 2003 г. Управление ФСБ вмешалось в спор двух православных общин за храм во Владимирской области. Речь шла о судебном процессе по делу о незаконном захвате храма св. Стефана в селе Кидекша, принадлежащего Российской Православной Автономной Церкви (РПАЦ), его бывшим настоятелем, лишенным в РПАЦ сана Андреем Осетровым. Еще 18 декабря 2002 года Суздальский районный суд принял постановление об изъятии храма у Осетрова, однако в марте это решение было обжаловано Осетровым в областном суде.

В ход процесса противозаконно вмешалось областное управление ФСБ,

тесно связанное с губернатором Владимирской области Виноградовым и архиепископом Владимирским и Суздальским Евлогием (Смирновым) (РПЦ МП). Вмешательство было направлено на перемещение дела из правовой в политическую плоскость. Борис Нескородов, сотрудник областного УФСБ, провел беседу с начальником областного Комитета по управлению государственным имуществом (КУГИ) Бадальяном и подверг его критике за то, что КУГИ поддержало в суде законные требования Суздальской епархии РПАЦ. Оказав определенное давление на представителей КУГИ, и взяв у Осетрова доверенность на ведение дела в суде, Нескородов присутствовал при рассмотрении дела в кассационной инстанции. В результате давления спецслужбы на участников процесса и на суд решение Суздальского районного суда от 18 декабря 2002 г. было отменено, а дело передано на новое рассмотрение. В конце декабря 2002 г. начальник управления ФСБ РФ по Владимирской области Сиванов Р.В. был награжден архиепископом Евлогием церковным орденом преподобного Даниила Московского «за помощь в деле возвращения РПЦ имущества, оказавшегося в руках раскольничьих религиозных образований».

Институционализация в виде заключения договоров РПЦ МП с МВД, ФСБ, ФАПСИ, МЧС, создание специального отдела Моспатриархии по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными органами, а также различных совместных структур лишней раз напоминает о возвращении к до-революционному гласному формату взаимодействия Православной Церкви и соответствующих органов. Уже в самой ближайшей перспективе такое «социальное партнерство» РПЦ МП с силовыми ведомствами чревато массовыми религиозными преследованиями инакомыслящих и инакововеряющих.

О масштабах и перспективах «зачистки» российского религиозного пространства силовыми структурами государства говорит продвижение в научных кругах и на самом высоком государственном уровне борьбы против «религиозного экстремизма», за «духовную безопасность».

Это уже не говоря о том, что «стучать» сегодня на духовных конкурентов уже не считается чем-то неприличным. Известны случаи, когда «простой» православный священник вызвал ОМОН против представителей «альтернативного» православия, а некий «официальный» муфтий направил в ФСБ списки «неправильных» «ваххабитов». Случаи срыва мероприятий «сектантов» правоохранительными органами с подачи «правильных» верующих являются массовыми.

Таким образом, российская история сплела в один крайне запутанный клубок Церковь, власть, спецслужбы. В этих условиях все разговоры о возрождении духовности отдают душком цинизма.

Фактически в современной России происходит не люстрация, а легализация, легитимация и расширение института «стукачей» от религии. Это означает еще один положительный тест на беспредельное укрепление власти, отказ от демократического пути развития и перспектива очередного «смутного» времени, когда выживают самые «гибкие». Похоже, что Россия развивается не по диалектической спирали, а по кругу, и этот круг замкнулся.

18 января 2007
Портал-Credo.Ru

РЫБА ТУХНЕТ С ГОЛОВЫ ЭФФЕКТИВНАЯ БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ НЕВОЗМОЖНА БЕЗ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ЕЕ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНОГО СЕКТОРА

В настоящее время много внимания уделяется исследованию тенденций, результатов и итогов «демократических реформ» в современной России. Увы, итоги более чем пятнадцати лет реформ выглядят не в полной мере оптимистическими.

Очень многие исследователи говорят о полном подчинении общества государству, сопряженным с катастрофическим снижением эффективности управления при полной зависимости от сырьевого сектора экономики. Фактически речь идет о стагнационном сценарии для социально-экономической сферы и окончательном превращении России в «сырьевое государство», главным образом «нефте-газовое».

Очевидно, что на всеобщее процветание («сырьевое счастье») россиянам рассчитывать не приходится, поскольку нефтегазовый экспорт на душу составляет около 3 тонн (в нефтяном эквиваленте), т.е. около \$1000 в год. В то же время благоденствие за счет углеводородов максимально себя проявляет при 45-55 тоннах на «простого» гражданина Катара, Кувейта, Норвегии, ОАЭ.

Если же подушевой углеводородный экспорт не высок, даже несмотря на значительный физический объем, то о счастье речь вообще не идет. Впору говорить о «сырьевом проклятии».

По словам главного редактора журнала «Foreign Policy» Мозеса Наима, нефтегосударства — это богатые ресурсами страны с неразвитыми общественными институтами и высокой степенью концентрации власти и богатства. Для таких стран характерна диспропорция между совокупным богатством государства, основанным на нефти, и массовой бедностью.

Более того, не так давно озвученная первыми российскими лицами концепция «энергетической сверхдержавы», претендующая на статус едва ли не национальной идеи, говорит о необратимости сырьевого перекося экономической политики.

Общим же местом нелицеприятных оценок «демократического транзита» является констатация того факта, что Россия «перестав быть тоталитарной страной, так и не стала демократией».

Судя по всему, правовым государством Россия также не стала. По словам главного специалиста Института государства и права РАН В.Е. Гулиева «когда государство, провозглашаемое в Конституции социальным и правовым, т.е. служащим обществу, гражданам, гарантирующим их свободы и права и действующим строго в рамках права, фактически это право попирает, нарушая собственное законодательство и ущемляя гражданские права, то это правонарушающая власть. Когда же государство не только не способно противостоять криминальному беспределу, минимизируя его, но и само порождает правонарушения и преступления, притом не единичные, а массовые, — такое государство можно считать криминогенным».

В свою очередь, коррупция признается многими исследователями одним из самых опасных проявлений криминализации государства. Оказывая непо-

средственное воздействие на механизмы государственного управления и на большинство экономических процессов, коррупция приводит к вырождению власти в инструмент преступной эксплуатации гражданского общества.

Однако в России отсутствует не только закон о борьбе с коррупцией, но даже юридическое определение коррупции, под которой обычно понимают взяточничество.

Но определение коррупции есть в правовых документах международных организаций. В Справочном документе ООН о международной борьбе с коррупцией говорится, что «коррупция — это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях». Рабочее определение междисциплинарной группы по коррупции Совета Европы более полно: «Коррупция представляет собой взяточничество и любое другое поведение лиц, которым поручено выполнение определенных обязанностей в государственном или частном секторе и которое ведет к нарушению обязанностей, возложенных на них по статусу государственного должностного лица, частного сотрудника, независимого агента или иного рода отношений, и имеет целью получение любых незаконных выгод для себя и других».

Несмотря на то, что антикоррупционные законопроекты (принятые парламентом в 1993, 1995, 1997 гг.) были отвергнуты президентом, 27 января 1999 г. тогдашним министром внутренних дел РФ С.В. Степашиным от имени РФ подписана Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию.

А 9 мая 2006 г. постоянный представитель РФ при ООН Виталий Чуркин в Нью-Йорке официально передал в Секретариат ООН грамоту о ратификации Россией Конвенции ООН против коррупции от 14 декабря 2005 года. Федеральный закон «О ратификации Конвенции ООН против коррупции» был подписан президентом Владимиром Путиным 8 марта 2006 года. Но будет ли присоединение к международным конвенциям трансформировано в реальную борьбу с коррупцией? И когда это произойдет?

Российскими исследователями была доказана взаимосвязь между успешным управлением и процветанием государства, общества, человека. По данным Фонда ИНДЕМ повышение эффективности управления (например, изменение уровня верховенства закона с российского до чешского или уменьшение коррупции с индонезийского уровня до корейского) приводит к двукратному или даже четырехкратному улучшению такого показателя как доход на душу населения, отражается на существенном снижении детской смертности и повышает уровень грамотности среди взрослых на 20%.

Таким образом, есть все основания считать коррупцию фактором системного кризиса, поразившего государственность современной России. При этом ее основным элементом является коррупция в высших эшелонах государственной власти, называемая верхушечной или элитно-властной. Именно элитно-властная коррупция влечет масштабное расхищение государственных средств и в очень значительной мере формирует лицо современной власти.

В то же время область отношений государства с религиозными объединениями, в значительной мере связанная с упомянутым верхним уровнем управления государством, на предмет проникновения в нее коррупции исследована крайне слабо, а предпосылки возникновения, формы, характеристика, содержание, влияние почти не известны экспертному сообществу.

Тема нашла некоторое отражение на страницах светской и церковной периодической печати в виде сообщений о предоставлении некоторым религиозным организациям различных правительственных льгот.

Например, о беспošлинном получении зарубежной «гуманитарной помощи» в виде табачных изделий и извлечении прибыли от их продажи писали «Московские новости» (См.: Рыковцева Е. «Благословенный табак». Московские новости, № 40, 6-13 октября 1996 г., с. 4).

«Новая газета» (№39, 21-27 октября 1996) сообщила о причастности к торговле алкоголем Художественно-производственного предприятия Московской патриархии (ХПП) «Софрино» и его руководителя Е.А. Пархаева. По сведениям газеты ХПП реализовало через коммерческие фирмы вина на 30 млн. долларов, при этом из всего заработанного ничего не получили ни Церковь, ни государство (См. также: Церковно-общественный вестник №2, 31.10.1996, с. 1. Специальное приложение к газете «Русская мысль» №4147).

Кроме этих случаев, свидетельствующих о наличии коррупции среди церковных чиновников, в печати появились сведения о причастности Церкви к торговле нефтью (Цитируется по: Диа-Логос. Религия и общество. 1997. М. 1997. С. 313-314).

Отдельные аспекты указанной темы затрагивает в своих публикациях Н. Митрохин. В частности, кроме «гуманитарных» табака и спиртного, Митрохин упоминает о льготной растаможке широкого списка товаров из Белоруссии, экспорте нефти и нефтепродуктов, экспортных квотах на рыбу и морепродукты, нелегальное производство и продажу золотых изделий (См.: «Экономическая деятельность Русской Православной Церкви и ее теневая составляющая» (2001), «Экономика Русской Православной Церкви» // Отечественные записки. №1. 2001).

Этот же автор упоминает о финансировании РПЦ МП со стороны государственных и полугосударственных предприятий, а также масштабных финансово-политических операциях с ценными бумагами (См.: От свечного заводика до «Газпрома». Экономическая деятельность Русской Православной Церкви: мифы и факты // Журнал «Смысл» № 7. 1-15 мая. 2003).

На государственном уровне принято считать, что любые разговоры «на эту тему» могут нарушить картину «гармоничных отношений» («симфонии») государства с РПЦ МП, являющейся «культуро- и государствообразующей конфессией», главным «хранителем духовности и нравственности» и т.д. А значит, и поколебать особую, отводимую властью, роль РПЦ МП в политической жизни России.

Представители самих религиозных организаций и конфессионально ориентированные структуры, тем более не готовы затронуть «деликатную» и «щекотливую» тему. Они совершенно обоснованно не желают «ссориться» с властью и быть обвиненными в нарушении «симфонии», «межконфессионального диалога», а то и в разжигании «религиозного экстремизма».

Если борьба с коррупцией наряду с актуальностью признается проблемой крайне сложной, то применительно к области отношений государства с религиозными объединениями (темой не менее сложной) она граничит с невозможным.

Главная проблема в том, что явления, исторически существовавшие в качестве основы политико-правового режима Российской империи (законода-

тельно закрепленные конфессиональные предпочтения, самодовлеющая государственная вероисповедная политика, контроль и использование религии в политических целях и т.д.), и сегодня в значительной мере сохранили свою легитимность на уровне различных моделей государственно-конфессиональных отношений.

Наличие в некоторых демократических государствах переходной модели государственно-конфессиональных отношений (не говоря уже о государственной Церкви) также позволяет оправдывать самодовлеющие отношения государства и религиозных объединений с элементами государственных конфессиональных предпочтений, несмотря на конституционные принципы приоритета прав человека, светскости государства, равенства религиозных объединений и граждан.

Иными словами, крайне сложно выявить и обосновать наличие коррупционных деяний в тех феноменах, которые являлись исторически и по инерции продолжают считаться «государствообразующим» фактором.

Теоретически отношения государства с религиозными объединениями определяются как совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей между институтами государства и институциональными религиозными образованиями, в основе которых лежат представления о месте религии в жизни общества и государства на определенном этапе развития.

На современном этапе упомянутые представления опираются на чрезмерно идеализированные дореволюционные, и есть все основания говорить о разложении конституционной концепции светского государства, переориентации на концепцию «православного государства» и возрождение «особых» отношений с РПЦ МП.

С начала XVIII века в Российской империи господствовавшая Православная Церковь была частью государственного аппарата, а члены Синода и епископат назначались императором по представлению обер-прокурора Синода. Как следствие, дореволюционная система отношений Российского государства и религиозных организаций характеризуется правовым неравенством конфессий. Согласно Своду законов Российской империи, все исповедания располагались на четырех иерархических уровнях, каждому из которых соответствовал свой объем прав, привилегий и ограничений. Внеисповедное состояние государством не признавалось, а деятельность по распространению атеистических взглядов подвергалась уголовному преследованию.

Отношения Советского государства с религиозными организациями всецело подчинялись текущим потребностям господствующей идеологии и характеризовались подавлением, контролем, прагматичным использованием последних в политических целях.

По мнению автора с принятием Всемирной декларации прав и свобод человека в 1948 г. (послужившей моделью при определении стандартов прав человека для новейших конституций, принятых во многих странах мира и в Российской Федерации) начинается новая эпоха (интернационализации) в формировании правовых гарантий реализации прав человека.

В соответствии со ст. 18 Всеобщей декларации прав человека «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать

свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков».

Именно с этого периода отношения демократического государства с религиозными объединениями должны считаться производными от декларируемых принципов свободы совести и строго им соответствовать.

С учетом отечественной специфики, для России новая эпоха началась, по крайней мере, с момента принятия в 1993 году Конституции РФ, которая подтвердила в качестве правовой основы такие цивилизованные нормы, как светскость государства, равенство граждан вне зависимости от их отношения к религии и равенство религиозных организаций.

В связи с вышеизложенным следует отметить, что в Конституции РФ и в нормах международного права, являющихся приоритетными для правовой системы России, вообще ничего не говорится о государственно-конфессиональных отношениях и вероисповедной политике как самодовлеющих явлениях.

В то же время, в таком качестве они существовали исторически, но в настоящее время исчерпали себя, как минимум, с правовой точки зрения. А значит, декларируемые конституционные принципы в области свободы совести вообще не должны зависеть от отношений государства с религиозными объединениями.

Так как проблема соотношения свободы совести и отношений государства с религиозными объединениями в современной российской юридической науке разработана крайне слабо, то приходится констатировать, что новая эпоха в Российской Федерации не нашла своего адекватного отражения, а «исторические» государственно-конфессиональные отношения и сегодня продолжают жить своей жизнью, делая своими заложниками вышеупомянутые принципы, составляющие основу конституционного строя России.

Источником жизнестойкости самодовлеющих отношений государства с религиозными объединениями являются: с одной стороны политические интересы властных групп, заинтересованных в использовании религии для манипулирования общественным сознанием и своем освящении, а с другой стороны встречные интересы конфессий, которые, как правило, устремляются за пределы религиозных свобод (равенство, отсутствие дискриминации) в лоно государственных экономических предпочтений.

Слабая теоретическая разработанность является общим фоном, определяющим самодовлеющий характер отношений государства и религиозных объединений. Фактически правовое регулирование в области свободы совести базируется на некорректных с юридической точки зрения принципах, не имеющих четких правовых критериев, и соответствующем понятийном аппарате, частично заимствованном из теологии, а потому заведомо не годном. Свобода совести подменяется свободой вероисповеданий, права человека — правами объединений, религия — идеологией, а в результате приоритет права подменяется приоритетом политики, интересами властного и конфессионального истеблишмента.

Определенную роль играет авторитарный тип сознания, унаследованный из прошлого, и характерный, как для населения и большинства священнослужителей, так и для посткоммунистического российского истеблишмента.

Принято считать, что после прекращения работы идеологического отдела ЦК КПСС в России возник «духовный вакуум», для заполнения которого нужно что-нибудь «традиционное». В результате выбор власти пал на Русскую Православную Церковь Московского патриархата.

Указанные факторы являются основными предпосылками системной многоуровневой коррупции в области отношений современного Российского государства с религиозными объединениями — взаимосвязанной с иными системами общества, и, прежде всего, с политической системой и охватывающей многие взаимозависимые, зачастую переплетенные уровни, включая науку и образования, законотворчества и правоприменения. Есть основания предполагать наличие коррупционных сетей и сообществ.

Очевидно, что в современных российских реалиях союз православного креста с державным орлом, реализуемый в рамках религиозной политики и в форме клерикальной идеологизации органов государства (в т.ч. «силовых» структур и государственной системы образования), противоречит Конституции России.

Прежде всего, речь идет о нарушении принципов свободы совести (ст. 28), светскости и равенства религиозных объединений (ст. 14), что неизбежно ведет к нарушению принципа идеологического многообразия (ст. 13) и формированию клерикальной государственной идеологии.

В свою очередь, нарушение вышеупомянутых принципов делает невозможными свободные выборы, являющиеся «высшим непосредственным выражением власти народа» (п.3 ст.3), так как препятствует осуществлению власти российским многонациональным народом «непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» (п. 2 ст. 3), народом, который является «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации» (п. 1 ст.3).

В то же время, современные тенденции в области отношений государства с религиозными объединениями следует квалифицировать не только как нарушение Конституции России, но и как системную коррупцию — злоупотребление властью (действием или бездействием) в своих корыстных интересах, связанное с использованием административных ресурсов, в рамках «специальных» отношений государства с религиозными объединениями. Так как системообразующим фактором является коррупция верхушечная (государственно-политическая), то главной стороной становится должностное лицо, государственный служащий.

Системообразующей в данной коррупционной системе является государственная политическая электоральная коррупция. Упомянутая коррупция в области отношений государства и религиозных объединений состоит в манипулировании сознанием с помощью авторитета религии, она направлена против гражданского общества и осуществляется с целью прихода к власти, ее удержания и укрепления.

Властные группы в рамках «специальных» (по сути, неправовых) отношений покупают за счет налогоплательщиков не только поддержку религиозных организаций, но и способствуют усилению их влияния и ресурса. Именно в этом контексте следует рассматривать незаконную передачу значительных государственных ресурсов религиозным объединениям как на федеральном (в интересах федеральной власти), так и региональном (в интересах

региональной власти) уровнях. Имеет место растрата или корыстное использование бюджетных средств и общественных фондов.

Государственная политическая коррупция в области отношений государства и религиозных объединений воспроизводится в научно-образовательных структурах, в сфере законотворчества и правоприменения. Она теоретически обосновывается «официальной», а иногда «конфессионально ориентированной» «наукой», и имеет информационное прикрытие в государственных и некоторых конфессиональных СМИ.

Законотворческий процесс в области свободы совести непосредственно связан и опирается на упомянутое наукообразное обоснование. Наличие соответствующего пакета законопроектов в законодательном органе позволяет говорить о системе противозаконного лоббизма, сопровождающего государственную политическую коррупцию в области отношений государства и религиозных объединений.

Коррупция бывает верхушечная и низовая. Первая охватывает политиков, высшее и среднее чиновничество и сопряжена с принятием решений, имеющих высокую цену (формулы законов, госзаказы, изменение форм собственности и т.п.). Вторая является следствием первой, распространена на среднем и низшем уровнях, и связана с постоянным, рутинным взаимодействием чиновников, адвокатов и религиозных организаций (регистрации и т.п.).

Естественно, конкретных фактов взяточничества известно не очень много. Обе стороны, и вымогающий взятку чиновник, и дающий ее священнослужитель желают сохранить случившееся в тайне. Это правило, но бывают и исключения.

Например, эксперт в области религиозной свободы Ларри Юззелл приводит случай вымогательства взятки за регистрацию религиозной организации. «В 2001 г. Московское отделение Армии Спасения вело переговоры с городскими чиновниками, ответственными за регистрацию религиозных организаций. (Наличие официальной регистрации крайне необходимо для таких действий, как аренда зданий.) Курирующий этот вопрос чиновник Владимир Жбанков сообщил полковнику Армии Спасения Кеннету Бейли, что для прохождения официальной процедуры регистрации его группе необходима более компетентная юридическая помощь. Жбанков посоветовал обратиться в некую фирму, которую он сам раньше возглавлял. Полковник Бейли отверг столь возмутительный совет — Армия Спасения вскоре оказалась втянута в длительное судебное разбирательство, и под угрозой было поставлено ее право на существование в Москве».

В этом же материале приводится случай дачи взятки также за регистрацию религиозной организации. «О. Саймон Стивенс, представляющий единственный в Москве приход Англиканской Церкви, имел подобную встречу с Жбанковым по поводу затянувшегося процесса регистрации прихода. В отличие от своего коллеги из Армии Спасения, англиканский священнослужитель согласился обратиться в любимую юридическую фирму чиновника. Не прошло и нескольких дней, как заявление прихода было принято» (См.: Юззелл Л. Россия: религия на поводке).

В более широком контексте чиновники реализуют дискриминационное законодательство или злоупотребляют полномочиями, пользуясь коррупционностью законодательства, ущемляют права конкретных религиозных объ-

единений. Последние покупают расположение чиновников, чтобы их «не трогали».

Характерно, что лишь когда в силу каких-либо факторов интересы властных элит отходят на второй план, на первый план выступают корыстные интересы чиновников. Низовая коррупция в виде взяточничества отдельных чиновников является лишь видимой частью («верхушкой айсберга») многоуровневой коррупционной системы.

Тем более, что питательная среда для злоупотреблений предопределена неадекватным и антиконституционным законодательством, позволяющим контролировать, использовать, а если надо, то и подавлять мировоззренческую сферу.

Действительно, неадекватное законодательство в значительной мере предопределяет чиновничью коррупцию, поскольку позволяет госслужащим по своему усмотрению его толковать. В этом смысле ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» является «идеально коррупционным» — он противоречит Конституции России, базируется на некорректных принципах и содержит крайне противоречивый понятийный аппарат.

Верхушечная коррупция, к которой относится государственная политическая, является системообразующей, направлена против общества и сводит на нет реформы в политической и экономической сферах, ограничивая политическую конкуренцию.

В то же время, масштабная низовая коррупция также опасна, поскольку создает благоприятный психологический фон для существования остальных форм коррупции.

В зависимости от того, кто является инициатором коррупционных отношений, коррупция бывает активной (властные группы, чиновники) и пассивной (религиозные объединения). Но иногда некоторые влиятельные и богатые религиозные организации выходят за рамки простой схемы «активный-пассивный», и пытаются навязывать свои правила, оказывая влияние на уровне законотворчества, СМИ и даже науки. Они участвуют в воспроизводстве коррупционной системы, на всех уровнях, фактически покупая влияние, позволяющее соблюдать свои корпоративные интересы в любых условиях (кроме полного подавления религиозной свободы) и не заинтересованы не только в свободе совести для каждого, но даже в религиозной свободе для всех религиозных объединений.

Кроме вышеупомянутых, к важным характеристикам коррупции в области отношений государства с религиозными объединениями относится: институционализация, латентность, мимикрия, транснациональность.

В целом же, «исторические» государственно-церковные отношения продолжают жить своей, противоречащей интересам современного гражданского общества жизнью, а права человека остаются декларацией. В контексте современности, то, что исторически считалось «симфонией» и основой политико-правового режима государства, — сегодня коррупция и угроза конституционному строю России.

Несмотря на то, что у этих, на первый взгляд далеко не бесспорных слов, имеются даже очень значительные основания, предъявлять претензии к религиозным объединениям (в соответствии со своей природой претендующих на обладание истиной в последней инстанции) при условии соблюдения законода-

тельства не вполне корректно. Все претензии со стороны гражданского общества должны быть к власти, обязанной соблюдать Конституцию России. Соответственно, действия государственных служащих в области отношений государства с религиозными объединениями должны получить правовую оценку.

В то же время, религиозным лидерам можно напомнить о моральной ответственности перед обществом, а также о том, что принадлежность к институтам гражданского общества определяется независимостью религиозных объединений от власти и ее даров.

Только в этом случае, религиозные объединения смогут достойно выполнять свою миссию и быть «голосом совести» в обществе. Вероятно, в этих условиях власть, лишённая религиозно-идеологической поддержки, вынуждена будет стать компетентной и эффективной.

На современном этапе борьба с коррупцией становится одной из главных проблем, стоящих перед мировым сообществом и Россией, поскольку без каких-либо позитивных изменений в данной области уже в ближайшее время общество может столкнуться с необратимыми разрушениями и дезорганизацией системы управления.

Скорее всего, эффективная борьба с коррупцией невозможна без решения проблем ее государственно-конфессионального сегмента, который является крайне сложным и имеет причины и проявления на различных, нередко пересекающихся уровнях. Соответственно, уровень науки и образования является системообразующим по отношению к уровню законоотворчества, а они оба — к уровню правоприменения.

В то же время антиконституционная религиозная политика власти, реализуемая посредством коррумпированных отношений государства с религиозными объединениями, охватывает все упомянутые уровни. Важно не ограничивать сферу борьбы с коррупцией лишь одним из них. Важнейшим приоритетом является необходимость научно-теоретической и методологической разработки проблематики свободы совести и отношений государства с религиозными объединениями.

Общим знаменателем искоренения коррупции является необходимость целостного (как предотвращение коррупции, так и ее пресечение) подхода при доминировании превентивных мер, с целью изменения сложившейся системы.

Очевидно также, что противодействие коррупции не должно ограничиваться ее «низовым» уровнем. Некоторые исследователи говорят даже о целесообразности концентрации усилий на предупреждении, выявлении и пресечении злоупотреблений властью и должностными полномочиями только со стороны чиновников категории «А».

Например, старший научный сотрудник Института государства и права РАН Г. Мишин считает, что предмет правового регулирования будущего специального антикоррупционного закона следует сузить, предлагая подготовить проект федерального закона с условным названием «О противодействии коррупции на высшем уровне управления государством».

Трудно судить, насколько реально принятие такого закона, но совершенно очевидно, что наведение порядка на рынках невозможно без искоренения коррупции в кабинетах Кремля.

В целом необходима борьба с коррупцией как с явлением, а не только с от-

дельными коррупционерами («оборотнями»), для чего необходимо создание эффективной системы юридических обязанностей и ответственности власти вообще и, в частности, устранение перекоса президентской вертикали. Д. Локк еще в XVII в. сказал, что общество, не заботящееся об ответственности власти перед собой, уподобилось бы глупому крестьянину, который защищает свое хозяйство от хорьков, зайцев, лис, забывая о волках и грабителях.

11 апреля 2007
Портал-Credo.Ru

**ФАКТОР «ПОРЧИ»
ВЛАСТЬ ИСПОЛЬЗУЕТ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ
ДЛЯ ЛЕГИТИМАЦИИ И РАСШИРЕНИЯ
СВОЕЙ АНТИКОНСТИТУЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ**

Государственно-конфессиональная коррупция вообще, и особенно ее политическая элитно-властная компонента, является весомым фактором «порчи» современного Российского государства. Именно этот вид коррупции, наряду с прямой фальсификацией, использованием властью административного ресурса, установления контроля над СМИ делает невозможными свободные честные выборы и превращает демократию в ее противоположность.

Обо всех вытекающих отсюда последствиях «простым» россиянам хорошо известно, как говорится, «на своей шкуре». Углубление и расширение разрыва между властью-богатством верхушки и бесправием-бедностью народа — «визитная карточка» сырьевого государства.

«Государствообразующая» Православная Церковь на протяжении многих веков играла особую роль в политической жизни России и почти всегда оказывалась полезной и удобной для власти. Даже генеральная идеологическая линия «богоборческой» советской власти уступала перед прагматизмом использования религии для политических нужд. Можно сказать, что современная РПЦ МП, воссозданная Иосифом Сталиным в 1943 году, является неким плодом упомянутого прагматизма.

Сегодня на законодательном уровне вероисповедные предпочтения и ограничения сменились декларациями свободы совести и светскости государства, а значит, традиционная религиозная политика должна считаться политической коррупцией и быть вне закона в демократической стране.

Однако этого почему-то до сих пор не произошло, и ведущие игроки в лице власти и конфессиональной бюрократии РПЦ МП, как и прежде, навязывают обществу свои коррумпированные правила. Если первый президент новой светской России Борис Ельцин со свечкой в храме перед телекамерами федеральных каналов смотрелся как-то неуклюже, то склонность к подрыву основ конституционного строя со стороны его приемника Владимира Путина выглядит вполне привычно и естественно. Даже передача значительных государственных ресурсов самой «традиционной» для власти конфессии, а также клерикальная идеологизация институтов государства почти не вызывает протестов в обществе.

Ощущение неушедшего прошлого укрепило отпевание Бориса Ельцина тремя митрополитами РПЦ МП в храме Христа Спасителя, совсем неслучай-

но показанное в эфире четырех государственных ТВ-каналов. Наверное, так прощались бы с православным монархом.

Если о «взаимовыгодном сотрудничестве» главных игроков российского государственно-конфессионального поля написано пусть и недостаточно, но все-таки немало, то о других претендентах на «симфонию» с властью почти ничего не известно. Причем не только широкой общественности, но даже многим экспертам.

Дело в том, что большинство религиозных организаций не только ничего не имеют против сращивания религии и политики, но и сами оказываются вовлеченными в коррупционные отношения. В результате они вольно или невольно превращаются в самодовлеющие корпорации, сосредоточенные на собственных узких интересах и чуждые интересам общества.

В указанном контексте важным показателем является то, что власть использует религиозные объединения для некоей легитимации и расширения своей антиконституционной политики. Фактически коррумпированная религиозная политика становится возможной благодаря одобрению и/или молчаливому согласию руководства «основных» религиозных организаций и кандидатов в таковые. Межрелигиозный совет России (МСР), Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и отдельные религиозные лидеры регулярно выступают в роли дежурных «поддержантов» политики власти и антиконституционных инициатив ПЦ МП.

Принятие в 1997 г. антиконституционного ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», «специальное выделение «традиционных религиозных организаций», введение «Основ православной культуры» (ОПК), борьба с «религиозным экстремизмом» и «исламским терроризмом» и т.д. — все это происходит «по просьбам трудящихся», в роли которых выступают политизированные конфессиональные чиновники.

Если судить о работе Общественной палаты РФ, например, по «Предварительным результатам мониторинга соблюдения принципов свободы совести и вероисповедания при изучении учебных курсов по истории и культуре религий в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях в регионах Российской Федерации», представленными Комиссией по вопросам толерантности и свободы совести 23 апреля 2007 года, а также по высказываниям принятых в туда лояльных власти религиозных лидеров, например по «Открытому письму» зампреда ОВЦС МП епископа Марка и председателя Российского объединения союза христиан веры евангельской (РОСХВЕ) епископа Сергея Ряховского, то государственно-конфессиональный коррупционный контекст не вызывает сомнений.

В этих реалиях «не основные» религиозные организации ищут свои способы выживания в российских государственно-конфессиональных «джунглях». Некоторые, беря пример со «старших братьев», банально стремятся угодить власти, благословляют В. Путина и даже пытаются предлагать себя в качестве «традиционных». Например, 13 марта 2007 года в ходе «Национальной утренней молитвы — 2007» протестантское евангельское движение России выступило в качестве очередной пропрезидентской партии наряду с «Единой Россией» и «Справедливой Россией»!

Некоторые действуют более изощренно. Они под видом научно-иссле-

довательской, правозащитной и гуманитарной деятельности, путем подкупа устанавливают контроль над религиозным сообществом, а через него получают доступ к телам государственных чиновников, ведающих взаимодействием с религиозными объединениями в регионах России. Только богатые корпорации могут позволить себе такие «инвестиции», но в результате они покупают «особое» отношение к своей конфессии.

Из разгоревшейся на форуме Портала дискуссии следует, что нередко они ведут себя как слоны в посудной лавке: препятствуют реализации свободы совести, мировоззренческому нейтралитету государства, научному обмену, и напротив — поощряют цензуру и воспроизводство коррупционной системы на всех ее уровнях.

Еще свежа память о скандальной связи У. Коула Дурэма из Международного центра изучения права и религии (МЦИПР) при Университете им. Бригама Янга с кафедрой религиоведения (ныне кафедра государственно-конфессиональных отношений) Российской академии государственной службы (РАГС) при президенте РФ.

В результате системная коррупция в отношениях государства с религиозными объединениями оказала и продолжает оказывать значительное влияние на деградацию правозащиты в области религиозной свободы.

Так как на международном и российском уровнях в данной области доминируют конфессионально ориентированные структуры (например, Международная ассоциация религиозной свободы (МАРС)), то борьба за религиозную свободу носит несколько неравномерный характер — приоритетно защищаются права религиозных организаций, имеющих политическое влияние и соответствующие коррупционные связи.

Очевидно также, что вовлечение конфессиональной бюрократии в коррупционные отношения делает ее частью политического и финансово-экономического бомонда, все более далекого от нищающей паствы (общественности) и чуждого интересам гражданского общества.

Совершенно очевидно, что покупка у государственных служащих «особых» условий некоторыми конфессиями не только противоречит принципам Всеобщей Декларации прав человека, Конституции РФ, но и является аморальной, несовместимой с религиозными ценностями.

Скорее всего, государственно-конфессиональная коррупция была бы невозможна, если бы все религиозные организации выразили ее неприятие.

30 апреля 2007
Портал-Credo.Ru

ПУТЫ МЕДВЕДЕВА О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ ПОДНОВЛЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

Недавно прошедшие в России выборы вновь оживили несколько поутихшую дискуссию об итогах и перспективах реализации свободы совести, и в частности о дальнейшей траектории государственно-конфессиональных отношений.

Скупые предвыборные обещания Д. Медведева сохранить преемствен-

ность курса В. Путина (надо полагать и в области религиозной политики), но при этом одновременно защищать права и свободы людей, помогать развитию гражданского общества нашли однозначное понимание пока лишь в умах лояльных власти религиозных лидеров.

Для них, «верой и правдой» отработавших избирательный цикл 2007—2008 гг., преемственность религиозной политики означает не только пользование свободой, но и некоторое отоваривание политической лояльности в нефтегазовых закромах Родины.

Банальная агитация в контексте думских выборов за «Единую Россию» в культовых сооружениях «традиционных» для власти религиозных организаций плавно перетекла в наложение религиозными лидерами некой сакральной санкции на процесс передачи президентской власти от Путина Медведеву.

Они единодушно поддержали кандидатуры Медведева на пост президента России, а Путина на пост председателя правительства, пообещав всяческое содействие в обеспечении избирательной активности пасомых.

Но даже среди лояльных религиозных лидеров встречаются своего рода «несогласные». Например, в декабре 2007 г. глава ЦДУМ России Талгат Таджуддин заявил, что Путин имеет полное право остаться на третий срок. А еще 6 ноября 2007 года на сайте IslamRF.ru было опубликовано Обращение Президиума III Всероссийского мусульманского форума о необходимости предоставления Путину третьего президентского срока.

Проверить арифметикой электорально-религиозную поддержку крайне затруднительно, но с учетом основанного на вере (восприятию без критического осмысления) высокого авторитета религиозных институтов, она может соперничать со всеми видами традиционного административного ресурса вместе взятыми.

Понятно, что политический контроль мировоззренческой сферы, освящение власти и передача сакрального авторитета не случаются сами собой. Для этого испокон веку существует религиозная политика.

И в царской, и в советской России именно текущая политическая нужда определяла амплитуду колебаний религиозной политики, а любое господствующее мировоззрение служило источником подавления всякого иного.

В России XXI века предлогом поправки конституционных принципов свободы совести и светскости государства служит необходимость возрождения духовности, нравственности и прочих «традиционных» ценностей.

Ритуальная практика религиозной политики современных властьпредержащих совершенствуется на глазах. Если Ельцин с окружением перед телекамерами со свечкой в храме смотрелись нелепо (за что их называли подвешниками), то телекартинка верующего Путина смотрелась более органично.

Да и усиление сотрудничества путинского государства с РПЦ МП, несмотря на конституционные принципы мировоззренческого нейтралитета, вовсе не вызывало массовых протестов в обществе.

Это притом, что явная (прямое финансирование, передача недвижимости) и неявная (льготы, квоты и т.п.) передача государственных ресурсов Московской патриархии шла по нарастающей. В обмен, кроме сакрализации выборов, последняя поддержала власть в сложные периоды (например, чеченская кампания, гибель подлодки «Курск», напряженность в связи с монетизацией льгот).

В указанном контексте, имеются основания говорить о «тихой дискриминации» неверующих и инаковерующих налогоплательщиков, поскольку в России имеет место расширение незаконной практики государственного финансирования избранных властью конфессий. Фактически за их счет финансируется религиозная деятельность.

Неизбежным следствием антиконституционной религиозной политики является рост ксенофобии, нетерпимости, дискриминации по мотивам религии или убеждений и насилия на их почве.

Одним из самых распространенных видов нетерпимости и дискриминации по отношению к религиозным объединениям является неправомерное воспрепятствование и/или ограничение деятельности отдельных религиозных объединений. В частности, ряд организаций постоянно сталкивается с трудностями в регистрации (перерегистрации) религиозных организаций.

В ряде регионов России власти пытались ликвидировать религиозные организации, как, например организацию «Армии Спасения» в Великом Новгороде. Некоторые попытки завершились прекращением деятельности протестантского реабилитационного центра для страдающих наркотической и алкогольной зависимостью и женского монастыря РПЦЗ(Л).

Ограничениям в распространении религиозных текстов и печатных изданий чаще всего подвергаются мусульмане. Наиболее громкий резонанс был вызван запретом по суду книг Саида Нурси.

Довольно распространенной проблемой являются трудности в строительстве и вводе в эксплуатацию культовых зданий, а некоторые религиозные организации многие годы сталкиваются с отказами в выделении земельного участка. С указанными проблемами столкнулись католики, кришнаиты, мормоны, мусульмане, протестанты, Свидетели Иеговы и др.

Кроме того, в последнее время чиновники все чаще пытаются лишить религиозные организации помещений и земли. Здесь выделяется случай передачи РПЦ культового сооружения РПАЦ.

Однако для протестантов, Свидетелей Иеговы и др. даже аренда помещений является серьезной проблемой.

С ограничениями в проведении публичных мероприятий сталкиваются буддисты, кришнаиты, протестанты, Свидетели Иеговы, представители Церкви Божией Матери Державной и движения Фалуныгун. Иногда упомянутые ограничения инициируются спецслужбами.

Частью общей проблемы являются неправомерные ограничения деятельности религиозных организаций, лидеры и члены которых являются гражданами иностранных государств. Были зафиксированы случаи высылки миссионеров-протестантов и последователей Фалуныгун, которым органы по делам миграции отказали в предоставлении убежища в Российской Федерации.

Процесс возвращения собственности религиозным организациям, как правило, сопровождается нарушениями законодательства, злоупотреблениями, конфликтами.

Что касается распространения недостоверной и порочащей информации о деятельности религиозных организаций, то в последние годы упомянутое явление все чаще проявляет себя, не только в конфессиональных и независимых, но и в государственных СМИ.

В некоторых регионах России был отмечен рост неправомерных задержа-

ний и арестов, угроз, избиений, облав, фабрикаций уголовных дел и т.п. по отношению к членам религиозных организаций.

Нередко религиозная ксенофобия и насильственные акции со стороны «силовых» структур государства санкционируются руководством силовых структур. Как правило, предлогом религиозных преследований служит борьба с «религиозным экстремизмом», «исламским терроризмом», «ваххабизмом», «сектами».

Возрастающие масштабы преследований позволяют говорить о массовых религиозных преследованиях мусульман на Северном Кавказе, в Центральной России, Поволжье, Урале и Сибири.

Большинство уголовных дел возбужденных против мусульман связаны с вынесенным в закрытом порядке решением Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 года, которым были признаны террористическими и запрещены в России 15 организаций (в 2006 году список дополнен еще двумя организациями), наиболее массовой из которых является исламская партия «Хизб ут-Тахрир».

В некоторых регионах России государственные служащие вмешивались в деятельность исламских организаций, например, пытались назначать и снимать муфтиев. Подобное вмешательство лишь вносит раскол в мусульманскую среду и способствуют усилению позиций ее радикальной части.

В результате в России стимулируется рост национально-религиозной напряженности и углубление расслоения людей по отношению к мировоззренческим ценностям, в свою очередь лежащие в основе сепаратизма.

Нежелание привести государственную политику в соответствие с Конституцией РФ и силовое рефлексирование власти влечет массовые нарушения прав человека, угрожает безопасности государства и лишь усугубляет ситуацию.

Неправомерные (если не сказать преступные) действия силовых структур не выдерживают никакой критики. Милиционеры регулярно врываются в мечети и дома мусульман, оскорбляют, угрожают, избивают людей, не совершивших никаких противоправных деяний.

Кроме роста насильственных акций со стороны российских силовиков, в различных регионах России были зафиксированы многочисленные акты насилия на почве религиозной нетерпимости и ксенофобии: угрозы, нападения, избиения людей, а также погромы, поджоги и другие акты вандализма в отношении культовых сооружений, мест захоронений и домов верующих различных конфессий.

Преподавание конфессионально ориентированных дисциплин в государственной и муниципальной школе выдержано отнюдь не в духе Конституции России, что уже привело к массовым нарушениям прав и конфликтам.

Реализация права лиц заключенных под стражу и отбывающих уголовные наказания в виде лишения свободы на свободу убеждений, совести и вероисповедания препятствует ряд факторов, среди которых можно выделить несовершенство правил содержания заключенных и высокий уровень религиозной ксенофобии (особенно исламофобии) среди сотрудников прокуратуры, следствия, системы исполнения наказаний.

В Вооруженных Силах и других воинских формированиях стало признаком «хорошего тона» иметь молельную комнату либо часовню. Взаимодей-

стве идет только с Русской православной церковью и некоторыми «основными» конфессиями и, как правило, содержит значительный заряд религиозной ксенофобии. Были зафиксированы вопиющие случаи, когда на протяжении длительного времени солдат-срочников, мусульман и представителей других конфессий, водили в церковь в приказном порядке.

В силовых вузах также нередко проходят ксенофобские «антисектанские» мероприятия. Тенденции клерикальной идеологизации научно-образовательных учреждений армии и силовых структур не просто антиконституционны — они представляют серьезную опасность для общества, поскольку направлены на воспроизводство религиозной ксенофобии, нетерпимости и дискриминации. Массовые нарушения прав инаковерующих со стороны силовиков, являются следствием этой системы, основанной на неправомерной селекции религиозных организаций.

И вот на фоне этого наследия путинской религиозной политики гламурный приемник Дмитрий Медведев великолепно смотрится не только со свечкой в православном храме, но и в компании с «традиционными» религиозными лидерами.

Более того, возглавляемая им правительственная комиссия чутко решает проблемы правильных религиозных организаций по передаче в собственность имущества религиозного назначения. Он лично проявляет заботу о моральном состоянии общества, дарит верующим ценные иконы, обещает оказывать помощь в восстановлении церковных объектов (по его словам, на эти цели в 2007 году выделено более 1,5 млрд. рублей, а на период с 2008 по 2010 годы предусматривается выделение более 6 млрд. рублей) и многое другое.

Если этого показалось мало для осознания религиозного масштаба Медведева, то и супруга Светлана является активной прихожанкой РПЦ МП. В конце концов, она возглавила попечительский совет государственно-церковной программы «Духовно-нравственная культура подрастающего поколения».

Действительно, религиозную политику при Медведеве может постигнуть некая «либерализация». Но только в том смысле, что «традиционным религиозным организациям» подбросят из госфондов еще денег и недвижимости. Не исключено, что круг приближенных к власти конфессий несколько расширится ближе к следующим выборам. Вот и вся преисправленность.

Но что касается остальных религиозных организаций, то их неминуемо ждет дальнейшая селекция и зачистка. По-другому религиозная политика никогда не осуществлялась, и сегодня не может. И не важно, станет ли Медведев самостоятельным политиком, или будет до конца срока на подхвате у Путина.

Единственным позитивным выходом для российского общества является безусловное соблюдение конституционных свободы совести и светскости (мировоззренческого нейтралитета) государства, что подразумевает отказ от упомянутой религиозной политики, прозрачность и общественный контроль государственно-конфессиональных отношений. Но об этом ни Путин, ни Медведев пока не говорили ни слова.

5 марта 2008
Портал-Credo.Ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПЕЩЕРЫ КАК РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ СОБИРАЕТСЯ МОДЕРНИЗИРОВАТЬ ЭКОНОМИКУ, ПОДАВЛЯЯ ГРАЖДАНСКИЕ СВОБОДЫ И КОНТРОЛИРУЯ ВЕРОВАНИЯ ЛЮДЕЙ?

Поистине удивительные траектории, наблюдаемые за последние годы на российском идеологическом небосклоне (от «мочить в сортире» до укрепления «вертикали власти», от «суверенной демократии», «сырьевой сверхдержавы» к «модернизации»), поражают не только Запад, но и россиян. Выступая на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума несколько дней назад, президент России Дмитрий Медведев на весь мир заявил планы на ближайшие десятилетия: «Россия должна стать страной, где благополучие и высокое качество жизни граждан обеспечивается не столько за счёт сырьевых источников, сколько интеллектуальными ресурсами: инновационной экономикой, создающей уникальные знания, экспортом новейших технологий, экспортом продуктов инновационной деятельности. Россия должна стать привлекательной страной, куда будут стремиться люди со всего мира в поисках своей особенной мечты, в поисках лучших возможностей для успеха и самореализации, которые Россия сможет дать всем, кто готов принять этот вызов и полюбить Россию как свой новый или как свой второй дом».

Жизнеутверждающая картина «прекрасного далека» (смахивающая на планы строительства коммунизма) была обозначена Медведевым в качестве цели широко пропагандированной ранее модернизации (чуть не сказал электрификации) всей страны: «Эти цели — я в этом абсолютно уверен — реалистичны и достижимы. Главное, что нужно для их претворения в жизнь — это «умная политика», позволяющая, с одной стороны, использовать наши возможности и конкурентные преимущества, а с другой — создающая механизмы постоянного самосовершенствования и развития». Затем были названы пять экономических составляющих будущего успеха, завершившихся то ли заклинанием, то ли попыткой нейтрализации возникших было сомнений: «Дорогие друзья! Мы действительно модернизируем Россию. Перемены требуют времени. Но, можете не сомневаться, мы это сделаем. Главные решения уже приняты. Значительная часть проектов уже работает. Россия осознаёт задачи своего развития и меняется. Меняется и для себя, и для всего мира».

Звучит действительно жизнеутверждающе, но, как известно, экономика взаимозависима с политикой, а они обе являются составляющими общественных отношений. На основании многих горьких уроков (например, кровопролитных мировых войн) человечество осознало, что на современном этапе соблюдение прав человека является важнейшей предпосылкой успешного развития общества. В свою очередь, права человека являются воплощением свободы, крайне важной для самореализации и самоопределения личности. Это значит, что от реальности прав человека зависит не только успешность экономики, но и то, как будут использоваться ее плоды.

Свобода совести как свобода мировоззренческого выбора — основа свободы как таковой, основополагающее право в системе прав человека. Соответственно, свободный мировоззренческий выбор — основа свободного по-

литического выбора, правовой демократии и социального государства.

И российская, и мировая история имеет массу примеров, когда попрание свободы совести приводило к тоталитарной власти и массовым нарушениям прав человека. К сожалению, новейшая российская история исключением не является.

В последние годы в РФ наблюдается продолжающееся углубление кризиса реализации свободы мировоззренческого выбора. Как следствие имеют место многочисленные нарушения свободы вероисповедания и рост ксенофобии, нетерпимости, дискриминации по мотивам религии или убеждений. При этом неверующие также чувствуют себя ущемленными, в том числе и в связи с продолжением незаконной практики государственного финансирования деятельности избранных Кремлем религиозных объединений.

Очевидно, что системные антиконституционные процессы на законодательном уровне не могли не предопределить нарушений прав и свобод человека уже «этажом ниже», то есть на уровне деятельности органов государственной власти, правоприменения и судебной практики. Это кажется невероятным, но в сегодня, в XXI веке, светская по Конституции Российской Федерации скатилась к средневековым религиозным преследованиям. Правда, в роли «неведьм» выступили столь же зловерные и также «на глазок» определяемые «экстремисты».

Во-первых, мы наблюдаем массовые неправомерные преследования мусульман и политику вмешательства власти в дела ислама. Как и в прошлые годы, обоснованием служит необходимость якобы защиты общества от «религиозного экстремизма», «исламского терроризма», «ваххабизма», «хизбутахризма», «нурсизма» и т.п. Есть основания говорить не только о преследованиях конкретных течений в исламе, но вообще любых, не подконтрольных власти и официальным духовным управлениям.

Во-вторых, массовые и системные преследования обрушились, начиная с прошлого года, на российских Свидетелей Иеговы. Одних прокурорских проверок по всей России зафиксировано около тысячи. После признания свободно распространяемых по всему миру изданий Свидетелей Иеговы «экстремистскими материалами» информация о массовых срывах богослужений, изъятиях литературы и имущества, обысках и задержаниях верующих, даже избияниях и увечьях, появляется с пугающей регулярностью.

В-третьих, «антиэкстремистский» предлог был использован для неправомерных ограничений деятельности Фалуньгун в России. В частности, книга «Чжуань Фалунь» автора Ли Хунчжи, отчет правозащитников Дэвида Мэйтаса и Дэвида Килгура, а также два информационных листка о преследованиях в Китае были включены министерством юстиции Российской Федерации в список «экстремистской» литературы на основании решения Первомайского районного суда Краснодар.

Четвертое. По такому же сценарию власть пошла и в отношении российских саентологов. В конце марта 2010 года в отсутствие представителей саентологов, издательства, верующих, которые этими материалами пользовались, целый ряд вероучительных материалов, составляющих основы саентологии, был признан «экстремистским», и, вероятно, эти материалы будут запрещены к распространению на территории России.

Пятое. Многие годы продолжают инициированные «сверху» преследо-

вания верующих Российской Православной Автономной Церкви (РПАЦ). В различных регионах России права верующих РПАЦ грубо попирались — прежде всего, это проявлялось в насильственном выдворении их из храмов и других молитвенных помещений, угрозах, безнаказанных оскорблениях их религиозных чувств, лишении регистрации местных религиозных организаций РПАЦ, других формах административного давления. В целом ряде российских городов верующие неправоммерно были изгнаны из храмов. «Тысячи паломников, принадлежащих к РПАЦ, посещающих город Суздаль, который имеет для них сакральное значение, были лишены физической возможности собираться, молиться и совершать богослужения во всех десяти суздальских храмах, построенных в XVI-XIX веках, переданных властями общинам РПАЦ в 1990-2000-х гг. и восстановленных из руин на средства самих верующих», — говорится в жалобе РПАЦ, направленной в Европейский суд по правам человека.

Кроме того, продолжается усиление давления властей на верующих протестантских общин и ряда новых религиозных движений. Здесь также следует отметить усиление неправоммерных действий представителей правоохранительных органов и силовых структур государства. В частности, продолжается неправоммерная практика задержаний и высылки «религиозных диссидентов» в государства Средней Азии в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Среди ставших уже ординарными проблем, с которыми сталкиваются религиозные объединения, следует отметить: неправоммерные ликвидации (попытки ликвидации) организаций; неправоммерные ограничения в распространении текстов и печатных изданий; проблемы приобретения помещений и земли под строительство культовых сооружений; неправоммерные препятствия в проведении публичных мероприятий; неправоммерные ограничения деятельности религиозных объединений, лидеры которых являются гражданами иностранных государств; неправоммерное вмешательство органов власти и местного самоуправления в деятельность религиозных объединений; препятствия в возвращении законной собственности религиозных объединений; распространение недостоверной и порочащей информации о деятельности религиозных объединений.

Ксенофобия и насилие со стороны силовых структур государства по отношению к членам религиозных организаций стали в современной России едва ли не обычным делом. Как правило, верующие подвергаются неправоммерным преследованиям за мировоззрение, а не за противоправные деяния.

Крайне опасны тенденции в сфере «взаимодействия» силовых ведомств с «традиционными» для власти религиозными объединениями. Эти тенденции нагнетают атмосферу ксенофобии, нетерпимости, разобщения по мировоззренческому признаку, а в конечном итоге приводят к преследованиям, как на уровне коллективов силовых структур, так и на государственном уровне.

Непродуманная, опасная и преступная политика конфессиональных различий — как федерального центра, так и на уровне соответствующих российских регионов — лежит в основе катастрофической ситуации на Северном Кавказе, чреватой распадом федеративной системы РФ.

Дальнейшее привлечение силовых ведомств для обеспечения «духовной безопасности», охраны «канонической территории», борьбы с иностранными

«миссионерами», «тоталитарными сектами» и прочими «ваххабитами» чувствую еще более массовыми преследованиями по мотивам религии или убеждений.

Государственная информационная политика не выдерживает критики, поскольку насквозь пропитана нетерпимостью и ксенофобией, лежащей, в свою очередь, в основе упомянутых нарушений прав человека.

Крайне резким средневековым душком веет от процесса против организаторов выставки «Запретное искусство 2006» и уголовного преследования А. Ерофеева, художественного критика и бывшего заведующего отделом новейших течений Третьяковской галереи, и Ю. Самодурова, бывшего директора Музея имени Андрея Сахарова. Судебный приговор по делу организаторов предыдущей подобной выставки — «Осторожно, религия!» — фактически установил существование государственной религиозной идеологии, даже художественная критика которой преследуется по закону. Сегодня за упомянутую критику организаторам выставки «светят» не только штрафы, но уже реальные сроки.

В Обращении деятелей культуры к президенту РФ говорится, что «уголовное преследование указанных лиц свидетельствует о пренебрежении свободой выражения мнений, гарантированной Конституцией Российской Федерации... Мы абсолютно уверены в том, что Андрей Ерофеев и Юрий Самодуров не должны подвергаться гонениям, и призываем российские власти уважать их право на свободу самовыражения...».

В этих условиях о каком-либо экономическом процветании для широких слоев населения России речь идти не может. Подавление мировоззренческого выбора делает невозможным свободный политический выбор, со всеми вытекающими экономическими и социальными последствиями. Очевидно, что российскую «модернизацию» ожидает та же судьба, что и планы по строительству коммунизма. Кстати, в Советской России свобода совести также пала жертвой идеологической политики официального единомыслия в виде подавления и контроля мировоззренческой сферы, направленной на удержание власти.

Советский период нашей истории показал, что само по себе отделение Церкви от государства без идеологического многообразия не является гарантией свободы совести: господствующее мировоззрение в качестве государственной идеологии служит источником подавления всякого иного. В этих условиях свобода совести не имеет под собой реальных правовых оснований и изначально носит характер пустой декларации.

В современную эпоху нарушения конституционных принципов свободы совести и светскости государства, особенно в многонациональной и многоконфессиональной стране, не могут остаться безнаказанными и обойтись без последствий.

Возврат России во времена массовых религиозных преследований уже создал крайне серьезные угрозы безопасности личности, общества, государства. Приходится констатировать, что проходящий под руководством первых лиц государства Дмитрия Медведева и Владимира Путина возврат к средневековым практикам в области государственно-конфессиональных отношений, сопровождаемый массовыми нарушениями прав человека, идет в диаметрально противоположном направлении с их «модернизационной» риторикой.

Антиконституционная «религиозная политика» фактически перечеркивает все сказанное на Петербургском форуме, поскольку предопределяет разложение демократических принципов и институтов, крушение идеалов гражданского общества, уничтожение остатков гражданского мира в России.

24 июня 2010

Портал-Credo.Ru

ГЛАВА 5 РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА, ВЫБОРЫ

К «ПРАВИЛЬНОМУ» МИРОВОЗЗРЕНИЮ ЧЕРЕЗ САКРАЛИЗАЦИЮ ВЛАСТИ?

Наша демократия умирает молодой.

Власть решила «слегка» подкорректировать ее основные принципы (без которых демократия — и не демократия вовсе) «в соответствии с историческими особенностями России». В том числе по существу отменить светский характер государства, установленный статьей 14 конституции РФ.

Формально, конечно же, светский характер государства пока никто не отменял. Но в том-то и дело, что отмена проходит очень хитро, исподволь. Отдавая предпочтение пусть самой распространенной, но все-таки только одной конфессии, власть выстраивает такую модель государственно-церковных отношений, которая подразумевает «партнерство особого рода» с церковной бюрократией Русской православной церкви (РПЦ) в «делах, представляющих взаимный интерес». В российских условиях такое «партнерство» и такие «дела» приводят к отходу от конституционных принципов, форсированному наступлению на права человека и угрожают целостности страны.

При этом состоящие на службе у власти религиоведы кивают на международный опыт — «европейскую модель», характерную для Германии и ряда скандинавских стран. Но если в этих странах усиливается тенденция к уменьшению вмешательства государства в религиозную сферу, то в России все происходит с точностью до наоборот. Опять возвращается не преодоленное до конца прошлое, наступает время безвременья. Жаль несбывшихся надежд.

Когда в начале 90-х рухнул тоталитарный режим, народ несколько лет пребывал в смятении и растерянности. Наверное, так чувствует себя животное, выращенное в клетке, а затем отпущенное на волю. Разница была только в том, что кроме «пайки» (в виде стандартных «преимуществ» социалистического строя) людей потчевали еще и государственной идеологией, создавая таким образом суррогат смысла жизни.

Однако первые массовые экскурсии за упавший «железный занавес» подтвердили слухи о мнимости загнивания Запада. Растерянность сменилась надеждой. Моментально востребованные астрологи заменили, как оказалось лишь временно, отсутствующую машину государственной мифологизации и благополучно предсказали возрождение экономики и переход к всеобщему благосостоянию в течение ближайших лет.

Как ни странно это звучит сегодня, но для таких радужных прогнозов были веские основания. Россия взяла курс на построение гражданского общества и правового государства. В 1993 году была принята конституция РФ, закрепившая демократические принципы в качестве основы правовой системы. Важнейшей сферой было признано реальное обеспечение прав и свобод человека. Тогда в воздухе над Кремлем и другими гнездовьями власти парила идея (накануне получения западных кредитов интенсивность парения резко

возрастала), что процветание общества, гражданский мир и согласие возможны лишь в том государстве, в котором каждый человек, его права и свободы не только на словах, но и на деле становятся высшей ценностью. (Потом оказалось, что права избранных групп ценнее.)

Особое значение придавалось праву «каждого на свободу мысли, совести и религии», как его определяет ряд международных документов. Это право является системообразующим в системе прав человека. Без его реализации иные права теряют большую часть реального содержания, а из словосочетания «права человека» выпадает «человек».

Поэтому закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» 1990 года, ознаменовавший поражение воинствующего атеизма, как государственной идеологии, стал как бы «ласточкой демократии». Он брал реванш за советский период жизни религиозных организаций и снимал неоправданные ограничения на их деятельность. Увы, после принятия в 1997 году закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» закон 1990 года остался лишь памятником демократии.

Новый закон (от 19 сентября 1997 года) фактически закрепил религиозную дискриминацию и узаконил «возможность участия соответствующих религиозных организаций» в деятельности органов государственной власти. (п. 7, ст. 8). Этому же способствуют и принятые (в превышение установленных конституцией полномочий) в более чем тридцати субъектах федерации законы и подзаконные акты, нарушающие принцип равенства религиозных объединений перед законом. Они вводят разделение религиозных объединений на «традиционные», с одной стороны, и «иностранных миссионеров», «миссионерские общества», «зарубежные религиозные организации», «секты» — с другой.

Так, закон Тульской области «О миссионерской (религиозной) деятельности на территории Тульской области», принятый в декабре 1994 года, был одним из первых и в дальнейшем послужил образцом для других регионов. Он существенно ограничивал деятельность инославных религиозных организаций, предписывал взимание сборов за выдачу разрешений на религиозную деятельность, требовал от миссионеров заранее согласовывать программу проповеднической деятельности с местной властью.

Вслед за Тулой аналогичные правовые акты были приняты в Твери, Тюмени, Костроме, Калуге, Татарстане и других регионах. В некоторых регионах подобными законодательными актами прямо определены привилегированные конфессии (например, в Республике Тыва это шаманизм, буддизм и православие).

В большинстве субъектов федерации Русская православная церковь, опираясь на государство, в том числе на его силовые структуры, обороняет «каноническую территорию» от «иноверцев» и играет «особую роль», непосредственно используя закон «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Причем в правах ущемляются не только экзотические «новые религиозные течения» и прочие маргинальные группы. Повсеместно дискриминируются, в частности, католики и протестанты. Например, Римско-католическая церковь многие годы добивается возвращения костелов в Москве, Смоленске, Орле, Пятигорске, Кисловодске и многих других городах. Баптисты, христиане веры евангельской, адвентисты постоянно наталкиваются на со-

противление, ходатайствуя даже не о бесплатной передаче, а о продаже или сдаче в аренду земли и зданий. В то же время Московская Патриархия получает в собственность колоссальные латифундии и прочую недвижимость.

Власти на местах провоцируют пропагандистские «антисектантские» кампании. Возврат к карательной психиатрии, использование медицины для борьбы с инаковерием также стали реальностью. Преподавание православными священниками религиозных и церковно ориентированных дисциплин вводится во многих государственных высших учебных заведениях, в том числе в военных академиях. В некоторых регионах, например в Курской и Смоленской областях, в рамках общеобразовательной программы государственных средних школ они преподают Закон Божий.

Поистине массовой стала клерикализация армии. В значительной степени этому способствовало подписание в 1994 году договора о сотрудничестве между министерством обороны и Русской православной церковью. В официальном порядке, по правилам военной дисциплины проводятся религиозные церемонии в воинских частях (освящение знамен, ракет, подводных лодок и так далее), что противоречит конституции РФ, а также федеральному закону «О статусе военнослужащих».

30 августа 1996 года тогдашний министр внутренних дел Куликов подписал с Алексием II соглашение о сотрудничестве МВД и РПЦ. В нем есть такие слова: «Появилась настоятельная необходимость в защите граждан от духовной агрессии». Это что такое? Такого правонарушения нет ни в конституции, ни в Уголовном кодексе. Значит, речь идет о законной деятельности граждан, от «духовной агрессии» которых общество должна защищать милиция.

«Агрессорами», судя по логике документа, оказываются все «неправославные», поскольку в нем далее говорится: «История свидетельствует, что Россия всегда была страной великой культуры и великой духовности, в которой православие являлось духовной основой уникального Российского многонационального государства. Возвращение российских граждан к исконным духовным ценностям нашло понимание и поддержку в органах внутренних дел.»

В 1994-97 годах договоры с РПЦ подписали также Федеральная пограничная служба и Федеральное агентство правительственной связи и информации.

Все это очень опасно — фактический отказ от светского характера государства, клерикализация государственных институтов и органов власти неизбежно ведет к навязыванию обществу «правильного», с точки зрения властной элиты, естественно, мировоззрения. Другими словами, власть, выбрав одну из религий в качестве государственной идеологии, делает все для устранения любой другой идеологии.

В результате в России активно формируется юридический механизм ограничений прав человека, основанный на средневековой традиции сакрализации власти, то есть придания ей статуса опекуна несовершеннолетней толпы. Понятное дело, подобный статус требует и соответствующего общественного строя.

подавляя свободу совести де-факто, власть хочет обмануть общество и, скорее всего, обманет. Декларируя свободу совести де-юре, она не хочет, чтобы обман стал очевидным. Ей выгоднее, чтобы все выглядело так, будто люди сами себя обманули.

Сакрализация действующей власти церковью, претендующей на статус государственной, в сочетании с современными избирательными технологиями превращает демократический механизм выборов в фарс. На деле получается нечто среднее между монархией и финансовой олигархией. Чего стоит только досрочный уход Ельцина с целью создания максимально благоприятных условий для «избрания» наследника и неразлучность их обоих с патриархом РПЦ.

Недавние выборы продемонстрировали избирателю широкий арсенал предвыборных технологий, в том числе и так называемых «грязных». Но одно дело, когда властные группы, стремясь остаться у власти, направляют накануне выборов финансовые потоки на свою избирательную кампанию (что вовсе не прибавляет им легитимности). И совсем другое дело, когда речь идет о колоссальных вливаниях из бюджета, а также из государственного фонда недвижимости в пользу определенной конфессии на протяжении всего периода правления. В качестве благодарности, безусловно, подразумевается политическая поддержка.

Именно поддержка РПЦ сыграла далеко не последнюю роль в триумфальном шествии «Медведя» по России. То же самое можно сказать и о поддержке ею же «наследного» кандидата в президенты, ставшей для Путина весьма эффективной подстраховкой. Без сомнения нынешний глава государства ее отработает на богоугодном поприще — льготами, квотами, недвижимостью. В конце концов с помощью «православных по духу» силовых структур разгонит «сектантов»-конкурентов.

Совершенно очевидно, что пределы и характер государственного регулирования в религиозной области отражают истинный курс государства. Любые «специальные» меры, применяемые государством в дополнение к действующей уголовно-правовой системе защиты общества от злоупотреблений в сфере свободы совести, камня на камне не оставляют от свободы совести как таковой. И вполне понятно, что правовое государство и гражданское общество просто несовместимы с клерикализацией государственных институтов, законодательным закреплением жесткого контроля и неравенства других конфессий по отношению к «главной» и «традиционной» религии.

Последствия всего этого могут быть просто катастрофическими. Современная российская история уже показала, что отход от светского характера государства, клерикализация государственных институтов, попрание свободы совести вызывают рост национально-религиозной напряженности.

В «неправославных» регионах России (особенно «мусульманских»), мягко говоря, неоднозначно относятся к демонстрации представителями федеральной власти своих конфессиональных предпочтений. Особенно в последнее время, когда демонстрация эта превышает все разумные пределы. Региональные лидеры в долгу не остаются. Естественно, местный народ (а его воля свята) поддержит «своих правоверных» вождей, а не «чужих православных» федералов. Это уже потом выяснится, что «свои» оказались «бандитами», использовавшими для прихода к власти весьма агрессивную идеологию под видом исконной религии.

Дальнейший сценарий известен: апелляция к имперским силовым доводам в пользу сохранения «территориальной целостности», затем изоляция от цивилизованного мира и, наконец, вечная Чечня. Еще пара подобных «анти-

террористических операций» и о целостности России придется забыть навсегда. Зато можно будет «временно» ввести военное положение, окончательно отменить права человека и выборы.

Вот и получается — власть одной рукой (с православным крестом) провоцирует очаги сепаратизма, а другой (с бомбой) его гасит. В результате Россия изначально лишается шанса на устойчивое развитие. Невозможно возродить экономику в разваливающемся государстве, не устранив факторы развала, одним из которых, несомненно, является национально-религиозный фактор. Глубинной же причиной национально-религиозной напряженности является как раз традиционная для России сакрализация власти, которую сейчас и пытаются вернуть.

12 сентября 2001
иностранец

РЕЛИГИЯ И ВЫБОРЫ, СЕПАРАТИЗМ И ТЕРРОРИЗМ ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КРУГЛОГО СТОЛА

Часть первая

Тема взаимосвязи религии, выборов и терроризма является весьма деликатной и неочевидной, что и наложило свой отпечаток на результаты круглого стола с многообещающим названием «Религия и выборы. Использование религиозного фактора в СМИ и предвыборных технологиях», который состоялся в Москве 24 октября и был организован «Медиасоюзом» совместно с Фондом Конрада Аденауэра (Германия).

Встреча, продемонстрировала, с одной стороны, крайне слабую научную разработанность темы соотношения религии и политики, взаимосвязи этноконфессионального фактора и выборов, а с другой стороны — нежелание ее разрабатывать.

В России имеет место нескрываемое усиление тенденций политизации религии и клерикализации политики, проявляющихся прежде всего в использовании властными группами этноконфессионального фактора в предвыборных технологиях, оказывающих значительное влияние на результаты выборов.

Доминирующее влияние на эти процессы оказывают государственно-конфессиональные отношения, движущиеся в направлении «специального» законодательного выделения «традиционных религиозных организаций» с наделянием последних «специальными» льготами и привилегиями, что способствует их превращению в административный ресурс власти, позволяющий манипулировать индивидуальным, общественным и массовым сознанием.

Одной из главных составляющих современной версии сакрализации власти является клерикализация органов власти и государственного управления, армии, силовых структур, государственной системы образования, что противоречит Конституции РФ и нормам международного права.

Заместитель председателя ОВИС МП о. Всеволод Чаплин, выступая на круглом столе, сказал о том, что РПЦ МП не принимает участия в политической борьбе. Это в какой-то мере соответствует действительности. Участие РПЦ МП в политической жизни вообще и в избирательных кампаниях в

частности ограничивается, как правило, поддержкой власти с целью успешного преодоления ее кандидатами демократических процедур в виде выборов.

Таким образом, РПЦ МП поддерживает только некую партию власти (так вернее) или конкретных политических персонажей, отношения с которыми могут быть выгодны церковному руководству. При этом создается впечатление, что предвыборная поддержка начинается задолго до очередной избирательной компании — сразу после предыдущих выборов. Эта поддержка не всегда носит очевидный характер — такова особенность сакрализации.

Раскрутка избранных «соответствующих религиозных организаций», получающих доступ к ресурсам государства (в т.ч. к информационным) напоминает раскрутку идеологии, имеющей мало общего с личным религиозным опытом и мировоззренческим выбором людей. Наверное, этим объясним парадоксальный результат социологических исследований, отмеченный руководителем центра «Религия в современном обществе» Мираном Мчедловым. В своем выступлении на встрече он отметил, что в России приверженцев религиозных конфессий больше, чем собственно верующих.

Даже сознание людей, считающих себя неверующими, оказалось вовлеченным в сферу религиозного санкционирования в угоду абсолютизации власти и возведения властных групп в ранг «священных».

Показательно, что «Патриарх сразу после выборов 19 декабря 1999 г. стал активно демонстрировать близость Кремлю, напрочь забыв про Лужкова. И это было естественно: Путин как «преемник», а затем и и.о. президента, годился на роль покровителя Патриархии ничуть не хуже... Еще в декабре Патриархия обнаружила, что Владимир Путин расположен к сотрудничеству в большей степени, чем Борис Ельцин. Чего стоила одна передача полномочий 31 декабря, при которой присутствовали не высшие чиновники, не главы палат парламента, не председатель Конституционного Суда, а именно и только Патриарх Московский и Всея Руси. Тогда Владимир Путин попросил у Алексия II благословения на свою деятельность и получил его» [1]. Действительно, «нельзя понять, какой светский правовой смысл имеет присутствие Патриарха при передаче полномочий и «ядерного чемоданчика» от действующего Президента РФ исполняющему его обязанности, но достаточно ясен сакральный смысл передачи Власти, символизированной Могучим Оружием, стареющим Вождем молодому в присутствии Жреца» [2].

Аналитическая служба «Православие—2000», подведомственная «духовнику президента» архимандриту Тихону (Шевкунову), в своем комментарии отметила, что это, конечно, не венчание на царство, но нечто очень похожее. «Представленная картина изображает уже как бы почти установившимся — причем задолго до официальных выборов президента — режим новой русской православной монархии. Собственно, в недрах РПЦ не нова позиция предпочтения авторитарной державности конституционному строю постсоветской России» [3].

За первые месяцы 2000 г. было отмечено многочисленное факты сближения Московской патриархии с «наследной» кремлевской властью. «9 марта 2000 г. Патриарх поручил членам Священного Синода через средства массовой информации призвать православных принять участие в выборах. Необходимо отметить, что Патриарх не ограничился собственным заявлением для

прессе, а поручил членам Синода дополнительно растиражировать предвыборный призыв через средства массовой информации... Призыв повторен 22 марта 2000 г. от имени Межрелигиозного совета России, на заседании которого присутствовали высокопоставленные представители РПЦ МП, Совета муфтиев, КЕРООР и Традиционной Буддистской Сангхи. С аналогичным призывом выступило через два дня и конкурирующее с Советом муфтиев Центральное духовное управление мусульман России и Европейских стран СНГ (ЦДУМ) Талгата Таджуддина. А Патриарх Алексей II счел нужным отдельно выступить с телеобращением на ту же тему в последний день, когда была разрешена агитация, — 24 марта 2000 г.» [4].

[1] Верховский А. Религиозный фактор в парламентской и президентской компаниях в России // Диа-Логос: религия и общество 2000-01. 2001. С.45-46.

[2] Куренной В. Власть и Церковь: мотивы и перспективы сближения // Отечественные записки. №1. 2001. С. 52.

[3] Курикалов Ю. Новые тенденции в российской политики и православия // Диа-Логос: религия и общество 2000-01. 2001. С.101.

[4] Там же. С. 46-47.

31 октября 2002
Портал-Credo.Ru

Часть вторая

Сближение власти и церкви не ограничилось предвыборной риторикой. «Как минимум с февраля началось сотрудничество Церкви (через ОВЦС) с Центром стратегических разработок (ЦСР) Германа Грефа, готовившим путинскую государственную стратегию... Церковь привлекается даже к практической выработке внешнеполитического курса страны. 10 марта 2000 г. митрополит Кирилл обсуждал тему сложного соприкосновения идеологических стандартов при контактах Востока и Запада, но не с журналистами, а с группой слушателей Высших дипломатических курсов, сотрудников МИД, направляемых на работу послами, советниками-посланниками и генеральными консулами, то есть — с дипломатами довольно высокого уровня...» [1].

После эффектной победы Путина сотрудничество власти и церкви вышло на новые ударные рубежи, тем более что до следующих выборов оставалось всего 4 года, а экономических успехов определенно не предвиделось. В тоже время «если часть высокопоставленных чиновников и политических технологов и готова иметь дело со священноначалием РПЦ, то предпочитает видеть в нем пассивную «моральную опору», а не политического партнера» [2]. «Реальная основа разговора о симфонии на сегодня состоит — не более и не менее — в том, что светская власть стремится укрепить свои основы, используя тяготение Церкви к союзу с государством... это не тот вариант симфонии, который мог бы вполне удовлетворить высших иерархов Церкви и гарантировать для нее беспроблемное будущее» [3].

Естественно, непомерные амбиции и соответствующий аппетит руководства РПЦ вызывают у «старших партнеров» раздражение. Заместитель начальника управления по внутренней политике администрации Президента

РФ (теперь уже бывший в какой-то мере из-за этого интервью) М.Мейер в интервью корреспонденту кестонской службы новостей назвал митрополита Кирилла «трудным клиентом» и сказал, что «церковь только занимается интригами, денежными делами и отношениями с государством, меж тем как ее основа разрушается и тает» [4], и дал понять, что многие требования церкви нереалистичны. «Они просили себе 20 или 30 больших зданий в центре Москвы, которые они могли бы сдавать в аренду коммерческим структурам» [5].

Церковь же, в основном устами митрополита Кирилла (Гундяева) настаивала и настаивает на формировании и утверждении системы «традиционных» для России ценностей, и особенно в сфере материальных отношений с государством. Судя по действиям современной российской власти, она недвусмысленно дает знать, что является «достойным» продолжателем традиций использования религии (а точнее конфессий) для удержания власти на сей раз под флагом «возрождения духовности», что неизбежно ведет к ограничению и контролю мировоззренческой сферы, отходу от демократических принципов в области прав человека.

Параллельно с тенденциями сакрализации власти происходит тотальное наступление на основные права и свободы человека. Более того, нарушения конституционных стандартов в сфере свободы совести и религиозных свобод де-факто, имеет тенденцию к закреплению де-юре. Активно формируется ограничительно-запретительная нормативно-правовая база.

Таким образом, сакрализация власти, являясь по сути сверхгрязной технологией, доступной только властным группам, наряду с пресловутым административным ресурсом и прочими предвыборными технологиями, оказывают влияние на легитимность и вообще возможность смены власти мирным путем.

Использование религии в политических целях, сакрализация власти и клерикализация государства формируют некое поле единомыслия, на котором произрастает неограниченная власть.

Неограниченная власть провоцирует на себя реакцию, в том числе в такой крайней форме как терроризм. Сама неограниченная власть сродни терроризму — его катализатор. Она так же аморальна, криминальна и преступна как и терроризм, ибо монополия на власть оснастила терроризм мотивом, основанным на безысходности и отчаянии.

В современной России принцип разделения властей, идеологическое многообразие, свобода совести и светскость государства, призванные ограничить власть в правовом поле, фактически брошены на алтарь сакрализации власти.

В реалиях XXI века сакрализация власти также аморальна и преступна, потому что служит превращению демократических выборов в фарс и воспроизводству авторитаризма.

Формирование современной системы конфессиональных предпочтений федеральной власти, отражает опасную тенденцию и для самого православия — его огосударствления и превращения в идеологию действующего режима в стране, служанку власти. В тоже время, конфессиональные предпочтения, несмотря на явное противоречие с Конституцией РФ, оформляются на уровне закона и подзаконных актов, а значит, являются элементом государственной политики РФ.

Все это способствуют возникновению напряженности между федеральной государственной властью и мусульманами, ощущающими себя дискриминированными, а то и вовсе чужими в России. Более того, дискриминированными чувствуют себя не только мусульмане, а вообще «неправославные». Таким образом, стимулируется рост национально-религиозной напряженности и углубление расслоения людей по отношению к мировоззренческим ценностям, в свою очередь лежащие в основе сепаратизма.

Есть все основания полагать, что в «неправославных» регионах России, мягко говоря, неоднозначно относятся к демонстрации конфессиональных предпочтений представителями федеральной власти (в последнее время сверх всякой меры). Региональные лидеры в долгу не остаются, вплоть до сепаратизма. Естественно, народ поддержит «своих правоверных» регионалов, а не «чужих православных» из федерального центра. Это уже потом выяснится, что «свои» всего лишь использовали религиозную риторику для прихода к власти.

Непродуманная и опасная политика конфессиональных предпочтений федерального центра не просто способствует, а является основной причиной поддержки сепаратистов и экстремистов, рядящихся в религиозные одежды в «неправославных» регионах большей частью населения. Все это чревато не только затяжными вооруженными конфликтами, всплеском терроризма, но и сопряженным с насилием распадом федеративной системы РФ. Кроме Чечни и Дагестана приверженцы «радикального ислама» активно проявляют себя в Адыгее, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии.

Очевидно, что дальнейшее усиление тенденций политизации религии и клерикализации политики, сакрализации власти и клерикализации государства послужит катализатором нарушений основных прав и свобод человека в РФ, усилит этно-конфессиональную напряженность, углубит расслоение людей по отношению к мировоззренческим ценностям, ослабит перспективы формирования гражданского общества и построения правового государства в России.

В контексте темы «Религия и выборы» чистые выборы, это не только соблюдение закона, что отметила Секретарь Центральной избирательной комиссии РФ Застрожная Ольга Кирилловна, но и приведение государственной политики в области свободы совести (включая законодательство) в соответствии с Конституцией РФ.

Мир давно изменился и продолжает стремительно меняться. Но традиционным политическим структурам, основанным на эксплуатации разделительных принципов (в т.ч. и, прежде всего этно-конфессиональных) очевидно это становится в дни социальных потрясений. В США — 11 сентября, в России — 24 октября.

Хватит приближать глобальный конфликт цивилизаций. Пришло время менять политику.

[1] Там же. С. 50-51.

[2] Там же. С. 53.

[3] Курикалов Ю. Новые тенденции в российской политике и православие // Диа-Логос: религия и общество 2000-01. 2001. С.105.

[4] Джеральдина Фейган, Кестонская служба новостей. Кремль не доверя-

ет Православной Церкви, утверждает высокопоставленный российский чиновник. Грани.Ру, 11.09.2001.

[5] Там же.

ПАТРИАРХ И МОНЕТИЗАЦИЯ КАК САКРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ ОТРАЖАЕТСЯ НА УРОВНЕ ЖИЗНИ НАРОДА?

Заявление Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в связи с проведением акций протеста в России вызвало определенный резонанс в обществе и государстве. Авторитетный религиозный лидер и политик высказался по вопросу новой системы социальных льгот (в форме их замены мизерной денежной компенсацией) в том смысле, что а) «эта политика должна быть справедливой и действенной», и б) «находить понимание у народа».

Так как почти весь текст посвящен обоснованию пункта а), то было ясно, что патриарх радует за народ: «Преобразования ни в коем случае не должны лишить людей реальной возможности пользоваться транспортом и связью, сохранить свое жилье, иметь доступ к медицинской помощи и лекарствам».

Факт радения был подтвержден государственным телевидением. Утомленные праздниками «простые россияне» — зрители 1-го канала телевидения, могли наблюдать, как депутаты Госдумы высказываются по этому поводу.

Но все же некоторые робкие сомнения возникли в связи с пунктом б) и призывом, содержащимся в последнем предложении — «хранить мирный дух, помогая справедливому разрешению возникших конфликтов».

Дело в том, что выплывающая на улицы проблема монетизации льгот это лишь капля в море социально-экономических проблем России. Вряд ли Алексий II ничего не слышал о неэффективности и деградации экспортно-сырьевой экономики, основанных на произволе бюрократии и безответственности власти перед обществом. Уже сейчас россияне убывают почти по 1 млн. человек в год, растет разрыв между богатыми и бедными, которых подавляющее большинство. А впереди еще плоды очередных людоедских «реформ»: пенсионной, жилищной, реформы образования здравоохранения и науки.

Политическая «реформа» призвана окончательно закрепить безальтернативность политической системы и сложившуюся систему беспредельной личной власти. Есть основания полагать, что именно эта система породила экономические и социальные проблемы России.

Возникают вопросы: Следует ли ожидать новых заявлений патриарха РПЦ МП в защиту народа? Или заявления будут появляться только тогда, когда возникнет очередная угроза авторитету режима?

Социальная концепция РПЦ МП недвусмысленно намекает на «богоустановленность» власти и «помраченность грехом» человеческой личности. За период перманентного «демократического транзита» России поддержка Московским патриархатом правящего режима коснулась практически всех значительных событий, неоднозначно воспринимаемых в обществе, будь то чеченская кампания или гибель подводной лодки.

Предвыборная сакрализация власти заслуживает особого внимания. Анализ реальной ситуации показывает, что главными политическими игроками «электорального поля» являются власть и РПЦ МП. Взаимодействие между

ними осуществляется в рамках религиозной политики и «специальных» отношений. В результате власть через устойчивую связь и прямую поддержку РПЦ МП получает от нее авторитет-освящение, что позволяет ее креатурам преодолевать демократические процедуры.

В данном случае, многие из 80% православных, которые по версии митрополита Кирилла (Гундяева) «по факту рождения» принадлежат к РПЦ МП, оказываются «верующими» в В.В. Путина и его партию. И это, не смотря на то, что большинство из них не ходит в церковь, а некоторые не верят в Бога.

Результат прошедших президентских выборов в значительной мере был предreshен. Но была проблема явки избирателей. Естественно, Алексей II призвал народ к урнам, сам голосовал и даже агитировал, не смотря на запрет агитации в день выборов.

Проголосовав, Патриарх обратился к журналистам: «Я надеюсь, вернее, я даже убежден, что россияне сделают правильный выбор и по делам будут судить о кандидатах... Надеюсь, наш народ проявит единодушие в избрании кандидата. Какого — я не буду называть». Но все же не сдержался и назвал: «Если народ проголосует единодушно за нынешнего президента, то будет происходить и дальнейшее развитие нашей страны и нашего Отечества... Наш народ мудрый и сделает правильный выбор». В полной тишине, когда Патриарх уже удалился, немецкий оператор, почему-то взглянув на часы, произнес: «Правильно ли я понял, что Патриарх призвал голосовать за Путина?» [1].

Невозможно просчитать в какой мере «религиозная» поддержка помогла решить проблему явки, а значит и исход выборов. Но сам факт участия религиозных лидеров в предвыборной мобилизации говорит о многом. Тем более, что они не могли не понимать какую услугу и кому оказывают.

Предвыборные призывы религиозных лидеров, за редким исключением, не являются прямым нарушением избирательного законодательства. Однако, в данной ситуации религиозные организации показали себя в качестве неких корпораций, озабоченных усилением своего политического влияния и далеких от интересов гражданского общества. А значит, религиозные лидеры несут моральную ответственность за последствия политики, безоговорочно поддержанной ими властью.

[1] Фаляхов Р., Кеворкова Н., Молина М., Матвеева А. Патриарх призвал голосовать за Путина // Газета. 15 марта. 2004.

18 января 2005
Портал-Credo.Ru

ПОМОЖЕТ ЛИ «МАНДАТ НЕБЕС» УДЕРЖИВАТЬ ВЛАСТЬ В XXI ВЕКЕ?

Нынешняя весна ознаменовалась обильными публичными взаимодействиями властных лиц с Русской православной церковью Московского патриархата (РПЦ МП). Причем публичность нередко носила общероссийский характер, так как мероприятия освещались федеральными телеканалами, не говоря уже о более мелких СМИ.

Для начала внимание «простых» россиян приковали к голубым экранам

телевизоров, в которых на пасхальных торжествах в храме Христа Спасителя молились перед телекамерами первые лица государства: президент России Владимир Путин, премьер-министр Михаил Фрадков, глава президентской администрации Дмитрий Медведев, полномочный представитель президента РФ в Центральном федеральном округе Георгий Полтавченко и многие другие. Само собой разумеется, благодатный огонь со Святой земли в храм Христа Спасителя доставила спецрейсом высокопоставленная делегация — во главе с министром культуры Александром Соколовым.

В пасхальную ночь патриарх РПЦ МП Алексей II персонально отметил заслуги президента Путина, который «несколько дней тому назад посетил Храм Воскресения Христова в Иерусалиме и молился у Живоносного Гроба Господня за страну нашу, за всех жителей нашего отечества». «Ваше пребывание ныне на пасхальном богослужении в храме Христа Спасителя для нас особенно знаменательно: сегодня вы как бы передаете нам от Живоносного Гроба благословение», — подчеркнул Алексей II. Не менее высоко была оценена деятельность остального начальства, которое, по мнению патриарха, oversees подвиг на ниве «служения Отечеству и нашему народу».

6 мая 2005 г. по заслугам получили полпред президента РФ в Центральном федеральном округе Георгий Полтавченко и мэр Москвы Юрий Лужков. Патриарх РПЦ МП вручил им по ордену святого благоверного князя Дмитрия Донского, который был учрежден специально к 60-летию Победы.

Как сообщает Интерфакс, Г. Полтавченко награжден за труды по объединению людей вокруг Москвы, «чтобы духовно-нравственные начинания возвратились в народ, осуществляя свою спасительную миссию». Ю. Лужков получил награду за строительство Свято-Георгиевского храма на Поклонной горе, где собственно и состоялось награждение.

Накануне, 5 мая, тем же орденом удостоились многие «силовики» во главе с министром внутренних дел Рашидом Нургалиевым, главнокомандующим внутренними войсками МВД РФ Николаем Рогожкиным, командующим РВСН Николаем Соловцовым, начальником Главного управления воспитательной работы Вооруженных сил Николаем Резником, командующим Воздушно-десантными войсками Александром Колмаковым.

Естественно, орден Дмитрия Донского за номером 1, был вручен Владимиру Путину. Любопытно, что орден номер 2 получил президент Белоруссии Александр Лукашенко.

Каков же смысл, «сухой остаток» участия РПЦ МП в публичных актах освящения некомпетентных, коррумпированных и изрядно зажиревших власть предрежащих? Или не нынешняя власть окончательно превратила Россию в сырьевое государство с нищими гражданами, неэффективной экономикой и базальтернативной политической системой?

В пасхальную ночь патриарх высказал пожелание, чтобы Праздник Победы объединил российский народ. Об этом же, но более подробно, говорится в Послании Патриарха Московского и всея Руси Алексия II по случаю 60-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Показательно, что лейтмотив памяти жертв войны является не главным. Фактически Послание посвящено братскому сплочению в единую семью, единству духа и воли, объединению высокой целью. «Дорогие мои! Общее прошлое объединяет нас, и мы должны быть достойными жертвенного по-

двигая, совершенного нашими отцами и дедами в военные годы... Новые поколения должны достойно хранить завещанное нам братство, скрепленное кровью, пролитой на полях сражений Великой Отечественной войны. Сколько бы лет ни прошло с той далекой поры, память об этом должна жить в сердце народном, чтобы не прерывалась связь времен», — резюмировал Алексей II.

В упомянутом контексте идея единения (в т.ч. жиреющей власти и нищего народа) это и есть санкция небес на существующий порядок вещей, т.е. сакрализация. Естественно, ничего нового в этом нет. Так было «испокон веку», в этом же духе выдержана современная социальная доктрина РПЦ. Та же богоугодная власть и помраченная грехом человеческая личность.

Впрочем, не только церковь поздравляла власть, власть то же поздравляла церковь. В поздравлении Путина говорится о высоком авторитете патриарха: «Многолетняя плодотворная деятельность на посту предстоятеля русской Православной церкви заслужила Вам высокий авторитет и уважение в обществе».

Действительно, РПЦ МП в силу ряда факторов является носителем довольно высокого авторитета. В свою очередь, власть всегда нуждается в авторитете и доверии народа, особенно в контексте избирательного процесса. Публичные, «правильно» освещаемые подконтрольными СМИ, контакты РПЦ и власти являются не чем иным как актами передачи авторитета высокого уровня.

Следует отметить, что разделение на носителя и получателя авторитета носит условный характер, поскольку «сотрапничество» осуществляется на взаимовыгодных условиях. Креатуры власти успешно преодолевают выборы, а РПЦ за счет государственных ресурсов наращивает свои материальные активы, «символический капитал», политическое влияние и даже претендует на монополию (подавляя духовных конкурентов-«сектантов» опять же силой государства) превращаясь в «духовного олигарха».

Кроме выборов, церковь поддерживает власть, «когда надо». В последние годы надо было во время чеченской кампании, в связи с гибелью подводной лодки и даже по поводу монетизации льгот... Ох, не случайно власть озабочена авторитетом церкви.

Не удивительно, что приоритет участия в майских юбилейных торжествах был оформлен только для самой «традиционной» в глазах власти конфессии, что несомненно способствовало росту ее идеологического авторитета. Одно только предоставление эфирного времени на общероссийских Первом канале и НТВ дорогого стоит.

По сообщению Службы коммуникаций ОВЦС, выступление Алексея II в эфире НТВ стало кульминацией продолжавшейся на протяжении целого года юбилейной программы канала «Рождение Победы». 7 мая 2005 года НТВ на протяжении всего дня телевизионного вещания демонстрировала другую видеозапись воспоминаний патриарха «об эпизодах военного лихолетья, запечатлевшихся в его памяти, и о восстановлении церковной жизни после Победы». Выступление повторялось после выпусков информационной программы «Сегодня», выходящей в эфир в 10.00, 12.00, 16.00 и 22.00!

В свою очередь, Первый телеканал в праздничные дни показал интервью предстоятеля РПЦ, который ответил на вопросы о духовном и материальном

вкладе Православной Церкви в общенародную Победу и о специфике церковно-государственных отношений в годы войны.

Отдельный материал был посвящен Первым телеканалом освобождению из нацистского плена будущего протоиерея Василия Ермакова, где решающую роль сыграл родитель будущего патриарха Алексия II, священник Михаил Ридигер, духовно окормлявший соотечественников, содержащихся в лагере для перемещенных лиц.

Естественно у телезрителя возникло впечатление, что именно и только РПЦ МП принадлежит духовная монополия на Великую победу. Тем более, что на тех же федеральных каналах регулярно выходят передачи, посвященные деятельности зловердных «сект».

Подводя итоги торжеств, приходится констатировать, что власти и ее церкви удалось аккумулировать и спроецировать на себя сакрализованную энергию Великой победы для своей пользы. Показательно, что оставшиеся в живых ветераны были не главными на этом празднике. Очень многие участники Великой Отечественной войны 9 мая 2005 г. наверно впервые за 60 лет не смогли пройти традиционным маршем по Тверской улице с площади Белорусского вокзала, так как она была обложена ОМОНОм.

В целом же нынешнее весеннее обострение сакрализации власти говорит о приближении выборов. Возможно, они будут досрочными..., чтобы наверняка. Понятно, что без клерикальной идеологии никак не обойтись, тем более, что экономических успехов и улучшения жизни народа не предвидится.

Власть делает серьезную ставку на освящение себя, и, судя по всему, пойдет здесь до конца, вплоть до законодательного оформления системы вероисповедных предпочтений, ограничений и гонений по образцу дореволюционной.

Правда, все-таки возникают некоторые ретроспективные сомнения. Накануне революций начала прошлого века сакрализация власти была покруче, а религиозная политика, посредством которой эта сакрализация осуществлялась пожестче. Не помогло. Чем закончилось известно.

Может быть, пока не поздно, будем соблюдать Конституцию России и воздадим богу богово, кесарю кесарево, а слесарю слесарево?

Может быть, объединение людей в многоконфессиональной стране возможно только на основе основополагающих конституционных принципов, предполагающих свободу совести каждому, светскость (мировоззренческий нейтралитет) государства, равенство религиозных объединений и граждан, идеологическое многообразие?

Может быть, РПЦ МП пора осознать пагубность для развития России (и самой церкви) средневековых привычек безоглядной сакрализации власти?

Может быть нужно окончательно прервать связь с временами беспредельной власти одних людей над другими (тоталитаризма), когда человеческая личность под благовидными (и не очень) предлогами втаптывалась в грязь, кровь и нищету?

30 мая 2005

Новости в сфере религии www.rsnews.net

ЧИН СВЯЩЕННОЙ ИНАУГУРАЦИИ ПОМОЖЕТ ЛИ КРЕМЛЮ «МАНДАТ НЕБЕС» КОМПЕНСИРОВАТЬ ДЕФИЦИТ ДОВЕРИЯ И ЛЕГИТИМНОСТИ?

В современной России «весеннее обострение» публичного участия чиновников высокого ранга в обрядах РПЦ МП является столь же неизбежным, как и смена времен года. Причем «богоугодные» мероприятия, вопреки Конституции России, носят отнюдь не приватный характер и широко освещаются федеральными телеканалами, не говоря уже о более мелких СМИ. Делается это, разумеется, на средства из «бездонного» кармана россиян, в том числе не принадлежащих и ни на каких условиях не желающих принадлежать к сравнительно молодой по историческим меркам (ее официальное основание историки относят к 1943 году) конфессии.

Ежегодно, строго за несколько минут до схождения Благодатного огня, начинается трансляция государственного телевидения из храма Гроба Господня. И еще ни разу «чудо» не подводило телевизионщиков. Сошел огонь вовремя и в этом году, подтвердив «истинность и благодатность» РПЦ МП.

Так как российская власть тоже нуждается в перманентном подтверждении своей «истинности», то делегацию, летающую за счет упомянутых выше щедрых россиян в Иерусалим за огнем, обычно возглавляют глава ОАО «РЖД» Владимир Якунин и руководитель минкульта (в данном случае — министерства культуры) Александр Соколов.

В светлые Пасхальные дни Благодатный огонь, доставленный VIP-авиарейсом со Святой Земли, передают Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II (Ридигеру) на праздничном богослужении в храме Христа Спасителя.

Зная о необычных свойствах и неземном происхождении Благодатного огня и, вероятно, рассчитывая чудесным образом продлить свою власть, на Пасхальных торжествах в храме Христа Спасителя традиционно молятся перед телекамерами всяческие государственные служащие: президенты, премьер-министры, главы президентской администрации, полномочные представители президента РФ в федеральных округах, мэры и многие другие «важняки».

Но такого, как в этом году, храм Христа Спасителя еще не видел. Ночное Пасхальное богослужение посетили, от души помолившись на патриаршей службе, действующий и избранный президенты РФ Владимир Путин и Дмитрий Медведев с супругами.

Патриарх обратился к Их Высокопревосходительствам с речью, в которой поблагодарил за служение Отечеству и пожелал счастья и радости. «Дай Господь вам силы нести ваши великие подвиги для блага России, которые вы несете. Мы благодарны вам, высокоуважаемый Владимир Владимирович, за те восемь лет вашего президентства. Вы так много сделали для России», — сказал Алексей II (Ридигер).

«Дмитрий Анатольевич, осуществляя нацпроекты, посещал многие регионы и знает, в чем нуждается страна, в чем нуждаются люди. И вам обоим предстоит нелегкий подвиг служения своему Отечеству, служения своему народу», — заявил Патриарх РПЦ МП, почему-то избегая личных обращений к г-ну Медведеву.

Затем В. Путин и Д. Медведев по очереди подошли к святейшему, побла-

годарили его за поздравление и трижды поцеловали его. Кроме того, Путин вручил Патриарху в подарок резную икону «Господь Вседержитель».

Телекартинка получилась хорошая. По данным «Gallup Media», трансляции Пасхального богослужения на Первом канале и на телеканале «Россия» смотрели 27,4% из числа смотревших телевизор в целом по стране. В Москве этот показатель у двух каналов оказался еще выше — 31,1%. Кроме того, кульминационные моменты общения источника и реципиентов благодати (в формулировках политической науки читай «авторитета-доверия») целый Пасхальный день крутили в новостных программах.

Как тут не понять раздражения Владимира Якунина, которому грубо испортили праздник (на Пасху еще и всероссийская забастовка железнодорожников началась), на досадную «утечку» о высказываниях Патриарха Иерусалимского Феофила, поставивших под сомнение сверхъестественную природу Благодатного огня. Если вера в церковные чудеса — это личное дело каждого, то вера в святость и «богоданность» российской власти — это, судя по всему, дело государственной безопасности.

Но в данном случае «интересы государственной безопасности» оказались в зависимости от веры граждан в чудо, поэтому чудо надо было спасти любой ценой. Даже ценой репутации госчиновников и журнала «Русский репортер» (№ 15 (45) от 24 апреля 2008 года), который опубликовал весьма грубо сработанное «интервью с Иерусалимским Патриархом Феофилом».

Более того, в этом году цена сакрализации оказалась связанной с вопросом о легитимности власти вообще, и о способе ее передачи, в частности. Неслучайно, в рамках избирательного цикла 2007-08 гг. власть пошла на новые антиконституционные уступки РПЦ МП и некоторым иным лояльным и «традиционным» религиозным организациям.

Они поддержали партию и фигуры власти на выборах и получили прямое государственное финансирование, недвижимость, привилегии в области религиозного образования, услуги по «усмирению» духовных оппонентов.

Легитимность президентской власти встала отдельным большим вопросом. Представители оппозиции не устают заявлять, что президентские выборы 2 марта 2008 года нельзя считать ни свободными, ни честными, ни законными, поскольку «был нарушен базовый демократический принцип — принцип свободного волеизъявления граждан».

В частности, в заявлении членов Координационной группы по подготовке Общероссийского съезда демократических сил, приуроченного к инаугурации президента Российской Федерации, говорится, что президентские выборы «прошли с огромным количеством нарушений и фальсификаций, что зафиксировано многочисленными наблюдателями, как от российских, так и от международных общественных организаций. Прямые вбросы избирательных бюллетеней, их подделка, отказ в допуске наблюдателей на избирательные участки стали повсеместной практикой».

Вот и решила нынешняя российская власть «компенсировать» грубейшие нарушения демократических процедур и вытекающий отсюда дефицит легитимности некой сакральной «санкцией небес».

Кроме Пасхального освящения огнем, Алексей II (Ридигер) 7 мая принял участие в церемонии инаугурации Дмитрия Медведева, после чего совершил в Благовещенском соборе «закрытый» молебен (присутствовали только не-

сколько клириков, Медведев с «первой леди» и камеры) и благословение нового президента.

Очевидно, что «сухим остатком» от взаимного участия в публичных ритуалах государства и РПЦ МП является сакрализация некомпетентных, коррумпированных и изрядно заживевших власть предержащих.

Соответственно, публичные и «правильно» освещаемые идеологически подконтрольными СМИ постановки, в том числе обрядово-литургического характера, являются не чем иным, как актами передачи авторитета высокого уровня. Собственно, это и есть «санкция небес» на существующий порядок вещей в политике и экономике, в том числе на фальсификацию выборов, тотальную коррупцию как принцип «государственного» бытия, антисоциальную политику захватившей власть «корпоративистской» мафии и тотальные нарушения прав человека — на ту же свободу вероисповедания, в частности. Возможна ли такая санкция на такой «беспредел»? Ответ ясен даже человеку без богословской подготовки. Только «беспредел» этот человек и сам нередко готов считать нормой жизни — дескать, «умом Россию не понять...», «Россия — это большая зона...».

Естественно, ничего нового в этом нет. Так было «испокон веку», в этом же духе выдержана современная «социальная доктрина» РПЦ МП. Та же богоугодная власть, та же безгрешная иерархия и жалкая, помраченная грехом человеческая личность, едва ли смеющая заявлять о каких-то своих «правах», тем более — либерально-демократических, чуждых национальному сознанию великой имперской России.

То, что, несмотря на трагические уроки истории, руководство религиозно-политической монополии не осознает пагубности для развития России (и для самой Церкви) средневековых приемов сакрализации власти, особого удивления не вызывает. В конце концов, на крайний случай, у каждого представителя этого руководства приготовлен запасной аэродром и прикуплена неплохая зарубежная недвижимость.

Но почему этого не понимают руководители многоконфессиональной страны? Почему инициируют системные нарушения основополагающих конституционных принципов, расшатывая основы государственности и вообще элементарной упорядоченности социальной системы? Между прочим, Конституция, на которой присягал Дмитрий Медведев, «не заметивший» грубых ее нарушений при собственном избрании, гарантирует свободу совести каждому, светскость (мировоззренческий нейтралитет) государства, равенство религиозных объединений и граждан (без всякого деления на «традиционные» и «нетрадиционные», обнаружившееся даже в зале инаугурации), идеологическое многообразие? Или же они все понимают, но сознательно нарушают Конституцию России, руководствуясь личными и корпоративными интересами? Но тогда какое значение для них имеет вся эта «игра» в выборы, инаугурации, благословения? Какое холодное сердце, холодные руки и холодный, интеллектуально нейтральный ум надо иметь, чтобы во всем этом участвовать...

В любом случае, невозможно отделаться от ощущения, что обещания из президентской присяги Дмитрия Медведева — «уважать и охранять права и свободы человека» и содействовать «дальнейшему развитию гражданских и экономических свобод» — изначально обречены остаться пустыми словами.

По крайней мере, для верующих и общин, не желающих марать свою Божественную свободу совести о паллиатив средневековой «симфонии властей».

7 мая 2008
Портал-Credo.Ru

УРОКИ ВЛАДИКАВКАЗА ПОЧЕМУ ПОЛИТИКА ПРЕФЕРЕНЦИЙ ДЛЯ «ТРАДИЦИОННЫХ» РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УСИЛИВАЕТ ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ УГРОЗУ?

Очередной кровавый теракт, на этот раз во Владикавказе, вызвал не только резонанс в СМИ, но вереницу заявлений высокопоставленных чиновников и религиозных лидеров. В частности, как сообщает «Российская газета», президент Медведев пообещал найти, наказать, а «если надо», то и уничтожить «этих уродов, этих мерзавцев, которые совершили террористический акт в отношении обычных людей, причем варварский теракт».

Срочно выехавший на место полномочный представитель президента России в Северо-Кавказском федеральном округе Александр Хлопонин сразу взял «ингушско-исламский» след и заявил о подозрениях в адрес боевиков некоего «экажевского джамаата». Хлопонинская версия была немедленно опровергнута министром внутренних дел Республики Игушетия Виктором Поголовым, тем более что ФСБ весной этого года доложила о полном разгроме упомянутого бандподполья.

По случайному, или, скорее всего, неслучайному совпадению в этот день мусульмане отмечали праздник Ураза-байрам в честь окончания поста в священный месяц Рамадан. Как сообщает официальный сайт Совета муфтиев России (СМР), резиденцию «традиционного» для власти председателя СМР муфтия шейха Равиля Гайнутдина в московской Соборной мечети посетил председатель правительства РФ Владимир Путин, поздравивший мусульман от себя и почему-то передавший поздравления от Патриарха РПЦ МП Кирилла (Гундяева).

Накануне утром в Совет муфтиев была доставлена поздравительная телеграмма премьера, которая была оглашена муфтием во время праздничной проповеди. В телеграмме глава правительства выражает уверенность в том, что в России будет широко «востребован богатейший морально-нравственный потенциал Ислама, будет неуклонно крепнуть дружба между нациями и народами и развиваться межконфессиональное сотрудничество».

В ходе личной встречи В. Путин и Р. Гайнутдин затронули тему теракта в Северной Осетии. «В результате этого теракта опять погибли люди. Безусловно, те, кто это делает, — это люди без души, без сердца. У них в прямом смысле слова нет ничего святого. Наш общий долг — бороться с этими преступлениями и с этими преступниками, и мы очень рассчитываем на то, что прежде всего мусульманское население России внесёт в эту борьбу решающий вклад. Я знаю о том, как мусульмане относятся к таким экстремистам. Мы ощущаем их поддержку, особенно в Северо-Кавказском регионе, видим её. Мы благодарны за эту поддержку и рассчитываем, что вместе мы преодолеем все эти трудности», — сказал премьер.

«Будучи на Северном Кавказе, я встречаюсь с мусульманами и от них слышу слова гордости за то, что они первыми восстали против экстремистов и террористов. Если бы мусульмане сами не начали борьбу с экстремистами и террористами, то очень тяжело было бы на территории Чеченской Республики нашим федеральным силам... И мы в дальнейшем тоже будем очень серьёзно вести борьбу с религиозными экстремистами, с террористами», — откликнулся муфтий.

Первые лица российского государства уже многие годы выражают обеспокоенность высокой активностью «экстремистов» в стране и призывают лояльных Кремлю исламских деятелей вести соответствующую работу. Например, президент РФ Дмитрий Медведев на встрече в Соборной мечети с муфтиями России 15 июля 2009 года призвал исламских лидеров к борьбе с «экстремизмом» и пообещал поддержку мусульманскому образованию. «В мире по-прежнему все очень непросто, существуют этнические и конфессиональные конфликты. К сожалению, во многих регионах планеты замечен рост «экстремистских» настроений. И, к сожалению, в России деятельность «экстремистских» организаций является весьма активной», — сказал тогда Медведев.

Если полезным власти религиозным объединениям полагается государственный «пряник», то остальным — «кнул». Наряду с укреплением сотрудничества с «традиционным» исламом, власть подвергает преследованиям представители «иноного ислама». Предлогом служит необходимость защиты общества от «религиозного экстремизма», «исламского терроризма», «ваххабизма», «хизбуттахризма», «нурсизма» и т.п., несмотря на неправовой характер этих понятий.

ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» был принят в 2002 году. В сентябре 2008 года президент Д. Медведев принял решение о создании департамента МВД по противодействию «экстремизму». Федеральный список «экстремистских» материалов к осени 2010 года достиг почти 700 наименований. Список предваряет информация: «На территории Российской Федерации запрещаются распространение «экстремистских» материалов, а также их производство или хранение в целях распространения. В случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, производство, хранение или распространение экстремистских материалов является правонарушением и влечет за собой ответственность (ст. 13 Федерального закона от 27 июня 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» с изменениями на 29 апреля 2008 года)».

В Генпрокуратуре РФ трудятся сотрудники управления по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму. Как сообщает «Интерфакс-религия», «боевики постоянно ведут пропаганду «крайне агрессивного религиозного течения «ваххабизма», осуществляют идеологическую обработку террористов-смертников», — заявил на заседании комитета по правовым и судебным вопросам Совета Федерации заместитель генпрокурора РФ Иван Сыдорук». Вероятнее всего, сотрудники прокуратуры не догадываются, что противоправные деяния некорректно связывать с мировоззренческой сферой, и они не знают, что в России нет мусульман, официально идентифицирующих себя как «ваххабиты».

Совместное распоряжение Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ и ФСБ

РФ от 16 декабря 2008 г. посвящено борьбе с «экстремистскими» идеями. Оно так и называется «О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма».

Понятно, почему массовые преследования «неправильных» мусульман и других верующих являются в РФ предопределенными. Фактически имеют место преследования за мировоззрение, а не за противоправные деяния.

Кроме преследований мусульман, «антиэкстремистский» предлог используется властями против Свидетелей Иеговы, Российской Православной Автономной Церкви (РПАЦ), протестантских церквей, саентологов. Основные религиозные материалы общин «Фалуныгун» и саентологов включены в список «экстремистской» литературы и запрещены к распространению на территории России. Месяц назад в Подмоскovie сотрудниками прокуратуры Щёлковского района Московской области изъято большое количество видео- и аудиопродукции и литературы в рамках уголовного дела в отношении некоммерческого партнерства, занимающегося распространением дианетики и саентологии.

Но не только борьбой с «экстремизмом» наполнены отношения российской власти и полезных для нее религиозных объединений. Сегодня уже многие забыли, но обращения Кремля к «исламскому фактору» стали «изюминкой» избирательного цикла 2007-08 гг.

В Екатеринбурге «единороссами» велась агитационная работа с мусульманским духовенством во время ифтара (ужина по окончании дня поста)¹. Были зафиксированы случаи агитации за «Единую Россию» в мечетях². 6 ноября 2007 года на сайте «IslamRF» было опубликовано Обращение Президиума III Всероссийского мусульманского форума о необходимости предоставления В.В. Путину третьего президентского срока³. Центральное духовное управление мусульман России также заявило о поддержке политического курса, проводимого руководством страны, призвав сограждан проявить активность на парламентских выборах 2 декабря⁴.

Напомним, что электоральной активности на упомянутых выборах была отведена особая роль, поскольку они были заявлены как некий референдум о доверии тогдашнему президенту В. Путину. Естественно, что без высокой явки нельзя говорить о доверии. На встречах с исламскими лидерами 8 ноября 2007 года и с иерархами РПЦ МП 19 ноября 2007 г. В. Путин лично выразил надежду на высокую электоральную активность верующих.

Вскоре на сетевом ресурсе лояльных мусульман, на самом видном месте появился призыв: «Мусульманин, давай на выборы!» За кого голосовать, вопроса не возникает — над призывом портрет президента Владимира Путина, а под ссылкой — рассказ о его встрече с мусульманским духовенством 8 ноября, на которой глава государства попросил в их лице всю мусульманскую общину ответственно и активно поучаствовать в судьбе страны⁵.

Центральное духовное управление мусульман России заявило о поддержке политического курса, проводимого руководством страны, призвав сограждан проявить активность на парламентских выборах 2 декабря. «Мы полностью поддерживаем инициативы государства по сохранению стабильности политического курса и призываем граждан страны не оставаться безучастными к судьбе своей Родины и выразить свою позицию на выборах в Госу-

дарственную Думу РФ 2 декабря 2007 года», — сказано в обращении ЦДУМ, подписанном его президентом во главе с муфтием Талгатом Таджудином.

Глава Совета муфтиев России (СМР) Равиль Гайнутдин, в свою очередь, также рекомендовал имамам в мечетях призывать прихожан идти на выборы.

Кстати, к своему электорату обратились ФЕОР, Конференция католических епископов России и Российский союз христиан веры евангельской.

А 27 ноября, на встрече членов Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте РФ с главой президентской администрации С. Собяниным, представители православия, ислама, буддизма, иудаизма, протестантских деноминаций приняли обращение. «Мы призываем наших единоверцев, всех соотечественников проявить гражданскую зрелость и принять участие в выборах», — говорилось в документе. В тот же день выяснилось, что прийти на избирательный участок — не только право, но и долг каждого верующего человека. Это слова митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (Гундяева), произнесенные в беседе с журналистами по окончании встречи.

Чуть позже целый ряд религиозных лидеров оказали содействие в явке избирателей на президентские выборы 2 марта 2008 года и поддержали кандидатуру предложенного на пост президента России Д. Медведева при назначении В. Путина на пост главы правительства⁷.

Что это, если не использование авторитета религии в качестве инструмента избирательных технологий и манипулирования за счет государственных ресурсов политической поддержки религиозных организаций? В результате власть передержавшие получили неправомерные преимущества в связи со злоупотреблениями служебным положением в области отношений государства с религиозными объединениями.

Проведение антиконституционной политики «кнута» и «пряника» и силовое рефлексирование власти всегда влечет массовые нарушения прав человека и лишь усугубляет ситуацию в сфере безопасности. Привлечение «силовых» ведомств и лидеров некоторых религиозных организаций для борьбы с «религиозным экстремизмом», иностранными «миссионерами», «ваххабитами» и «тоталитарными сектами» чревато новыми конфликтами и еще более массовыми преследованиями по мотивам религии или убеждений.

Постоянное пополнение списка «экстремистской литературы» религиозными текстами в сочетании с применением «антиэкстремистского» законодательства привело к стремительному росту случаев привлечения к административной и уголовной ответственности лиц, не совершивших никаких правонарушений.

Все это не может не вызывать напряженности и даже роста насилия. При этом глубинная причина напряженности между государственной властью и верующими кроется в неадекватной и/или преступной политике «кнута и пряника», в результате которой многие граждане ощущают себя дискриминированными, а то и вовсе чужими в России.

Что касается попыток манипулировать исламскими лидерами, то они лишь вносят раскол в мусульманскую среду и способствуют усилению позиций ее радикальной части. Антиконституционная религиозная политика вмешательства в деятельность религиозных объединений, в том числе государственная поддержка т.н. «традиционного ислама» и неправомерные огра-

ничения т.н. «нетрадиционного ислама», неизбежно вносят раскол и способствуют (по меткому выражению правозащитницы Е.З. Рябиной) принудительной радикализации религиозных объединений. В конечном итоге некомпетентная и преступная политика приводит к нарушениям прав человека, сепаратизму, угрозам безопасности граждан и государства. Ситуация на Северном Кавказе, которую некоторые эксперты называют гражданской войной, является прямым следствием политики нарушений свободы совести и светскости государства.

Представляется, что противодействие любым преступным проявлениям на Северном Кавказе и в других регионах РФ должно разрабатываться на основе соблюдения конституционных принципов свободы совести и светскости государства, и вне зависимости от того, какими мотивами эти проявления прикрываются. Государственным служащим следует прекратить заигрывания с религиозными лидерами. Соответственно, «антиэкстремистские» законодательство, списки литературы и соответствующие структуры должны быть упразднены.

1. На Урале «Единая Россия» агитировала во время ифтара // Портал-Credo.Ru, 3 октября 2007.

2. «Единая Россия» ведет активную предвыборную работу с мусульманами. Ислам.Ру. 4 октября 2007.

3. Обращение Президиума III Всероссийского мусульманского форума о необходимости предоставления В.В. Путину третьего президентского срока // 'IslamRF.ru». 6 ноября 2007.

4. Мусульманские лидеры России призывают россиян прийти на избирательные участки в день выборов в Госдуму // Интерфакс. 23 ноября 2007.

5. Сухов И. «Мы тоже хотим». Исламские лидеры России решили поддержать Владимира Путина на выборах // Время новостей. 23 ноября 2007.

6. Минин С. Веруешь — голосуй сердцем! Религиозные организации определились со своей гражданской позицией // НГ-Религии. 4 декабря 2007.

7. Муфтий Гайнутдин заверил главу ЦИК в том, что российские мусульмане готовы проявить активность на мартовских выборах 11 февраля 2008; Обращение к мусульманам РФ участников расширенного заседания Совета муфтиев России // Официальный сайт Совета муфтиев России. 2008. 14 февраля; Глава Конференции католических епископов России Иосиф Верт призвал католиков принять участие в выборах // Интерфакс-религия. 22 февраля 2008; Протоиерей Всеволод Чаплин призывает отнестись к голосованию на выборах как к проявлению заботы о России // Портал-Credo.ru. 29 февраля 2008; Алексей II призвал поблагодарить Путина за «беззаветное служение России» и подчеркнул важность продолжения его политического курса новым президентом // Портал-Credo.ru. 3 марта 2008; Главный раввин России (ФЕОР) Берл Лазар назвал прошедшее в РФ электоральное мероприятие самыми важными выборами в истории страны // Портал-Credo.ru. 3 марта 2008.

13 сентября 2010

Портал-Credo.Ru

ГЛАВА 6 СВОБОДА СОВЕСТИ И ЕЕ ЗАЩИТА

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ УПОЛНОМОЧЕН ЗАЯВИТЬ ЗАЩИТИТ ЛИ НОВЫЙ РОССИЙСКИЙ ОМБУДСМЕН СВОБОДУ СОВЕСТИ?

На пресс-конференции 16 июня 2004 г. в РИА «Новости» Уполномоченный по правам человека в РФ Владимир Лукин заявил, что проблемы, связанные со свободой вероисповедания, не являются приоритетными в деятельности его структуры.

Свое мнение новый российский омбудсмен (защитник народа) аргументировал низким процентом жалоб по соответствующей проблематике — их всего лишь 0,7% от общего числа обращений. Кроме того, многие из упомянутого процента жалоб возникают из имущественных споров, а значит, лишь опосредованно связаны с нарушениями прав человека.

В общем, логика проста и понятна. Нет жалоб — нет проблем — свободу совести с плеч долой.

Но рассмотрение жалоб, обращений и заявлений граждан и объединений с целью восстановления нарушенных прав это лишь один из пунктов деятельности Уполномоченного. В законе «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (вступившем в силу 4 марта 1997 г.) есть еще пункты, связанные с совершенствованием законодательства Российской Федерации, правовым просвещением и т.д.

Кроме того, по результатам своей деятельности независимый от каких-либо властных органов и лиц Уполномоченный готовит ежегодный доклад, который направляет президенту, сенаторам, депутатам, правительству, генеральному прокурору и судьям высших судов РФ. В случае грубого или массового нарушения прав и свобод граждан омбудсмен вправе выступить с докладом в Госдуме. А по отдельным вопросам соблюдения прав граждан депутатам направляются специальные доклады.

Но и это еще не все возможности Уполномоченного по правам человека. При наличии информации о массовых или грубых нарушениях прав и свобод граждан, либо в случаях, имеющих особое общественное значение, или связанных с необходимостью защиты интересов лиц, не способных самостоятельно использовать правовые средства защиты, Уполномоченный может принять по собственной инициативе соответствующие меры в пределах своей компетенции.

Иными словами всероссийский защитник народа обладает значительными полномочиями, и его деятельность не должна ограничиваться рассмотрением жалоб. В том числе в области свободы совести.

Поначалу так и было. Например, 25 марта 1999 г. тогдашним омбудсменом О.О. Мироновым было подписано «Заключение о проверке соответствия Федерального закона (ФЗ) «О свободе совести и о религиозных объединениях» международно-правовым обязательствам Российской Федерации», по существу подвергающее этот ФЗ довольно жесткой критике [1].

В заключении признается, что ряд положений ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» противоречат Конституции РФ и международным договорам России. В частности, указывается на закрепление Законом привилегированного положения отдельных религий (преамбула п. 4-5); на разграничение между религиозными объединениями и религиозными группами (ст. 6-7), лишаящее последних прав юридического лица (п. 1 ст. 7); на разграничение «традиционных» конфессий и религиозных организаций, не имеющих документа, подтверждающего их существование на соответствующей территории не менее 15 лет (п. 1 ст. 9), что приводит к лишению последних многих прав (п. 3 ст. 27); на дискриминационные лишения статуса религиозного объединения представителей иностранных религиозных организаций (п. 2 ст. 13); на противоречие международным нормам ограничений свободы религии по соображениям «национальной безопасности» (п. 2 ст. 3).

Однако, по словам начальника Отдела совершенствования законодательства аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ «Государственная Дума никак не отреагировала на эти рекомендации и необходимых изменений и дополнений в законе сделано не было. Уполномоченный по правам человека в РФ намерен вновь внести в высший законодательный орган свое заключение и предложить конкретные коррективы в законе» [2]. Повторно свое заключение Миронов не внес и никогда не внесет, так как в феврале 2004 г. его полномочия закончились.

Трудно точно сказать, когда прошла охота повторного внесения заключения. То ли после встреч с лидерами «основных» российских конфессий [3], то ли товарищи по КПРФ [4] отсоветовали? Но известно наверняка, что с некоторых пор Олег Орестович напрочь дистанцировался от проблем реализации свободы совести.

Известно также, что с ноября 1999 г. в Аппарате Уполномоченного начал функционировать отдел по религиозным и национальным вопросам (впоследствии переименованный в отдел по религиозным вопросам и культурным правам). Возглавил отдел и взвалил на себя всю работу по свободе совести М.И. Одинцов, начинавший карьеру еще в Совете по делам религий при СМ СССР.

В Аппарат Уполномоченного Одинцов пришел с кафедры религиоведения Российской академии государственной службы (РАГС) при Президенте РФ, на которой служил профессором. Область научных интересов — история государственной вероисповедной политики и история Русской Православной Церкви.

В докторском докладе М. Одинцова «Государственно-церковные отношения в России (на материалах отечественной истории XX века)» наряду с добротным историческим анализом давались не вполне адекватные практические рекомендации и выводы. Ущербность методологии проявилась главным образом в декларировании приоритета вероисповедной политики перед реализацией конституционных принципов в области свободы совести.

Посредством вероисповедной политики и государственно-конфессиональных отношений в принципе невозможно реализовать свободу совести для каждого. Зато властные группы имеют неограниченные возможности внеправового контроля и подавления мировоззренческой сферы, манипулирования конфессиями в целях удержания власти.

Упомянутый наукообразный идеологический подход предполагает привлечение религиоведов для выполнения заказов власти по обоснованию самодовлеющей вероисповедной политики и реализации политических проектов, в рамках избирательных технологий. Имели место следующие «госзаказы»: обоснование введения термина «традиционная религиозная организация» в правой оборот посредством концепции государственно-конфессиональных отношений, обоснование терминов «религиозный экстремизм» и «духовная безопасность». Кроме кафедры религиоведения РАГС, упомянутым обоснованием занимаются Военный университет и другие «силовые» вузы.

Во все время, чем выше уровень идеологизации религиоведения, тем дороже ее можно продать в личных интересах. Конфессионализация религиоведения предполагает привлечение религиоведов для обслуживания богатых («солидных») религиозных организаций. Дело не ограничивается написанием книг и статей по заказу религиозных организаций (в этом нет ничего плохого, если материалы носят объективный характер).

Религиоведы привлекаются для формирования благоприятного имиджа религиозной организации в глазах госчиновников, не для обоснования того, что организация есть религиозная, а для решения текущих проблем. Наибольшую цену имеют соответствующие «научные» конференции, на которых «солидные» религиозные организации устанавливают «дружбу» с чиновниками, ведающими религиозными делами. Таким образом, продвижение идеологизации одной рукой неразрывно связано с извлечением доходов другой.

Придя в Аппарат уполномоченного, Одинцов исследований не бросил. В 2000 г. он возглавил московскую региональную общественную организацию «Объединение исследователей религии». Объединение, как следует из пресск-релиза в журнале «Религиоведение» (№1, 2001), намеревалось выступить инициатором создания Всероссийской ассоциации исследователей религии.

Однако инициатором создания всероссийской структуры выступил единолично Михаил Одинцов. В 2001 г. он под интересы солидных заокеанских спонсоров начал сколачивать свою личную всероссийскую структуру — Объединение исследователей религии. Статус начальника отдела по религиозным вопросам и культурным правам оказался весьма кстати — в настоящее время предприимчивый «исследователь религии» охватил более половины регионов России.

Коллеги по московской организации не стали играть по правилам, установленным маститым ученым в обход устава. Конфликт с московским «Объединением исследователей религии» завершился исключением М. Одинцова из организации и из редколлегии журнала «Религиоведение». Говорят, что перед ревизионной комиссией М. Одинцов отчитываться не стал, а учредительные документы и печать так и не вернул.

Но вернемся к деятельности отдела. Чем занимался отдел в 2000 г. не известно, так как «Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2000 году», не содержит даже упоминания о правах и свободах человека в сфере свободы совести [5].

А в «Докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2001 году», наряду с мягкой критикой, отмечено:

«Есть все основания утверждать, что в РФ созданы правовые и организационные условия для осуществления гражданами прав в области свободы совести и вероисповедания» [6].

Обращает на себя внимание, что указанный в отчете семинар для журналистов «Свобода совести в правовом государстве: юридический и информационный аспекты» не имеет никакого отношения к деятельности Аппарата Уполномоченного. Да и состоялся он в апреле 2000 г.

Об эффективности защиты свободы совести Аппаратом Уполномоченного в 2002 г. судите сами. Из 287 жалоб, поступивших в Отдел по религиозным вопросам и культурным правам Аппарата Уполномоченного по правам человека, удалось добиться положительного разрешения по 18 жалобам [7].

В 2003 году в Аппарат Уполномоченного поступила информация о 150 случаях нарушения прав верующих и религиозных объединений, из которых к рассмотрению было принято 80 жалоб. О результативности рассмотрения ничего не говорится, кроме того, что «в органы власти субъектов Федерации и местного самоуправления было направлено около 200 запросов по ставшим известными фактам нарушения прав человека» [8].

Самыми распространенными нарушениями свободы совести, зафиксированными Аппаратом являются: отказ в регистрации или перерегистрации религиозных организаций; отказ в возвращении ранее отобранных и на строительство новых культовых зданий; ограничение деятельности религиозных объединений; распространение в СМИ недостоверной информации о деятельности религиозных объединений, отказ в замене воинской службы на альтернативную гражданскую службу.

Однако показателем уровня работы аппарата Уполномоченного в области свободы совести является утверждение, что «в условиях, когда имеющаяся правовая база российского законодательства о свободе совести не используется должным образом представителями органов власти в интересах граждан и религиозных организаций, важным направлением деятельности Уполномоченного становится правовое просвещение государственных служащих».

При такой постановке проблемы, указанные в отчете 2003 г. «три межрегиональных научно-практических семинара в Красноярске, Владивостоке и Волгограде», изначально были направлены на решение задач далеких от проблем реализации свободы совести каждому. Может быть, в том числе потому, что религиозным организациям за участие надо было платить?

Более того, содержащееся в резюмирующей части доклада утверждение, что «для государства задача состоит сегодня в продолжении той конструктивной линии, что наметилась в последние годы и привела к существенным положительным изменениям в осуществлении свободы совести и вероисповедания», говорит об откровенно имитационном характере деятельности аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в этой области.

В целом же за период своего пребывания на посту Уполномоченного по правам человека Олег Миронов сделал много полезного в деле защиты прав народа, но со свободой совести явно не сложилось. Пришлось ограничиться уровнем правоприменения (жалобами), который, как известно, зависит от уровня науки и законотворчества.

В результате омбудсмен ничего не сделал (и даже не сказал) в связи с массированным наступлением на свободу совести в России. Речь идет об ан-

тиконституционных законодворческих инициативах, подразумевающих привилегии для «традиционных» религий, и ограничения для остальных под предлогом борьбы с «религиозным экстремизмом» и за «духовную безопасность». Ничего не сказал омбудсмен и о попытках научного обоснования вышеупомянутых инициатив в форме проектов концепций государственно-конфессиональных отношений и религиозной политики.

По иронии судьбы курс кафедры религиоведения РАГС на научное обоснование борьбы с «религиозным экстремизмом» был озвучен на конференции Объединения исследователей религии в Санкт-Петербурге — «Северная столица — перекресток духовных традиций» (декабрь 2002 г.). Тогда заведующая кафедрой религиоведения РГАС О.Ю. Васильева сообщила о работе над новой концепцией государственно-религиозных отношений, ориентированной на решение задач противодействия «религиозному экстремизму».

Новый Уполномоченный по правам человека В.П. Лукин, если судить по его заявлениям, действиям и кадровым решениям, будет продолжать борьбу за свободу совести в русле своего предшественника (а точнее, имитацию борьбы). Системный кризис реализации свободы совести, являющейся заложницей «вероисповедной политики» и самодовлеющих государственно-конфессиональных отношений, пораженных коррупцией, его определенно не волнует.

Впрочем, удивляться не стоит — идеологический (электоральный) характер участка и текущий политический момент понимать надо.

[1] См.: Защита прав человека. Сборник документов 1998-2000. М. 2001. С. 419-423.

[2] Лебедев А. Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» в свете международных обязательств Российской Федерации // Диа-Логос: религия и общество 2000-01. 2001. С. 161-162.

[3] Как следует из доклада 1999 г., Уполномоченный встречался с патриархом РПЦ Алексием II (Ридигером), главным раввином России А. Шаевичем, председателем духовного управления мусульман европейской части России муфтием Р. Гайнутдином, с которыми «обсуждались вопросы соблюдения прав верующих граждан в РФ, принципа равенства религиозных объединений, светскости государства и государственной школы».

[4] Если судить по программе КПРФ, вера в Бога не только вполне совместима с членством в Коммунистической партии, но и особо оговаривается приоритет «традиционных российских конфессий — Православия, Ислама и Буддизма», интересы которых лоббировались коммунистами еще в Государственной Думе третьего созыва. Отсюда вытекает естественный, по их мнению, союз коммунистов с Православием на основе общих, патриотических ценностей: «Соборность, народность и духовность явились важной предпосылкой восприятия массами идеи социализма» См.: www.kprf.ru.

[5] См.: Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2000 году. М. 2001.

[6] Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2001 году. Российская газета. 18 июля 2002.

[7] Информация о работе Отдела по религиозным вопросам и культурным правам Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Феде-

рации в 2002 году. www.religare.ru 8 мая 2003.

[8] См.: Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2003 году. М. 2004.

8 июля 2004

Портал-Credo.Ru

МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ ПОД АККОМПАНеМЕНТ ЗАКЛИНАТЕЛЕЙ ДЕМОКРАТИИ ПОЧЕМУ НА ВСЕРОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ КОНГРЕССЕ УЖЕ ДВА ГОДА ПОДРЯД НЕ ГОВОРЯТ О СВОБОДЕ СОВЕСТИ?

Всероссийский гражданский конгресс (ВГК) «Россия за демократию, против диктатуры» в его современной форме прошел уже второй раз. Первый состоялся ровно год назад, 12 декабря 2004 года, после очередного «размежевания» в правозащитной среде. Лев Пономарев 11 декабря 2004 г. провел свой «параллельный» форум, на котором была учреждена Правозащитная партия.

В состав оргкомитета «нового» Всероссийского форума вошли известные политики, представители общественных организаций, партий, СМИ и бизнеса, а его руководителями стали председатель Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева, председатель Фонда «ИНДЕМ» Георгий Сатаров и председатель «Комитета-2008» Гарри Каспаров. Но это номинально, а фактически ВГК единолично «рулит» Сатаров, бывший аппаратчик ельцинского призыва, а ныне ведущий российский демократ и борец с коррупцией.

Новое руководство не самым демократичным образом сказало на всероссийском собрании обществу. Во-первых, была резко ограничена всяческая самодеятельность — все приоритеты определялись заранее, попытки принятия «внеплановых» резолюций пресекались «на корню». Если на Всероссийскую конференцию гражданских организаций 2003 года можно было принести проект резолюции в единственном экземпляре, тут же его размножить, раздать и внести на обсуждение, то на ВГК 2004-2005 гг. копировального аппарата уже не было. Более того, даже заранее изготовленные и розданные проекты самым вопиющим образом игнорировались. Так, заблаговременно предложенный на заседании оргкомитета проект резолюции о свободе совести в конечном итоге не стал предметом обсуждения на конгрессе.

Во-вторых, смена руководства отразилась не только на форме, но и на содержании главного демократического форума страны. Особенностью сатаровского ВГК является введение цензуры на «нежелательные» темы. Среди таковых оказалась проблема реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями.

Если на Всероссийской конференции гражданских организаций было принято аж две резолюции по данной проблеме (от Института свободы совести — «О состоянии реализации свободы совести и тенденциях в отношениях государства с религиозными объединениями» и от Л.А. Пономарева, Ю.В. Самодурова, Г.П. Якунина — «Клерикализация — угроза государству и гражданскому миру»), то на обоих ВГК — ни одной! Более того, в общих итоговых документах нет ни одного слова в защиту свободы совести!

Показательно, что цензуре подверглись не только печатные материалы, но

и живое слово. Ведущие заседания Второго ВГК Лидия Шибанова и Андрей Юров не предоставили слова чудом попавшим в список выступающих представителям фонда «Гласность» и Института свободы совести, которые намеревались обратить внимание участников конгресса и правозащитного сообщества на остроту проблемы обеспечения в России свободы совести. Всегда такие действия имели свое название — «заткнуть глотку».

Невероятно, но факт — очень актуальная проблема свободы совести и светскости государства вообще не звучала ни на одном из двух заседаний Всероссийского гражданского конгресса!

Фактически же, подавляющее большинство выступлений имели весьма отдаленное отношение к реальным проблемам российского общества и больше походили на некое заклинание «во имя» демократии. Иными словами, о демократии говорили все, но о реальных механизмах ее утверждения — почти никто.

Трудно судить, в какой мере заявления о единстве оппозиции и «невероятном» успехе объединенных демократов на московских выборах 2005 года будут способствовать победе оппонентов беспредельно заживевшей власти в 2008 году. Но то, что без реализации свободы мировоззренческого выбора (свободы совести) правовая демократия в принципе невозможна, достаточно очевидно. Не случайно, что без подавления этой свободы не обходился (и не обходится) ни один тоталитарный режим.

Отсутствие свободного мировоззренческого выбора делает невозможным свободный политический выбор, со всеми вытекающими экономическими и социальными последствиями. Не может быть реально свободных и чистых выборов без свободы совести. А вот свободы совести в современной России как раз и нет, так как она подминается «религиозной политикой» и поглощается системной коррупцией в области отношений государства с религиозными объединениями. Соответственно, работающий на выборах фактор отношений государства с религиозными объединениями — важнейший аспект и продукт указанной коррупции.

Однако, то, что понятно нынешним студентам 2-го курса, похоже, не ясно лидерам демпартий и правозащитных организаций. Известно, что в советской высшей школе свободе совести не учили, а сами демократические лидеры до понимания важности этой проблемы явно не доросли. В результате, свободу совести, а заодно и другие основы конституционного строя России, сдали без боя, следствием чего и являются многочисленные нарушения религиозной свободы.

Практически во всех регионах нашей страны имеют место несоблюдение принципа правового равенства религиозных объединений; неправомерное воспрепятствование (или ограничение) деятельности религиозных организаций; рост насильственных акций со стороны «силовых» структур государства (неправомерные задержания и аресты, угрозы, избиения, облавы, фабрикации уголовных дел и т.п.), направленные против членов религиозных объединений; рост насилия и актов вандализма на почве нетерпимости и ксенофобии; распространение в СМИ недостоверной и порочащей информации о деятельности религиозных объединений.

Особую озабоченность вызывают преследования «силовиками» мусульман, результатом чего явилось беспрецедентное обращение 400 мусульман Кабардино-Балкарии к В.В. Путину с просьбой о содействии в выезде за пределы

России из-за опасений за свою жизнь и здоровье, «в связи с массовыми нарушениями в КБР конституциональных, гражданских и религиозных прав».

Большинство религиозных организаций говорит о значительном ухудшении ситуации за последние годы. Но это глас вопиющего в пустыне.

Более того, «демократы» неуклюже пытались играть на государственно-конфессиональном поле власти, выступая то за единение людей разных вероисповеданий, то призывая к взаимодействию с «традиционными» религиями, попутно высказывая пожелания, чтобы «религиозных людей в России было больше».

Несмотря на то, что СПС и «Яблоко», по большому счету, против использования религии в политических целях, признание ими свободы совести ограничивается в лучшем случае декларациями. Вероятно, аморфная позиция «демократов» по многим принципиальным вопросам, включая свободу совести, оказала значительное влияние на думский «пролет» 2003 года. Можно с некоторой долей уверенности утверждать, что многие из числа голосовавших «против всех» — это их разочаровавшиеся сторонники.

Однако о сделанных выводах и осознании ответственности перед обществом говорить не приходится. Второй ВГК, фактически превращенный в фарс и площадку самодемонстрации и пикировки VIP-персон, не более, чем лишнее подтверждение нездоровья демпартий и тесно связанного с ними правозащитного движения.

То, что российское общество не смогло защитить свободу совести и светскость государства в современной России и вообще ничего не противопоставило использованию властью авторитета религии в избирательных технологиях, можно списать на молодость демократии и некомпетентность борцов за свободу. Однако внятного ответа на вопрос о том, почему «демократы» и правозащитники уклоняются даже от разговоров о свободе совести, нет. Ясно только, что для молчания есть очень серьезные основания.

14 декабря 2005
Портал-Credo.Ru

«ПРАВАЗАЩИТНИКИ» В МИТРАХ И ПОДРЯСНИКАХ ЗАЩИТИТ ЛИ РПЦ МП ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ?

В современной России, визитной карточкой которой является перманентность «демократического транзита», «управляемость демократией», «вертикаль власти», безальтернативность политической системы и прочие атрибуты авторитаризма, неподконтрольное власти правозащитное движение как бельмо на глазу. Правозащитники уже давно наступают на «больные мозоли» и «портят» «светлый демократический образ» власти перед лицом мирового сообщества, непрерывно сигнализируя о сворачивании демократии и массовом характере нарушений прав человека в России.

После уроков украинской «оранжевой революции», которая состоялась во многом благодаря позиции неправительственных организаций (НПО), российская власть перешла в наступление. Принятый вопреки воле общества Федеральный Закон №18-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», призван ограничить деятельность и поставить

под контроль неудобные для власти правозащитные НПО. Однако со сдержанным оптимизмом можно предположить, что позиция мирового сообщества, сегодняшнее председательство России в «большой восьмерке» и ряд других факторов, не позволят пока репрессировать НПО по полной программе.

Понимая, что предотвратить правозащиту пока не удастся, власть предпринимает попытки ее возглавить, или, на худой конец, заболтать. Русская Православная Церковь Московского патриархата (РПЦ МП), в лице ее профессиональной бюрократии, как проверенный младший партнер власти, взялась за эту сомнительную в плане общественной ценности, но явно нужную для «большого брата» работу.

Впрочем, партнерство сформировалось не сразу. С начала 90-х г.г. при попустительстве правозащитников, демократических партий и общества в целом, по нарастающей идет явная (прямое финансирование, передача недвижимости) и неявная (льготы, квоты и т. п.) передача государственных ресурсов Московской патриархии.

В качестве благодарности последняя, когда надо, поддерживает власть (например, в случаях чеченской кампании, гибели подлодки, массовых протестов в связи с монетизацией льгот и т. п.) и постоянно подсобляет власти своим высоким авторитетом в контексте избирательных кампаний.

Вот и на X Всемирном русском народном соборе (ВРНС) «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке» нашлось место проблемному для власти правозащитному вопросу. Секция так и называлась «Права человека и достоинство личности. Церковно-общественный взгляд». С главным докладом «Права человека и нравственная ответственность» выступил красноречивый заместитель главы ВРНС, председатель Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев).

Митрополит начал издали. «С 1991 года страны, образовавшиеся в результате распада Советского Союза, юридически закрепили права и свободы человека в качестве центральной нормы общественно-политических отношений. И сегодня этот выбор не ставится под сомнение».

Но на каждую бочку меда, у руководителя ОВЦС МП находится ложка дегтя. «Но, с другой стороны, мы становимся свидетелями того, как концепцией прав человека прикрываются ложь, неправда, оскорбление религиозных и национальных ценностей. Кроме того, в комплекс прав и свобод человека постепенно интегрируются идеи, противоречащие не только христианским, но и вообще традиционным моральным, представлениям о человеке. Последнее вызывает особое опасение, так как за правами человека стоит принудительная сила государства».

Против ценности человека известный митрополит также ничего не имеет. «В христианской культуре ценность человека незыблема и объективна. Человек принадлежит к творению Божию, о котором Господь сказал, что «это хорошо» (Быт. 1. 25)». Вот только ценность человека «определяется его ценностью в глазах Божиих», представителями которого, судя по тексту выступления, являются только основные религии мира заповеди которых «совпадают между собой в определении добра и зла».

Далее митрополит Кирилл назвал свободу и права «большим достижением человеческой цивилизации», но при этом отметил, что государство долж-

но учить граждан пользоваться этими правами с учетом нравственных норм в понимании доминирующих конфессий. Если вспомнить, что устам руководителя ОБЦС МП принадлежит тезис, что «у нас моноконфессиональная страна с религиозными меньшинствами» 80% жителей которой, «по факту рождения принадлежат к РПЦ», то становится понятно, кому в России будет дозволено определять критерии добра и зла.

Показательно, что борьба с «деструктивными сектами» является правозащитным приоритетом №1 РПЦ МП. Затем идут «вовлечение людей в преступность, работоторговлю, проституцию, наркоманию, игроманию». По мнению митрополита Кирилла «подобным явлениям надо противодействовать, потому что такие поступки удаляют человека от его достоинства. К борьбе с подобными пороками должно сегодня призываться наше общество, в эту борьбу должна включаться Церковь. С православной точки зрения в этом и состоит смысл правозащитной деятельности сегодня». Получается, что главным правозащитником по версии РПЦ МП является скандально известный «сектоборец» Александр Дворкин.

ВРНС это не первое мероприятие с участием РПЦ МП на правозащитную тему. Первое случилось 1 июля 2004 в гостинице «Даниловская», и хотя называлось круглым столом «Права человека: православный и либеральный взгляд», прошло в режиме брифинга без вопросов и ответов.

Круглый стол запомнился тем, что на нем председатель президентской Комиссии по правам человека и содействию институтам гражданского общества Элла Памфилова выразила готовность сотрудничать с РПЦ МП в «анти-церковной» борьбе.

Затем была конференция «Свобода совести и светскость государства: проблемы и решения», прошедшая 1-2 ноября 2004 г. в стенах Российской академии госслужбы (РАГС) при президенте РФ. На конференции в полном соответствии с замыслом организаторов состоялась скандальная «разборка» между «либералами» и «консерваторами».

А круглый стол «Религия и права человека», прошедший в рамках конференции «Глобальные процессы и религиозное многообразие» (РГГУ, 8 февраля 2006 г.), был посвящен непосредственно обсуждению «правозащитной» концепции РПЦ МП.

Напрашивается вывод что, любое серьезное обсуждение правозащиты от РПЦ МП является заведомо невыполнимой задачей. Дело в том, что в основе настоящей защиты прав человека лежит приоритет прав личности, чуждый природе моспатриархийной Православной Церкви. Разве не очевидно, что правозащитная деятельность в принципе несовместима с сакрализацией власти и борьбой с «сектами», присущими РПЦ МП?

Ведь именно сакрализация власти способствует ее беспредельности (авторитаризации) со всеми вытекающими деструктивными экономическими и социальными последствиями. А продвижение в жизнь общества и государства юридически некорректного идеологического оскорбительного социального ярлыка «секта» разжигает религиозную рознь, нетерпимость и насилие.

Иерархи РПЦ МП любят говорить: «Церковь отделена от государства, но не от общества». Но при этом они не договаривают, что чем дальше Церковь от государства, тем ближе к обществу. И наоборот.

Увы, на протяжении всей истории Церкви было «наоборот». Сегодня, как

и прежде, РПЦ МП тяготеет к превращению в придаток государства и идеологическую служанку власти. Дело пришло к тому, что сегодня РПЦ МП фактически выполняет роль, аналогичную роли идеологического отдела ЦК КПСС. Есть основания говорить о завершении формирования государственной клерикальной идеологии — не терпящей никакой конкуренции и враждебной правам человека и демократии.

Понятно, что сегодня российская власть делает серьезную ставку на освящение себя, тем более, что экономических успехов и улучшения жизни народа не предвидится. Но может быть, иерархам РПЦ МП пора, наконец, осознать пагубность для развития России и самой Церкви средневековых привычек безоглядной сакрализации власти и выполнения идеологических заказов последней?

11 апреля 2006
Портал-Credo.Ru

РОССИЙСКИЙ ОМБУДСМЕН И СВОБОДА СОВЕСТИ ОТ ИМИТАЦИИ ЗАЩИТЫ ДО СОДЕЙСТВИЯ ВОССОЗДАНИЮ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ МИРОВОЗРЕНЧЕСКОЙ СФЕРЫ

Весной 2006 г. был обнародован очередной Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2005 году, в котором российский омбудсмен Владимир Лукин отчитался о своей работе.

В соответствии с частью 1 статьи 33 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» доклад был представлен Президенту Российской Федерации, в Совет Федерации и Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, в Правительство Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации и Генеральному прокурору Российской Федерации.

Среди целей доклада значатся: оценка положения дел с правами человека в России, анализ состояния и динамики наиболее важных правозащитных проблем 2005 года (в том числе в сравнении с предыдущим годом), информирование о действиях, предпринятых Уполномоченным для защиты прав и свобод человека и гражданина и реакции на эти действия государственных органов и должностных лиц.

В докладе нашлось место для раздела «Защита прав граждан на свободу совести», которого в докладе за 2004 г. не было. Тогда все проблемы свободы совести уместились в одном абзаце в разделе «Проблема преодоления этнической и религиозной розни»: «В настоящее время в России наблюдаются разногласия между представителями различных конфессий и религиозных организаций. Имеются случаи необъективного, избирательного, не соответствующего Конституции Российской Федерации отношения властей (особенно на региональном уровне) к различным вероучениям и к практикующим их объединениям граждан».

Кроме того, омбудсмен призвал власть бороться с «религиозным экстремизмом»: «Принципиально важно также, чтобы борьба с этим злом велась не

в рамках периодических кампаний, а на постоянной основе). При этом В. Лукина не смутил неправовой характер термина «религиозный экстремизм», чреватый неправомерными ограничениями деятельности религиозных организаций в России.

В интервью СМИ Уполномоченный по правам человека в РФ Владимир Лукин, приступивший к работе 13 февраля 2004 г., неоднократно заявлял, что проблемы, связанные со свободой вероисповедания, не являются приоритетными в деятельности его структуры, аргументируя свою позицию низким процентом жалоб по проблематике свободы совести относительно общего числа обращений (См.: Сергей Бурьянов. Уполномоченный уполномочен заявить. Защитит ли новый российский омбудсмен свободу совести?).

Однако первые строки раздела доклада-2005, посвященного защите свободы совести, вселяли некоторый оптимизм: «К числу базовых личных прав и свобод, которым гражданское общество уделяет приоритетное внимание, относится право человека на свободу совести, религии, мысли и убеждений».

Впрочем, уже в следующем абзаце докладчик сетует на разногласия мнений о ситуации в области свободы совести и приводит свою оптимистическую оценку: «Однако при всех разногласиях и несовпадениях в оценках следует признать очевидное: в деле обеспечения религиозных свобод и законной деятельности религиозных объединений российское государство продвинулось самым существенным образом, преодолевая наследие тоталитаризма, господства моноидеологии и партийного диктата в мировоззренческих вопросах. Реформировано законодательство о свободе совести и религиозных объединениях; развивается диалог и сотрудничество между государством и церквами; укрепляется авторитет и позиции религии в гражданском обществе; постоянно возрастает количество действующих религиозных организаций, расширяется присутствие религиозных объединений в социокультурной и благотворительной сферах, углубляется межконфессиональный диалог».

Далее автор доклада все же признает некоторые проблемы в области религиозной свободы: «Ежегодно аппарат Уполномоченного получает от 200 до 250 обращений по фактам нарушения права на свободу совести. Почти все они коллективные, и, таким образом, в них отражена позиция тысяч граждан, воспринимающих как ущемление их прав некоторые действия органов государственной власти и местного самоуправления, чиновников, представителей правоохранительных и судебных органов, журналистов и отдельных общественных деятелей. В 2005 году стало известно о десятках подобных случаев в субъектах Российской Федерации, в частности в г. Москве, в Республике Татарстан, Удмуртской Республике, в Московской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областях. В числе заявителей представители различных конфессий: православных (не относящихся к Московской патриархии), старообрядческих, мусульманских, протестантских и других».

В устойчивом перечне проблем отказы в регистрации религиозных объединений; непредоставление земельных участков под строительство культовых зданий и иных объектов религиозного назначения; волокита или отказ в передаче (или возвращении) ранее изъятых в административном порядке культовых зданий и церковного имущества; отторжение у общин вновь построенных или приобретенных ими строений; превышение полномочий сотрудниками правоохранительных органов; недопущение служителей культа к

посещению учреждений системы исполнения наказаний; проведение публичных мероприятий, организуемых некоторыми религиозными (или общественными) объединениями, с требованием запретить законную деятельность других религиозных (общественных) объединений; публикации в СМИ материалов, содержащих заведомо ложную или непроверенную информацию, ведущую к разжиганию религиозной розни и нетерпимости.

Что касается свободы совести, как личного права, гарантируемого статьей 28 Конституции РФ, то «как свидетельствует практика, российские граждане в нынешние времена почти не сталкиваются с ущемлением этого их права».

Это высказывание заведомо не соответствует действительности, так как в современной России имеют место грубейшие нарушения конституционного принципа светскости государства, выражающиеся в клерикальной идеологизации органов власти, силовых структур государства, государственной системы образования, государственных СМИ. А ведь именно светскость государства является одной из важнейших гарантий реализации свободы совести каждому.

Ничего не говорится в докладе о подмене конституционных принципов свободы совести, приоритетом религиозной политики, реализуемой посредством коррумпированных государственно-конфессиональных отношений в интересах власть предержащих.

Таким образом, наличие системного кризиса реализации свободы совести в современной России, следствием чего являются наступление на демократию, значительное ухудшение ситуации в области религиозной свободы, рост ксенофобии, нетерпимости и насилия на их почве, в докладе Уполномоченного по правам человека замалчивается.

Более того, в резюмирующей части доклада для преодоления недостатков в сфере свободы совести предлагается воссоздание органа по делам религий. «Как убедительно показывают события последних лет, России с ее национальным, культурным и религиозным многообразием, возможно, как никогда прежде, требуется специализированная государственная структура по вопросам государственно-церковных отношений, которая отвечала бы за разработку и реализацию общефедеральной государственной политики в области свободы совести. Эту идею в целом положительно воспринимает большая часть российских церквей, конфессий, религиозных центров и организаций. Аналогичные специализированные структуры по делам религий существуют практически во всех европейских странах и повсеместно воссоздаются в постсоветских государствах».

Совершенно очевидно, что упомянутый специальный орган, в случае его воссоздания станет послушным инструментом контроля и подавления мировоззренческой сферы в руках власти. Именно таким органом был Совет по делам религий при СМ СССР, в котором начинал свою карьеру руководитель отдела Аппарата Уполномоченного по религиозным вопросам и культурным правам Михаил Одинцов. Он же является питомцем кафедры религиоведения Российской академии государственной службы (РАГС) при Президенте РФ и автором профильных разделов докладов Уполномоченного по правам человека в РФ.

В указанном контексте «эволюция» докладов от имитации и замалчивания системообразующих проблем в области свободы совести к содействию вос-

создания системы государственного контроля мировоззренческой сферы является закономерной.

Но все же самым вопиющим местом доклада (раздел «Международные проблемы») является оценка и рекомендации по обстановке в Северо-Кавказском регионе. «Трагические события в Нальчике в октябре 2005 года свидетельствуют о том, что в Кабардино-Балкарии в течение продолжительного времени действовало мощное вооруженное подполье, опиравшееся на постулаты радикального исламизма и ориентировавшееся на насильственные, экстремистские действия. В сложившихся условиях, наряду с чисто полицейскими мерами по поддержанию закона и порядка, следует подумать о разработке специальной программы развития традиционного ислама на Кавказе в противовес получившему в последнее время распространение радикальному исламизму».

На самом деле глубинная причина напряженности между государственной властью и исламом кроется в антиконституционной религиозной политике «кнута и пряника», в результате которой мусульмане ощущают себя дискриминированными, а то и вовсе чужими в России. Попытки манипулировать исламскими лидерами (в том числе на основе разделения на «традиционные»-»нетрадиционные») лишь вносят раскол в мусульманскую среду и способствуют усилению позиций ее радикальной части.

В указанном контексте, случившееся накануне трагических событий в Нальчике обращение 400 мусульман Кабардино-Балкарии к В.В. Путину с просьбой о содействии в выезде за пределы России «в связи с массовыми нарушениями в КБР конституциональных, гражданских и религиозных прав», является беспрецедентным.

В обращении говорится о закрытых мечетях, что лишает верующих права на коллективную молитву, дается жесткая оценка силовым структурам. Одной из причин происходящего названо то, что, часть верующих находится в оппозиции к Духовному управлению мусульман КБР: «Оппозиция образовалась из-за справедливой критики методов ДУМ, бездействия в строительстве мечети, в работе с верующими и некоторых расхождений, связанных с религиозными положениями и обрядами. А ведь ДУМ для мусульман, а не для правительства, если на самом деле религия отделена от государства. Из нас сделали врагов. Мы все здесь не угодны и не удобны — говорится в обращении. В начале зарождения исламской религии, пророк Мухаммад и его сподвижники ради спасения своей жизни и религии совершили хиджру (переселение). Мы согласны на хиджру в любую мусульманскую страну. Мы готовы на переезд в любое европейское государство, где соблюдаются элементарные права человека». Как известно адекватных выводов властью не было сделано.

Не делаются адекватные выводы и сегодня, после Нальчика. Об этом можно судить из обращения 59 мусульман от 1 марта 2006 г. в адрес международных правозащитных организаций, в котором они просят правозащитников обратиться в международный суд по правам человека в связи с массовыми нарушениями прав верующих мусульман в КБР.

В обращении говорится: «все наши заявления и жалобы перенаправлены в ГУ Генпрокуратуры РФ в ЮФО и прокуратуру КБР, откуда пришли ответы: «доводы о незаконности действий правоохранительных органов в отношении лиц, исповедующих ислам в КБР, неоднократно проверялись прокуратурой КБР. Вам направлялись обоснованные письменные ответы»,»в этих заявле-

ниях мы указали о массовых нарушениях прав верующих мусульман, пытках, убийствах, незаконных задержаниях, которые имели место как до событий 13 октября, так и после и требовали привлечь виновных должностных лиц к уголовной ответственности».

Кроме того, мусульмане заявляют, что «выступление 13 октября является вооруженным восстанием исключительно против силовых структур КБР, а не терроризмом против мирного населения» и просят правозащитников ходатайствовать и помочь в коллективном выезде из России: «Многие из нас уже не могут и боятся здесь жить. Никакой защиты, никаких гражданских прав. Наши дети не имеют возможности работать, учиться».

Нежелание привести государственную политику в соответствие с Конституцией РФ и силовое рефлексирование власти влечет массовые нарушения прав человека и лишь усугубляет ситуацию. Непродуманная и опасная политика конфессиональных предпочтений федерального центра является основной причиной поддержки сепаратистов, рядящихся в «религиозные одежды», в «неправославных» регионах значительной частью населения. Все это чревато не только затяжными вооруженными конфликтами, всплеском терроризма, но и сопряженным с насильем распадом федеративной системы РФ.

Но об этом в Докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2005 году ничего не говорится, а рекомендации фактически направлены на нарушения прав человека, углубление кризиса реализации свободы совести и развал страны.

4 мая 2006

Портал-Credo.Ru

ОБРАТНАЯ СТОРОНА МАРСА ЧТО МЕШАЕТ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЫ ЗАЩИЩАТЬ ГОНИМЫХ ВЕРУЮЩИХ?

Международная ассоциация религиозной свободы (МАРС) является едва ли ни самой известной организацией в области защиты прав человека на свободу вероисповедания, и имеет филиалы во многих странах мира (более чем в 60), в том числе и в России [1], где он в настоящее время называется «Евразийским отделением».

В представительности Евразийскому отделению (ЕАО) МАРС (до 2002 г. Российское отделение — РО) не откажешь. При создании в июле 1992 года в РО МАРС вошли: РПЦ МП (с 1997 г. — в статусе наблюдателя), Русская Православная Старообрядческая Церковь, Центральное духовное управление мусульман, Католическая Церковь в России, Церковь христиан адвентистов седьмого дня, Российский Союз евангельских христиан-баптистов, Евангелическая Лютеранская Церковь, Союз христиан веры евангельской — пятидесятников, Конгресс еврейских религиозных общин и организаций России (КЕРООР), Буддийская Сангха России. Позднее в РО МАРС вошли: Российский объединенный союз христиан веры евангельской, Ассоциация христианских церквей «Союз христиан», Федерация еврейских общин России (ФЕОР), некоторые другие религиозные организации. Помимо представителей религиозных организаций в состав руководящих органов ЕАО МАРС

входят видные адвокаты и ученые-религиоведы.

ЕАО МАРС декларирует высокие цели: «Содействие распространению принципов свободы совести, религиозной свободы и защита всеми законными средствами права каждого человека на выбор и исповедание религии или отказ и того и другого в соответствии с личным выбором» [2].

Таким образом, условия для успешной борьбы за религиозную свободу у этой организации есть. Однако реалии современной России дают мало оснований для оптимизма. Более того, в последние годы появляется все больше оснований сравнивать ситуацию в области свободы совести с советскими репрессиями инакомыслящих и инаковерующих. Например, в письме служителей незарегистрированных церковей евангельских христиан-баптистов, направленном на имя президента России, сообщается, что «снова подняты дела на верующих ЕХБ, собранные и составленные в годы репрессий», а также о том, что «соответствующие органы государственной власти намерены приступить к физическому устранению христиан, оказывающих или потенциально способных оказывать влияние на своих единоверцев, чтобы они неуклонно держались учения Иисуса Христа и твердо стояли на позициях независимости Церкви от государства». «Из опыта прошлых лет мы знаем, что достаточно эффективно для достижения поставленной цели могут послужить технические средства, медицина, имитация самоубийств, автокатастроф, несчастных случаев и т.д.», — говорится в письме баптистов Путину.

Кроме того, беспокойство служителей незарегистрированных церковей евангельских христиан-баптистов вызывает то, что «уже не один год, вопреки Конституции России (ст. 71, п. «в» и ст. 72, п. «б»), в субъектах государства вырабатываются и внедряются нормативные документы в области прав человека, направленные на ограничение свободы проповеди Евангелия. Такие Законы уже приняты в Белгородской, Магаданской, Смоленской, Курской областях, а также в других субъектах РФ» [3]. Отражено ли все это в итоговых документах конференций, круглых столов, а также в публичных высказываниях руководства ЕАО МАРС? Например, 26-27 ноября 2002 года в Москве прошла юбилейная конференция «Свобода совести — важное условие гражданского мира и межконфессионального согласия», на которой были подведены итоги 10-летней деятельности Российского отделения МАРС.

Показательно, что принятие итогового документа прошло тогда практически без обсуждения, и в нем не нашли достаточно полного отражения ухудшение ситуации с религиозной свободой и усиление антиконституционных тенденций в области свободы совести в России (особенно в связи идеей «специального» юридического выделения «традиционных религиозных организаций» с наделением их льготами и привилегиями в обмен на политическую поддержку власти), отмеченные некоторыми участниками.

В заявлении, распространенном Институтом свободы совести в связи с результатами той конференции говорится, что МАРС «ориентирован на решение корпоративных интересов, даже в ущерб свободе совести каждого человека и общества в целом, и вообще не способен иметь и выражать принципиальную позицию в связи с вышеупомянутыми антиконституционными тенденциями» [4].

В правильности своих выводов представители Института могли удостовериться 19 января 2003 г., когда тогдашний президент ЕАО МАРС А.А. Кра-

сиков встретился с членами американской Комиссии по международной религиозной свободе [5], посетившей Россию с 17 по 25 января 2003 г. Президент ЕАО МАРС дал высокую оценку состоянию религиозной свободы в России и с оптимизмом сообщил членам комиссии, что статьи ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 года, которые раньше вызывали неприятие многих верующих, получили корректную интерпретацию в четырех постановлениях Конституционного суда РФ. «Попытки провести массовую чистку религиозных объединений провалились, — сообщил Анатолий Красиков. — До принятия закона в России было 16 тысяч религиозных объединений, а в 2002 году их насчитывалось 20 тысяч» [6].

Любопытно, что 26 ноября 2003 г. на V российской конференции «Методология и методики преподавания религиоведческих дисциплин в высшей школе», прошедшей во Всероссийской государственной библиотеке имени М.И. Рудомино, А.А. Красиков вспомнил о своей работе корреспондентом ТАСС в Ватикане. В частности, почетный президент ЕАО МАРС рассказал о поставленной тогда задаче: «Показывать всем, что у нас есть свобода совести».

16 ноября 2004 г. в московской гостинице «Россия» состоялся круглый стол «Государственно-конфессиональные отношения», организованный ЕАО МАРС при участии кафедры религиоведения Российской академии государственной службы (РАГС) при президенте РФ.

Выступление представителя Института свободы совести прозвучало диссонансом в сервильном хоре борцов за религиозную свободу. Он рассказал о кризисе свободы совести, в значительной мере обусловленном продвигаемой кафедрой религиоведения РАГС религиозной политикой; коррупционным характере государственно-конфессиональных отношений; использовании фактора упомянутых отношений в избирательных технологиях [7]. В завершение заседания на обсуждение был вынесен проект обращения к президенту В.В. Путину. Замечаний оказалось слишком много, и до голосования дело не дошло. Тем не менее, обращение было доработано «в рабочем порядке» и отправлено адресату. В обращении выражается признательность В.В. Путину «за личный вклад в развитие сотрудничества с широким кругом религиозных организаций», поддерживается его решимость «и впредь гарантировать исполнение Конституции России». (Прошедшие три года показали, насколько искренней была эта решимость). Далее было написано, что за «последние 15 лет в Российской Федерации сложились правовые основы цивилизованных государственно-конфессиональных отношений», главные препятствия в данной области связаны с «периодом господства коммунистической идеологии», «активизацией международного терроризма на территории Российской Федерации, а также фундаменталистских и экстремистских течений, использующих религиозные лозунги для разжигания межнациональных и межрелигиозных противоречий», со злоупотреблениями региональных чиновников [8].

Не менее любопытно заявление ЕАО МАРС об «Обращении участников Международной конференции «Тоталитарные секты и демократическое государство» (Новосибирск, 9—11 ноября 2004 года)», адресованное президенту, депутатам Федерального Собрания, полномочным представителям президента РФ в федеральных округах и органам исполнительной власти Российской Федерации. Авторы документа выражают сожаление, что в упомянутом

«Обращения» используются выражения, не имеющие юридического содержания. К таковым, по их мнению, относится понятие «тоталитарные секты». А вот иные неправовые термины — «деструктивные секты», «традиционные религиозные организации», — как можно заключить, принадлежит правовому полю.

ЕАО МАРС не идет на прямой конфликт с властью, когда та открыто нарушает принципы религиозной свободы, а считает более полезным, ценой известных компромиссов, встраиваться в сложившуюся систему государственно-конфессиональных отношений. Наглядной иллюстрацией этому служит позиция ЕАО в отношении закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», новейших тенденций религиозной политики и трансформации законодательства о свободе совести.

Однако, летом 2005 г. в деятельности ЕАО МАРС наметились здоровые тенденции. 23 июня 2005 г. в конференц-зале фонда Российского общественного политического центра состоялось заседание совета экспертов ЕАО МАРС на тему: «Договоры о социальном партнерстве между религиозными организациями и государством: практика, проблемы, перспективы». Большинство экспертов высказались против сложившейся практики договоров о социальном партнерстве между государством и религиозными объединениями. Было отмечено, что заключение договоров с узким кругом религиозных организаций оказывает негативное воздействие на реализацию принципов свободы совести, светскости государства, равенства религиозных объединений и противоречит российскому законодательству. Впервые за последние годы принципиальная позиция экспертов нашла свое отражение в итоговом документе [9], который был принят по результатам заседания [10]. Поначалу, правда, предлагалось принять очередное верноподданническое обращение В.В. Путину, содержащее один пункт: «В свое время мы приветствовали создание Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и с большим удовлетворением встретили сделанное Вами на заседании Совета 29 сентября 2004 г. заявление о необходимости «и дальше развивать сотрудничество религиозных объединений и государства, сотрудничество в интересах решения общенациональных задач». В связи с этим просим Вас дополнить Положение о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации пунктом об участии Совета в разработке современной концепции взаимоотношений государства и религиозных объединений как об одной из основных функций Совета» [11].

Далее ситуация вокруг итогового документа и вовсе приняла скандальный характер, поскольку тогдашний президент ЕАО МАРС Ф.В. Шелов-Коведяев обнародовал окончательный вариант документа, в значительной мере расходящийся с принятым за основу. 4 июля редакция сайта «Религии и СМИ» получила от Ф.В. Шелова-Коведяева текст итогового документа, который называется «Резолюция группы экспертов ЕАО МАРС». А вот как теперь уже бывший президент Ф.В. Шелов-Коведяев прокомментировал «Религии и СМИ» появление двух версий резолюции, которые существенно отличаются друг от друга по смыслу: «В той резолюции, которую я представил на суд общественности, содержатся только те формулировки, которые были одобрены консенсусом. В Интернете был вывешен текст, который вообще-то явля-

ется личным мнением одного из экспертов, а именно Сергея Иваненко. Этот проект действительно обсуждался, и в итоге его решено было скорректировать, так как к нему были серьезные замечания, в частности, со стороны Андрея Себенцова, который указывал на излишнюю резкость формулировок этого документа». 26 октября 2005 г., на заседании совета ЕАО МАРС, Ф.В. Шелов-Коведяев был освобожден от должности президента.

Несколько иные тенденции продемонстрировала 21 декабря 2005 г. научно-практическая конференция ЕАО МАРС «Свобода религии, нравственность и ответственность в российском обществе». По ее результатам был принят достаточно аморфный итоговый документ [12]. В нем вновь звучат верноподданнические нотки в адрес г-на Путина: участники конференции приветствуют «высокую оценку Президентом Российской Федерации В.В. Путиным возможностей равноправного межконфессионального диалога в деятельности, направленной на преодоление идеологии цивилизационного раскола [«фирменное» выражение митрополита Кирилла (Гундяева) — ред.] и террористической агрессии». Далее говорится что, «в России необходим авторитетный межконфессиональный консультативный совет, в котором были бы представлены основные централизованные религиозные объединения. В интересах активизации равноправного межконфессионального диалога целесообразно расширение состава Межрелигиозного совета России, в первую очередь за счет включения в его состав представителей старообрядчества, протестантских и католической церковей». В качестве позитива предложено следовать резолюциям Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). Когда автор этих строк обратился в ЕАО МАРС с просьбой предоставить данные о нарушениях в области религиозной свободы в России, выяснилось, что организация их вовсе не имеет! Иными словами, организация не занимается даже мониторингом нарушений, касающихся своих религиозных организаций-членов.

7 декабря 2006 года в Москве прошла еще одна научно-практическая конференция «Свобода религии и права человека», организованная ЕАО МАРС и Институтом Европы РАН. В качестве итоговых документов были предложены проекты Заявления участников конференции «Свобода религии и права человека» (внесен руководством ЕАО МАРС) и Резолюция «О религиозном образовании в государственной школе» (внесен Институтом свободы совести). За основу был принят внесенный руководством МАРСа проект, вновь воспеваящий великого Путина: «Выражаем решительную поддержку курсу на укрепление межрелигиозного мира и согласия, воспитание толерантности к людям различных вероисповеданий, противодействие международному терроризму и экстремизму, проводимого Президентом Российской Федерации В.В. Путиным». (Правда, в окончательную редакцию Заявления [13] эти слова все-таки не вошли.) Далее дается высокая оценка президентских и правительственных органов, действующих в области государственно-религиозных отношений: «В современной России на федеральном уровне сформировался эффективный механизм, содействующий межконфессиональному миру, диалогу и конструктивному взаимодействию, включающий Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, Комиссию по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ и другие совещательные органы». В области СМИ делается намек на необходимость цензуры: «Мы считаем чрез-

вычайно важным исключить злоупотребление возможностями СМИ, в том числе конфессиональных, в качестве трибуны для пропаганды и проповеди воззрений экстремистских и радикальных групп и течений». О проблеме религиозного образования говорится, что необходимо преподавать основы мировых религий, а последним пунктом значится робкое «чувство тревоги в связи с участвовавшими актами насилия, терроризма, ксенофобии, агрессивного национализма и дискриминации по отношению к религиозным меньшинствам». В качестве решения проблемы предлагается популяризация отмечаемого 16 ноября «Международного дня толерантности».

Что касается проекта Резолюции «О религиозном образовании в государственной школе», то его руководители МАРСа даже не поставили на голосование. Проект Резолюции подвергает критике практику преподавания конфессионально ориентированных дисциплин в государственных и муниципальных образовательных учреждениях России и констатирует антиконституционность законодательных инициатив, направленных на введение конфессионально ориентированных дисциплин в рамках регионального и/или федерального компонентов образовательной программы государственных образовательных учреждений.

Те, кто отказались рассматривать эту резолюцию, дали понять, что выступают против принятия государственными лицами и структурами срочных действенных мер по приведению практики преподавания «Основ православной культуры» (и других конфессионально ориентированных дисциплин) в государственных образовательных учреждениях в соответствие с действующим законодательством и Конституцией России. Именно это требование содержится в проекте отвергнутой Резолюции.

Способны ли в принципе конфессионально ориентированные структуры защищать религиозную свободу для всех (не говоря уже о свободе совести для каждого), занимать объективную позицию и выступать с острой критикой властей, проводящих дискриминационную религиозную политику? Справедливо ли позиционирование таких структур как правозащитных? Едва ли, если замалчиваются системообразующие проблемы и постоянно выражается «решительная поддержка» антиконституционной религиозной политике власти.

Насколько соглашательская и/или молчаливая позиция в отношении такой политики является моральной и ответственной по отношению к жертвам гонений за веру, к верующим, к обществу в целом?

Примечания:

[1] МАРС учреждена в США в 1893 году лидерами Церкви христиан адвентистов седьмого дня. Зарегистрирована в США как некоммерческая неправительственная общественная организация (International Religious Liberty Association). По традиции, генеральным секретарем ЕАО МАРС является адвентист.

Евразийское отделение (до 2002 г. Российское) было учреждено в июле 1992 года и зарегистрировано как автономная некоммерческая организация. Руководство отделением Ассоциации осуществляется Советом под председательством президента с участием генерального секретаря. Первым президентом российского отделения МАРС был избран правозащитник В.В. Борщев.

Его в 1996 году сменил на этом посту нынешний руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН А.А. Красиков. В конце 2003 года президентом ЕАО МАРС был назначен экс-заместитель министра иностранных дел РФ Ф. Шелов-Коведяев, а А.А. Красиков стал почетным президентом ЕАО МАРС. В конце октября 2005 года Ф. Шелов-Коведяев покинул пост президента ЕАО МАРС по причине принципиального несогласия большинства членов Совета ЕАО МАРС с политикой руководства. До декабря 2006 года обязанности президента исполнял первый вице-президент ЕАО МАРС Абдул А. Нуруллаев. 7 декабря 2006 года президентом ЕАО МАРС был избран Ю.Г. Носков.

[2] Устав Евразийского отделения МАРС // Свобода совести — важное условие гражданского мира и межнационального согласия. К 10-летию Российского отделения МАРС. Материалы юбилейной международной конференции. (Москва, 27-28 ноября 2002 года). М. 2003.

[3] <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=48720&cf=>.

[4] Бурьянов С.А., Мозговой С.А. Проблема реализации свободы совести и тенденции в отношении государства с религиозными объединениями в России. М. 2004. С. 150-151.

[5] Федеральная правительственная Комиссия США по международной религиозной свободе — создана в 1998 г. Осуществляет мониторинг в области свободы совести и религии во всем мире, а также предоставляет практические рекомендации президенту, госсекретарю и конгрессу США. В Россию Комиссия приезжает с 1999 г. и уже опубликовала несколько обзорных документов.

[6] По сообщению информационного агентства «Благовест-инфо».

[7] Государственно-конфессиональные отношения. Вид с МАРСа // Портал-Credo.Ru, 18 ноября 2004.

[8] Обращение к Президенту Российской Федерации В.В. Путину Евразийского отделения Международной ассоциации религиозной свободы // Информационный бюллетень Уральского филиала ЕАО МАРС. № 5. 2005. С.8.

[9] Итоговый документ заседания совета экспертов ЕО МАРС 23 июня 2005 г на тему: «Договоры о социальном партнерстве между религиозными организациями и государством: практика, проблемы, перспективы» (принят за основу) // Портал-Credo.Ru, 24 июня 2005.

[10] Эксперты МАРСа считают, что практика договоров о социальном партнерстве между государством и религиозными объединениями противоречит российскому законодательству // Портал-Credo.Ru, 24 июня 2005.

[11] Архив автора.

[12] Заявление участников научно-практической конференции «Свобода религии, нравственность и ответственность в российском обществе». Москва, 21 декабря 2005 года // Портал-Credo.Ru, 3 января 2006.

[13] Заявление участников научно-практической конференции «Свобода религии и права человека», организованной МАРС и Институтом Европы РАН. Москва, 7 декабря 2006 г. // Портал—Credo.Ru, 13 декабря 2006.

18 декабря 2006
Портал-Credo.Ru

НА СТРАСБУРГ НАДЕЙСЯ, А САМ НЕ ПЛОШАЙ!
ПРАВООЗАЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ — ЕДИНСТВЕННАЯ СИЛА,
СПОСОБНАЯ НАЛАДИТЬ СИСТЕМНУЮ РАБОТУ
ПО РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ СВОБОДЫ СОВЕСТИ
И СВЕТСКОСТИ ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Низкая эффективность судебной ветви власти в России привела к тому, что ряд дел, касающихся защиты свободы вероисповедания в стране, был признан приемлемым для рассмотрения Европейским Судом по правам человека (ЕСПЧ).

На сегодня Европейский Суд рассмотрел по существу два дела из России. В обоих случаях жалобы религиозных организаций были удовлетворены. 5 октября 2006 года ЕСПЧ удовлетворил жалобу Московского отделения «Армии Спасения» на отказ национальных властей в перерегистрации в качестве юридического лица. Решение по делу «Кузнецов и другие против Российской Федерации» касательно срыва религиозной встречи «Свидетелей Иеговы» и несправедливого судебного разбирательства по их делу Европейский Суд по правам человека вынес 11 января 2007 года.

Данные решения ЕСПЧ обнадежили гонимых верующих, отчаявшихся добиться справедливости посредством судебной системы России. Речь идет не только о защите нарушенных прав непосредственно самих заявителей, но и о том, что если российские чиновники впредь будут сталкиваться с подобными ситуациями, то они должны учитывать решения ЕСПЧ при их разрешении.

Решение Европейского Суда является обязательным для государств, признавших его юрисдикцию. Регулярное неисполнение решений Суда чревато приостановлением членства государства в Совете Европы. За всю многолетнюю практику не было зафиксировано ни одного случая неисполнения государствами-членами Совета Европы решений Суда. В то же время, пока не нет и ни одного намека на то, что Россия собирается исполнять решения ЕСПЧ по вопросам защиты свободы вероисповедания!

Тем не менее, даже несмотря на существующие недостатки в функционировании Европейского Суда по правам человека в Страсбурге (главным из которых является длительность сроков рассмотрения дел), он является важным инструментом защиты религиозной свободы. Проблема в том, что в России этот инструмент пока не используется достаточно широко. Возможно, основная причина этой проблемы в том, что обращаться в ЕСПЧ с жалобами могут только те граждане РФ, которые исчерпали все национальные средства защиты своих нарушенных прав. Естественно, далеко не все жертвы нарушений имеют силы и средства пройти через тернии российской судебной системы, через все круги коррумпированной бюрократии, через угрозы и нападения «силовиков», а затем еще пять лет ждать справедливости от Европейского Суда.

Кроме того, дела, о которых речь шла выше, касаются лишь малой части огромного массива нарушений свободы вероисповедания. А этот массив, в свою очередь, является следствием системного кризиса свободы совести в России.

Свобода совести как свобода мировоззренческого выбора гарантируется

Конституцией России (ст. 28) и является основой свободы как таковой, системообразующей функцией в системе прав человека. Без свободного мировоззренческого выбора невозможна свобода политического выбора и демократия.

Поправление свободы совести неизбежно ведет: а) к формированию безальтернативной тоталитарной политической системы; б) к авторитаризации власти; в) к массовым нарушениям прав человека; г) к росту ксенофобии, нетерпимости, дискриминации и насилия на их почве.

В современной России нарушаются не только права верующих и религиозных меньшинств, игнорируются права неверующих, но и подавляются свобода мировоззренческого выбора как таковая, размываются демократические принципы, составляющие основу конституционного строя.

Одной из важнейших причин кризиса свободы совести в нашей стране является нарушение конституционного принципа светскости (мировоззренческого нейтралитета) государства (ст. 14), которая на деле подменяется клерикальной идеологизацией государственных органов, в том числе силовых структур и системы образования. В государственных СМИ систематически проводятся идеи конфессионального превосходства неких «основных традиционных» религий, а для шельмования остальных применяются оскорбительный социальный ярлык «секта», чаще всего, еще и «тоталитарная».

Среди последствий нарушения принципов свободы совести и светскости государства особое беспокойство вызывают: несоблюдение принципа правового равенства религиозных объединений; нарушения законных прав неверующей части общества; неправомерное воспрепятствование (или ограничение) деятельности религиозных организаций; рост насилия и актов вандализма на почве нетерпимости и ксенофобии; распространение в СМИ недостоверной и порочащей информации о деятельности религиозных объединений.

В настоящее время особую озабоченность вызывают рост насильственных акций со стороны «силовых» служб государства, направленных против членов религиозных объединений, и массовые нарушения прав родителей и детей на воспитание, образование и обучение, которое соответствует их религиозным и философским убеждениям.

Очевидно, что для решения системных проблем необходимы системные же подход и работа. Так как кризис охватывает все уровни, на которых формируется реализация свободы совести, то упомянутая работа не должна ограничиваться только уровнем правоприменения (в т. ч. судебной практики). Наука и образование, законодательство и законотворчество, и, наконец, СМИ, также должны стать предметом заботы в контексте борьбы за свободу совести.

Едиственной силой, способной наладить системную работу по реализации принципов свободы совести и светскости государства в России, является правозащитное движение. Несмотря на то, что данная проблематика является правозащитным «тематическим пробелом», в последнее время наметились некоторые положительные сдвиги.

В частности, ряд резолюций в защиту свободы совести был принят Вторым правозащитным съездом, свобода совести признана одним из приоритетов Всероссийского гражданского конгресса, в рамках Комитета действия которого активно работает профильная рабочая группа.

Реализация свободы мировоззренческого выбора привела бы не только к улучшению положения верующих и религиозных организаций, но и к кардинальным изменениям к лучшему в целом ряде областей. Начиная с развития демократических институтов и заканчивая преодолением ксенофобии, нетерпимости и насилия на их почве.

22 февраля 2007
Портал-Credo.Ru

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СТРАСБУРГЕ

Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод 1950 года вступила в силу для Российской Федерации 5 мая 1998 года. Таким образом, Россия признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), а граждане нашей страны, исчерпавшие все национальные средства защиты нарушенных прав, получили право обращаться в ЕСПЧ с жалобами.

Европейский Суд по правам человека был основан в Страсбурге государствами — членами Совета Европы в 1959 году с целью решения вопросов о предполагаемых нарушениях Европейской Конвенции о защите прав человека.

Судебная процедура ЕСПЧ состоит из двух основных этапов: а) определения приемлемости обращения и б) рассмотрение дела по существу. Их предваряет этап переписки заявителя с Секретариатом Европейского Суда вплоть до извещения заявителя о том, что его жалоба направлена правительству для предоставления его позиции по данному делу.

Вопрос приемлемости (соответствия жалобы необходимым формальным критериям) решают Комитет судей или Палата Европейского Суда. На этапе рассмотрения дела по существу Палата Европейского Суда выносит свое решение о том, было ли нарушено какое-то из прав, перечисленных в Европейской Конвенции, или нет.

Решение ЕСПЧ является обязательным для государств, признавших его юрисдикцию, и может предполагать материальную компенсацию причиненного вреда. За всю многолетнюю практику не было зафиксировано ни одного случая неисполнения государствами — членами Совета Европы решений Суда.

Однако, нужно быть готовым к тому, что с момента подачи жалобы до вынесения решения ЕСПЧ может пройти более 5 лет. Увеличение потока жалоб привело к перегрузке системы.

Низкая эффективность судебной ветви власти в России привела к тому, что ряд дел, касающихся защиты свободы вероисповедания, был признан приемлемым для рассмотрения Европейским Судом по правам человека.

Например, 20 октября 2005 г. Европейский Суд по правам человека (Первая секция) рассмотрев жалобу № 10519/03, поданную Петром Баранкевичем против России, объявил жалобу приемлемой, без предварительной оценки ее по существу.

Заявитель — П.И. Баранкевич, гражданин России 1960 г. р., проживающий в г. Чехове Московской области, пастор Церкви евангельских христиан «Благодать Христова».

Ситуация развивалась следующим образом:

9 сентября 2002 г. заявитель от имени своей церкви обратился в Чеховскую городскую администрацию за разрешением на проведение публичного богослужения с 11 утра до 1 часа дня 29 сентября 2002 г.

20 сентября 2002 г. зам. главы Чеховской городской администрации отказал в разрешении. Заявителю было рекомендовано проводить службы и другие религиозные обряды по юридическому адресу церкви или в других помещениях, находящихся в собственности или пользовании членов церкви.

26 сентября 2002 г. заявитель от имени церкви обжаловал отказ городской администрации в суд. Он утверждал, что было допущено нарушение прав на свободу религии и собраний.

11 октября 2002 г. Чеховский городской суд Московской обл. рассмотрел жалобу заявителя и отклонил ее. Суд постановил, что, согласно национальному законодательству, на проведение публичных богослужений и других религиозных обрядов требуется разрешение муниципального органа власти.

4 ноября 2002 г. Московский областной суд оставил в силе решение от 11 октября 2002 г., что повлекло подачу жалобы в Европейский Суд по правам человека.

Кроме вышеупомянутого дела, Европейским Судом были также признаны приемлемыми жалобы №№ 67578/01 Церковь саентологии Москвы против России, а также №№ 76836/01 и 32782/03 Евгений Кимля, Айдар Султанов и саентологическая Церковь г. Нижнекамска против России отказ национальных властей в удовлетворении заявления на перерегистрацию в качестве юридического лица.

На сегодняшний день Европейский Суд рассмотрел по существу два дела из России. В обоих случаях жалобы религиозных организаций были удовлетворены.

5 октября 2006 года Европейский Суд по правам человека удовлетворил жалобу Московского отделения Армии Спасения на отказ национальных властей в перерегистрации в качестве юридического лица.

В решении Европейского Суда говорится, что в случае с Московским отделением Армии Спасения была нарушена ст. 11 (Свобода собраний и ассоциаций) Европейской конвенции по правам человека, понимаемая в свете ст. 9 (Свобода мысли, совести и религии) Конвенции. Помимо этого, Суд постановил, что государство-ответчик Российская Федерация должно выплатить Московскому отделению Армии Спасения 10 тысяч евро в счет компенсации морального вреда заявителя.

Данная жалоба на решение Пресненского суда г. Москвы, который отказал в перерегистрации Московскому отделению Армии Спасения, была подана в 2001 году и признана приемлемой 24 июня 2004 года.

Решение по делу «Кузнецов и другие против Российской Федерации» касательно срыва религиозной встречи «Свидетелей Иеговы» и несправедливого судебного разбирательства по их делу Европейский Суд по правам человека вынес 11 января 2007 года (жалоба № 184/02 была подана 17 декабря 2001 г., признана приемлемой 9 сентября 2004 г.).

Суд единогласно постановил, что имело место нарушение статьи 9 (Свобода мысли, совести и религии) Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод, нарушение статьи 6 (Право на справедливое судебное разбирательство) Конвенции.

В соответствии со статьей 41 Конвенции (справедливая компенсация), Суд постановил, что господину Кузнецову, а в его лице всем заявителям, должны быть выплачены 30000 евро в качестве компенсации морального вреда и 60544 евро в качестве компенсации судебных издержек и расходов.

Европейский Суд по правам человека является международной организацией, которая только при определенных обстоятельствах может принимать к рассмотрению жалобы лиц, полагающих, что их права, гарантированные Европейской Конвенцией по правам человека, были нарушены. Охраняемые права изложены непосредственно в тексте самой Конвенции, а также в Протоколах N 1, 4, 6 и 7, ратифицированных только некоторыми из государств. Для подачи жалобы Вам необходимо ознакомиться с приложенным текстом указанных документов и с оговорками к ним.

5 февраля 2007
Портал-Credo.Ru

В 2010-М СТАЛО ХУЖЕ...
В МОСКВЕ ПРЕДСТАВЛЕН ДОКЛАД
«СВОБОДА СОВЕСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» ЗА 2010 ГОД,
ПОДГОТОВЛЕННЫЙ ПРИ СОДЕЙСТВИИ «ПОРТАЛА-CREDO.RU»

Пресс-конференция «Свобода совести в современной России — от системного кризиса к массовым преследованиям» прошла 4 марта в московском Независимом пресс-центре. В ходе мероприятия был представлен специализированный информационно-аналитический доклад «Свобода совести в Российской Федерации» за 2010 год, подготовленный Институтом свободы совести при содействии Московской Хельсинкской группы и независимого информационно-аналитического издания «Портал-Credo.Ru».

В докладе, посвященном исследованию состояния свободы совести и светскости государства в Российской Федерации в 2010 году, рассмотрены конституционные гарантии этой свободы, законотворчество, проблемы правоприменительной практики, политика федеральной и местных властей, позиция СМИ, состояние правозащиты. Отдельные разделы доклада содержат анализ реализации свободы совести в государственной и муниципальной школе, в Вооружённых силах, других войсках и воинских формированиях, в местах заключения под стражу и лишения свободы.

В пресс-конференции участие председатель Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева, сопредседатель Совета Института свободы совести Сергей Бурьянов, председатель Комитета по свободе совести Национальной Ассамблеи Российской Федерации Сергей Мозговой.

Участники встречи рассказали о массовых религиозных преследованиях под предлогом борьбы с так называемым «религиозным экстремизмом»; проблемах введения конфессионально ориентированных дисциплин в государственной и муниципальной школе и института войсковых священников в

армии; узаконивания антиконституционной передачи религиозным объединениям государственной собственности, в том числе культурных ценностей, в связи с принятием закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности».

Выступивший первым председатель Комитета по свободе совести Национальной Ассамблеи Российской Федерации Сергей Мозговой рассказал о мероприятиях этого органа гражданского общества, направленных на защиту свободы совести и светскости государства. Эксперт отметил значительное ухудшение ситуации в этой сфере и констатировал практическое игнорирование столь важной проблематики партиями, позиционирующими себя в качестве демократических. Будучи профессиональным офицером, Мозговой подробно рассмотрел проблему антиконституционного введения института войсковых священников в российских Вооруженных силах, фактически подрывающего их единство и боеспособность.

Сопредседатель Совета Института свободы совести Сергей Бурьянов остановился на ключевых положениях доклада «Свобода совести в Российской Федерации» за 2010 год и представил свое новое прикладное исследование «Свобода совести и светскость государства в Российской Федерации». Он констатировал массовый характер клерикальной идеологизации в России, которая пронизывает всю «вертикаль власти» сверху донизу, а также силовые структуры, государственные систему образования и СМИ. В частности, по мнению эксперта, включение учебной дисциплины «Основы духовно-нравственной культуры народов России» в федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования приказом Министерства образования и науки РФ за подписью министра А.А. Фурсенко от 17 декабря 2010 г. (приказ N 1897 — «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования») грубейшим образом противоречит Конституции России и должно быть отменено. То же самое касается Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». Сергей Бурьянов считает, что основным недостатком упомянутого закона «является сам факт его принятия», поскольку он явным образом противоречит Конституции России и действующему законодательству РФ. «Фактически закон позволяет по произвольным основаниям передавать государственную собственность (в том числе памятники культурного наследия) полезным для власти религиозным объединениям, включая те из них, которым она никогда не принадлежала», — резюмировал ученый.

По мнению Сергея Бурьянова, системный кризис реализации свободы совести в 2010 году вылился в массовые преследования неподконтрольных власти религиозных объединений: мусульман, Свидетелей Иеговы, саентологов, «альтернативных» православных, протестантов и других. В России не только ущемляются права верующих и религиозных объединений, но и подавляется свобода мировоззренческого выбора как таковая, размываются демократические принципы светскости государства, составляющие основу конституционного строя.

Легендарная правозащитница, председатель Московской Хельсинкской

группы Людмила Алексеева отметила важность отстаивания конституционных принципов свободы совести для демократического развития страны и заявила, что и дальше будет помогать гонимым верующим России. Л. Алексеева полагает, что притязания РПЦ МП в области государственного образования и в ряде иных сфер не имеют правовых оснований и, скорее всего, не принесут блага самой Церкви. Людмила Алексеева призвала реформировать законодательство о свободе совести, которое, по ее мнению, в значительной мере противоречит Конституции России.

Отвечая на вопросы журналистов, Сергей Мозговой и Сергей Бурьянов особо отметили опасность набирающей обороты «бессмысленной, беспощадной и антиправовой по своей сути борьбы с так называемым «религиозным экстремизмом», собственно и служащей предлогом для массовых преследований верующих». В качестве первоочередных, не требующих отлагательства мер для прекращения имеющих место в Российской Федерации массовых системных преследований и дискриминации по мотивам мировоззрения правозащитники призвали к полной отмене ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и прочего «антиэкстремистского» законодательства.

В завершение мероприятия правозащитники ответили на многочисленные вопросы и высказали консолидированное мнение о необходимости объединения усилий для системной работы независимых научно-исследовательских, правозащитных, информационно-аналитических и иных гражданских организаций по защите свободы совести в Российской Федерации.

7 марта 2011

Портал-Credo.Ru

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ

СВОБОДА СОВЕСТИ: ПОЧЕМУ ЕЕ НЕТ, И, СУДЯ ПО ВСЕМУ, НЕ БУДЕТ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?

Право каждого человека на реализацию свободного мировоззренческого выбора является основой основ каждого государства, называющего себя демократией, и поставившего в качестве цели построение процветающего гражданского общества.

Реализуя это право, человек осознает себя, и в отличие от животных, самостоятельно определяет свое место в жизни. Свобода совести, таким образом, включает в себя все многообразие форм систем ориентации (в т.ч. ту, которую называют религиозной), реализуемых единолично и/или коллективно на принципах равенства.

Однако, в последние годы стало очевидным, что принципы свободы совести гарантируются только на словах, а идеалы гражданского общества терпят сокрушительное поражение в России.

К сожалению, фактический отход Российской Федерации от принципа светскости государства, выражающийся в клерикальной идеологизации органов власти и институтов государства, неизбежно ведет к произвольному (по усмотрению власти) регулированию духовно-нравственной сферы.

В результате, навязывание обществу некой «традиционной» (а значит «правильной») религии, оказывает значительное влияние на результаты выборов. Соответственно «нетрадиционные» («неправильные») мировоззрения становятся серьезным препятствием на пути электорального единодушия российского народа и «управляемости» демократией в России.

Перед лицом международного сообщества жалобы в связи с религиозными преследованиями не нужны российской власти. Но они — неизбежные издержки религиозной политики, проводимой с целью удержания власти. Таким образом, свобода совести оказывается заложницей упомянутой политики, а о свободном политическом выборе и реальной смене власти говорить не приходится.

Несменяемая, а значит, практически неограниченная власть естественным образом становится источником неограниченных злоупотреблений и коррупции, делая невозможным процветание экономики и реализацию социальных программ. Кроме того, неограниченная власть провоцирует на себя реакцию, в том числе в такой крайней форме как терроризм.

Сама неограниченная власть сродни терроризму — его катализатор. Она так же аморальна и преступна как и терроризм, ибо монополия на власть оснастила его мотивом, основанным на безысходности и отчаянии.

Желание любой власти ограничивать и «рулить» свободой совести старо как мир и понятно. Еще Н. Бердяев говорил, что «Кесарь никому не хочет давать свободы. Она получается лишь через ограничение царства Кесаря».

В общем, ждать от государства, что оно само себя ограничит и даст свободу совести можно безуспешно долго. Деятельность государственных лиц и структур наглядное тому подтверждение.

Начнем с самого верха. Президент, который по Конституции — гарант

принципов свободы совести — на деле их постоянно нарушает. Путин не только активно позиционирует себя православным, но и делает заявления, что «у нас в основном христианская, православная страна».

Причем православие президента явно тяготеет к версии Московского патриархата РПЦ. О многом говорит посредничество президента многоконфессионального светского государства в переговорах Русской православной церкви за границей (РПЦЗ) и Русской православной церкви Московского патриархата (РПЦ МП).

А вот, например 20 сентября 2003 г. президент России Владимир Путин в своем интервью американским журналистам заявил: «Я глава российского государства. И здесь, как вы знаете, ведущая религия — это Православная церковь, Московский патриархат. Из всех верующих 90% — православные».

Показательно, что на инаугурации Путина 7 мая 2004 г. Патриарх РПЦ — в почетных первых рядах — между вице-премьером и экс-«первой леди».

В начале октября 2004 г. на встрече Владимира Путина с участниками Архиерейского собора РПЦ президент многоконфессионального светского государства говорит о привилегиях и даже о прямом финансировании неких «традиционных конфессий». Это явно противоречит Конституции РФ, не говоря уже о том, что термина «традиционные конфессии» нет в российской правовой системе.

Естественно, в условиях «вертикали» большого знака якобы разделенным ветвям власти и не нужно. Тем более, что правительство фактически является продолжением президентской администрации, а законодатели, подавляющее большинство которых представлено «партией власти», чутко прислушиваются к звукам из Кремля.

Судебная власть не очень претендует на независимость. Как известно, за истекший период Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» неоднократно был предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации.

В своих определениях и постановлении Конституционный Суд РФ избежал признания неконституционными норм, фигурирующих в жалобах. Фактически они не препятствуют религиозной дискриминации, но формально удовлетворяя конкретных заявителей. Выявленный Конституционным Судом «конституционно-правовой смысл» заменяет буквальное толкование ФЗ, не изменяя его антиконституционной сути.

Более того, некоторые из вышеупомянутых решений Конституционного Суда РФ, на самом деле окончательно сводят на нет либеральные завоевания в сфере свободы совести, связанные с ее правовым регулированием. В частности Постановлением КС РФ от 23 ноября 1999 года (в отличие от закона не подлежащим обжалованию и отмене) фактически созданы предпосылки, для введения в российское правовое пространство ряда не правовых понятий «секта», «миссионерская деятельность», «прозелитизм», «вербовка».

Своими решениями КС РФ фактически подтвердил принципы лежащие в основе ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», и позволяющие властным группам контролировать религиозную сферу, на предмет ответственности собственным о ней представлениям. Как говорится и власть сыта, и «солидные» конфессии пока целы.

Возможно это случайность, но решение Головинского суда от 26 марта

2004 г. о запрете религиозной деятельности Свидетелей Иеговы в Москве, по времени совпало с заявлением президента на съезде Кавказских народов о необходимости поддержки «традиционности».

Похоже, что на фоне упомянутых высказываний, законодательное закрепление привилегий для соответствующих конфессий является чисто техническим вопросом.

Наверное не случайно то, что экспертный совет при профильном думском комитете сформирован в основном по «традиционно-конфессиональному» принципу на основе соответствующих рекомендаций. Это значит, что у свободы совести в новой Госдуме нет никаких шансов. Позиция гражданского общества даже не станет предметом обсуждения.

«Силовикам» тоже есть место на празднике религиозной политики. Торжественность момента не ограничивается обращением высшего командного состава к православным ценностям, открытием кафедр «духовной культуры», духовным окормлением военнослужащих и освящением сотрудников милиции чудотворными иконами.

По мнению руководства армии, МВД, ФСБ и прочих «силовых» структур государства, лучшей помощи «традиционным» религиям, чем ограничение «нетрадиционных» и быть не может. А значит борьбе с «сектами» быть и крепнуть. По городам и весям страны прокатилась волна конференций с участием, а то и на базе, «силовых» вузов и структур. Названия говорят сами за себя: «Православие — духовная основа жизни российских вооруженных сил», «Социально-опасные религиозные объединения и организационно-правовые, морально-психологические меры контроля за их деятельностью в Нижнем Новгороде», «Тоталитарные секты — угроза XXI века» и т.п.

Над соответствующим научным обоснованием вообще, и в частности, над ответом на вопрос кого считать «сектами», трудятся ученые-«иловики». Успешная защита диссертаций, посвященных «духовной безопасности», «религиозному экстремизму» и «сектантству» не оставляет места здоровому оптимизму. Практически любая религиозная организация и просто социальная группа, без всяких законных оснований, может стать объектом внимания «компетентных» органов.

На главного государственного правозащитника в лице уполномоченного по правам человека в РФ рассчитывать не приходится. Вся защита свободы совести сводится к вялому рассмотрению жалоб. За время своей деятельности профильный отдел аппарата уполномоченного восстановил нарушенные права граждан или религиозных объединений лишь в 100 случаях (примерно 15% от числа принятых к рассмотрению обращений).

На совещании ОБСЕ по вопросам человеческого измерения, проходившей с 6 по 15 октября 2004 г. в Варшаве, начальник отдела сотрудничества с общественными объединениями аппарата уполномоченного М.И. Одинцов в некоторых нарушениях свободы совести обвиняет «человеческий фактор», т.е. чиновников.

О кризисе свободы совести, предопределенном антиконституционным законодательством и коррумпированными государственно-конфессиональными отношениями, речь вообще не идет. Очевидно, поставленная в годы советской власти задача «показывать всем, что у нас есть свобода совести», и сегодня остается актуальной.

Что касается Комиссии по правам человека при президенте РФ, то пусть она лучше ничего не делает. То о чем говорит ее председатель Элла Памфилова, к защите свободы совести не имеет никакого отношения. Скорее наоборот.

Так на мероприятии «Достоинство и свобода личности: православный и либеральный взгляд» от 1 июля 2004 г. Памфилова озаботилась угрозой правам человека со стороны «тоталитарных сект». Кроме того, она выразила готовность сотрудничать в «антисектантской» борьбе.

При этом председателя президентской комиссии ничуть не смутило отсутствие в российской правовой системе термина «секта». А значит, борьба предстоит нешуточная и неправоваая.

Если с государством все ясно, то возникает вопрос: А что же гражданское общество? Да и религиозные организации постоянно называют его важнейшими институтами.

Но увы, религиозные организации способны бороться за свободу совести каждому в лучшем случае на стадии своего становления. Когда же они становятся «традиционными» (а в западной версии «солидными») и вступают в диалог с властью, то показывают свое корпоративное обличье, далекое от интересов гражданского общества. Это уже не говоря о неустойчивости и «помраченности» конфессиональных лидеров перед соблазном и грехом, вытекающих из союза религии и политики.

Впрочем, корпоративные интересы конфессий объективно обусловлены притязанием оных на абсолютную истину. Поэтому устремленность за пределы религиозной свободы, а именно в сферу государственных предпочтений, во многом закономерна.

В указанном контексте не сильно удивляет поддержка антиконституционных инициатив и мероприятий «традиционными» лидерами.

Еще в 1993 г. идея ограничения деятельности иностранных миссионеров была поддержана лидерами «основных» конфессий.

В 2001 г. многие главы религиозных объединений выступили с письмами поддержки проекта концепции государственно-конфессиональных отношений, «изюминкой» которого была идея введения антиконституционного термина «традиционные религиозные организации». Это напоминает советское «по просьбам трудящихся», в роли которых выступают религиозные лидеры.

Они же письменно поддержали справочник «Новые религиозные организации России деструктивного оккультного и неязыческого характера», не раз служивший поводом для нарушений прав «нетрадиционных» верующих.

Среди совсем свежих примеров: одобрение Межрелигиозным советом России (объединяющего духовных лидеров православия, ислама, иудаизма и буддизма) ликвидации по суду московской общины Свидетелей Иеговы, поддержка ими же введения Основ православной культуры (фактически Закона Божия), предложение главному раввину Федерации еврейских общин Берл Лазара принять закон о запрете деятельности «сект».

Но председатель Духовного управления мусульман Нижнего Новгорода и Нижегородской области Умар хазрат Идрисов пошел еще дальше, предложив поделиться с ФСБ и милицией информацией о конкретных «лжемусульманских» течениях, имеющихся в Нижегородской области.

29 сентября 2004 года в Московском Кремле под председательством самого Владимира Путина состоялось заседание Совета по взаимодействию с

религиозными объединениями, который при нем (президенте Российской Федерации). Заседание было посвящено «деятельности религиозных организаций по консолидации гражданского общества, противодействию глобальной угрозе терроризма и экстремизма».

Участники заседания единодушно осудили заказчиков и исполнителей террористических актов, поддержали действия российских властей по обеспечению безопасности граждан. Было отмечено, что для отпора терроризму необходимо объединение усилий государства и гражданского общества, в том числе религиозных организаций.

Показательно то, что о неограниченной власти и соответствующей антиконституционной религиозной политике в качестве причин терроризма религиозные лидеры ничего не сказали. Это не говоря уже о постоянной и безоговорочной поддержке той же религиозной политики, теми же религиозными лидерами — членами президентского совета.

Таким образом, чрезмерная влияние «традиционных» конфессионально ориентированных структур в области реализации свободы совести создает немало поводов для опасений. С сожалением приходится констатировать, что вышеупомянутые структуры ведут себя в области свободы совести «как слоны в посудной лавке». Прежде гонимые, воспользовавшись религиозной свободой, слишком быстро становятся ее гонителями.

Анализ деятельности правозащитного движения лишь усиливает впечатление, что свобода совести в России вообще никому не нужна.

Как правило, правозащитники под свободой совести понимают только свободу вероисповеданий, а их деятельность носит хаотический, громкий, эпизодический характер: заявления по выставке в Сахаровском центре, процесс по учебнику ОПК, поддержка хиджаба и т.п. Увлечшись критикой РПЦ МП, правозащитники редко доходят до объективной оценки ситуации в области свободы совести и отношений государства с религиозными объединениями. Систематический мониторинг нарушений прав человека, касаемо области свободы совести за редким исключением не адекватен.

До принятия на Конференции гражданских организаций предложенной Институтом свободы совести (ИСС) резолюции «О состоянии реализации свободы совести и тенденциях в отношениях государства с религиозными объединениями» тема свободы совести вообще не звучала.

Правозащитники наряду с демократическими партиями, выбывшими из состава Государственной Думы, несут ответственность перед обществом за результаты выборов, на которые решающее влияние оказало использование политтехнологами власти фактора государственно-конфессиональных отношений.

Использованию указанного фактора правозащитники и демократы не противопоставили вообще ничего. Обращения ИСС оказались гласом вопиющего в пустыне. Тревожно то, что, судя по всему, правозащитники и дальше ничего не собираются делать в данной сфере.

Но все же научная неразработанность является фоном, определяющим плачевное состояние свободы совести в России, а за одно и коррупционный характер государственно-конфессиональных отношений. Увы, здесь основной для оптимизма почти нет. Тем более, что «официальная наука» в данной сфере является служанкой власти, осуществляя наукообразное обоснование подмены свободы совести религиозной политикой.

Прежде всего, речь идет о кафедре религиоведения РАГС при президенте РФ, с которой пытаются конкурировать конфессионально ориентированные структуры вроде РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права».

В интервью, посвященном юбилею РАГС, заведующая Ольга Васильева говорит о «государственных» приоритетах кафедры. Наряду с переподготовкой чиновников, взаимодействующих с религиозными объединениями, подразумеваются учебное, научное, экспертное направления работы. Представление о качестве методических материалов, выпускаемых кафедрой религиоведения можно получить на основании экспертного заключения. (См.: Бурьянов С.А., Мозговой С.А. Экспертное заключение в связи с выпуском методических материалов «Государственно-конфессиональные отношения» (издательство Российской академии государственной службы при Президенте РФ 2003 г.) // Портал-Credo.ru, www.portal-credo.ru, 17 ноября 2003, <http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=news&type=archive&day=17&month=11&year=2003&id=15210>).

Но с особой гордостью Васильева говорит о разработке концепции религиозной политики. Экспертиза соответствующего проекта неутешительна — концепция противоречит Конституции РФ (<http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=fresh&id=195>).

В упомянутом контексте спекуляции на трагедии жертв терроризма выглядят цинично. Так как религиозная политика (предмет разработок кафедры) направлена на формирование мировоззренческого единомыслия и авторитаризацию власти, то терроризм (как реакция на монополизацию власти) является одним из ее плодов.

Фактически правовое регулирование в области свободы совести «исторически» базируется на некорректных с юридической точки зрения принципах, не имеющих четких правовых критериев и соответствующем понятийном аппарате, частично заимствованном из теологии, а потому заведомо не годном.

С учетом интересов власти, конфессиональных и профессиональных корпораций свобода совести подменяется свободой вероисповеданий, права человека — правами объединений, религия — идеологией, а в результате приоритет права подменяется приоритетом политики.

Влияние конфессионально ориентированных структур на уровнях науки и образования оказывает негативное влияние на состояние свободы совести.

Как правило, деятельность соответствующих центров при конфессиональных учебных заведениях (или ассоциации конфессий, самая известная из которых Международная ассоциация религиозной свободы (МАРС)) направлена на реализацию своих корпоративных интересов.

Естественно, что религиозная свобода для всех религиозных организаций, и тем более свобода совести для каждого, не является их целью. По принципиальным вопросам законодательного уровня они не хотят ссориться с властью, и, в общем, не их это дело «воевать» в правовом поле.

Тем не менее, упомянутые структуры позиционируют себя научными, правозащитными и фактически имеют реальное влияние, которое оказывается фатальным для свободы совести. Нередко дело доходит до манипулирования научным сообществом и создания препятствий научному обмену.

Научная разработанность проблематики свободы совести самым непо-

средственным образом связана с деятельностью благотворительных фондов. Они предпочитают щедро финансировать борьбу за толерантность и против ксенофобии, превращая их в кормушку, наряду с федеральной целевой программой «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе на 2001-2005 годы».

Никто не спорит борьба за толерантность дело нужное, но при этом упускается из виду, что ее достижение (в т.ч. уважения к свободе мировоззренческого выбора) не возможно без реализации свободы совести (свободы мировоззренческого выбора) и взаимосвязанных с ней принципов составляющих основу строя (светскости государства, равенства религиозных объединений и граждан вне зависимости от отношения к религии).

Соответственно деструктивные процессы в области свободы совести (кризис) и отношений государства с религиозными объединениями (системная коррупция) лежат в основе ксенофобии, нетерпимости и дискриминации. Очевидно, что борьба только со следствиями не может быть эффективной.

Кроме того, уровень толерантности «в народе» России всегда был достаточно высок, и остается таковым сегодня (о чем говорят результаты социологических исследований). Гонения всегда исходили и провоцировались властью и сросшейся с ней конфессиональной бюрократией.

В общем, подлинной свободы совести никогда не было. Сегодня ее ценности не вполне осознаны и в науке, и в обществе. Так как на всех уровнях доминируют групповые интересы, то и в ближайшее время свободы совести не будет.

В качестве позитива необходимо формировать новое научное поле — «вытащить» тему свободы совести из узкого круга устаревших научных подходов, политических и корпоративных интересов. В реалиях XXI века она должна стать предметом заботы широкого научного сообщества.

Необходима коренная научная ревизия и демократическая реформа принципов и понятийного аппарата, разработка и продвижение новой парадигмы свободы совести, направленной на разграничение религии и политики, реализацию антикоррупционной стратегии в отношениях государства с религиозными объединениями. Абсолютным приоритетом являются права человека и глобальный контекст мирового развития.

В своё время произошла эволюция от веротерпимости к религиозной свободе. Сегодня необходим переход от концепции религиозной свободы для верующих (не отрицая, но расширяя) к свободе совести, как свободе мировоззренческого выбора для каждого.

Достижение религиозной свободы возможно только посредством реализации свободы совести. В противном случае она вырождается в реализацию корпоративных интересов «традиционных» и «солидных» религиозных организаций.

Прав Кронид Любарский, который сказал, что «такое странное свойство у прав человека: нельзя гарантировать права узкой категории населения, так как это делает все общество бесправным. Это создает некое общество, которое начинает улетать само себя».

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Изъятие храмов Российской православной автономной церкви (РПАЦ) — проявление системного кризиса реализации свободы совести». Заявление Института свободы совести.

5 февраля 2009 года Арбитражный суд Владимирской области удовлетворил иски Территориального управления Федерального агентства РФ по управлению госимуществом к общинам Российской православной автономной церкви (РПАЦ) и постановил изъять в пользу государства 13 храмов в Суздале и окрестностях.

Мы считаем, что неправовое решение Арбитражного суда Владимирской области является вопиющим, но лишь одним из многих проявлений системного кризиса реализации конституционной свободы совести и свободы вероисповедания в России. Не меньшие ущемления прав верующих наблюдаются и в отношении других религиозных организаций «альтернативного православия», исламских и других оппонировавших официальной «государственно-религиозной» идеологии и неподконтрольных власти, конфессий.

Мы осуждаем религиозную политику власти, коррумпированные государственно-конфессиональные отношения и их последствия: несоблюдение принципа правового равенства религиозных объединений; нарушения законных прав неверующей части общества; неправомерное ограничение и воспрепятствование деятельности религиозных организаций; рост насильственных акций со стороны «силовых» структур государства, направленных против членов религиозных объединений; рост насилия и актов вандализма на почве нетерпимости и ксенофобии; распространение в СМИ недостоверной и порочащей информации о деятельности религиозных объединений.

В условиях нарастания негативных тенденций в сфере государственно-конфессиональных отношений, когда право стало заложницей политики, а гнойники запущенных социальных болезней постоянно прорывает, адвокату ре становится всё сложнее бороться со следствиями религиозной политики режима. Поэтому мы считаем необходимым консолидацию всех здоровых сил общества с целью налаживания постоянной системной работы по реализации свободы совести в России. Для реанимации демократии в России необходимо добиваться прекращения порочной религиозной политики властей, и осуществление общественного контроля над государственно-конфессиональными отношениями.

Мы обращаемся к политическим партиям, общественным объединениям, правозащитному движению выступить в защиту свободы совести, в т.ч. законных прав верующих Российской православной автономной церкви (РПАЦ).

11 февраля 2009 года
Сопредседатели Совета Института свободы совести,
С.А. Бурьянов, С.А. Мозговой

ЗАЯВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА СВОБОДЫ СОВЕСТИ ПРОТИВ ЗАКРЫТОСТИ И ЦЕНЗУРЫ В ОБСУЖДЕНИИ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ

В январе 2009 года было объявлено о Международной научной конференции «Религия в современном обществе», намеченной на 2—3 февраля в Академии труда и социальных отношений (АТиСО). Организаторами конференции выступили Академия труда и социальных отношений РФ и Международный центр изучения религии и права университета им. Бригама Янга, США (International Center for Law and Religion Studies, Brigham Young University, USA).

21 января 2008 года Институт свободы совести (ИСС) отправил письмо-запрос на предмет участия в мероприятии сотрудников ИСС, преподавателей и аспирантов московских вузов, однако ответа не последовало. Позвонив по указанному в объявлении контактному телефону, сотрудник ИСС выяснил, что список докладчиков уже сформирован. Более того, выяснилось, что существуют проблемы с проходом в здание академии, поскольку пропуск туда якобы «нужно заказывать за три недели».

При этом, 2 февраля директор Международного центра изучения религии и права университета им. Бригама Янга Кол Дурем (Cole Durham) сказал, что инициатором отказа является АТиСО, а в ректорате АТиСО сказали, что не имеют к конференции никакого отношения.

Было непонятно, кто несёт ответственность за цензуру и создание препятствий научному обмену, поскольку ведущим экспертам в области свободы совести не удалось представить свою позицию по ключевым вопросам отношения государства с религиозными объединениями.

И вот 5 февраля заместитель директора Департамента по связям с общественностью в Восточной Европе Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (мормонов) Андрей Филимонов в своем блоге сообщает, что упомянутое решение на самом деле было принято руководством церкви. При этом он сравнивает Международную научную конференцию «Религия в современном обществе» с частной «вечеринкой», на которую пускают только друзей.

Таким образом, решение о закрытости для независимых экспертов Международной научной конференции «Религия в современном обществе», прошедшей 2-3 февраля 2009 года в Академии труда и социальных отношений (АТиСО), было принято руководством Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (мормонов).

Более того, сразу после конференции в сети Интернет вышел ряд вероятно заказных материалов, наряду с хвалебными отзывами о конференции, содержащих недостоверную и порочащую информацию о ИСС и личные оскорбительные выпады, адресованные его сотрудникам.

Это вторая известная ИСС жестко цензурируемая конференция. В феврале 2004 года представителей ИСС пытались «непустить» на конференцию «Религия в современных политических процессах» в РАГС при Президенте РФ (<http://atheismru.narod.ru/humanism/journal/31/buryanov.htm>, <http://atheismru.narod.ru/humanism/journal/34/buryanov.htm>). По уже закономерному стечению обстоятельств она также была организована при поддержке Международного центра изучения религии и права университета им. Бригама Янга в

лице Кола Дурема.

Институт свободы совести заявляет:

что международные научные конференции несовместимы с закрытостью, блокированием открытой научной полемики, и тем более, откровенной цензурой;

что любые контакты государственных служащих с религиозными объединениями должны быть подконтрольны гражданскому обществу;

о недопустимости чьей-либо монополии на обсуждение общественно значимых проблем, в т.ч. отношений государства с религиозными объединениями;

о недопустимости государственного и конфессионального контроля над религиоведением и религиоведческим сообществом;

о недопустимости замалчивания истинных масштабов и причин преследований по мотивам религии или убеждений;

о недопустимости организованной травли независимых экспертов, в т.ч. за несогласие с их научной позицией.

Институт свободы совести требует:

прекращения Международным центром изучения религии и права университета им. Бригама Янга практики препятствий научному обмену, цензуры, непрозрачности взаимоотношений с государственными чиновниками;

извинений от Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (мормонов) за цензуру и неэтичное поведение её структур, сотрудников и работников.

17 февраля 2009 года

Сопредседатели Совета Института свободы совести,
С.А. Бурьянов, С.А. Мозговой

ЗАЯВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА СВОБОДЫ СОВЕСТИ

Институт религиоведческой экспертизы должен быть упразднен, «анти-экстремистские» законодательство, списки религиозной литературы и структуры должны прекратить существование»

В последнее время, в связи с неправомерными расширением полномочий Экспертного совета по религиоведческой экспертизе при Министерстве юстиции Российской Федерации, увеличением списка «экстремистских» материалов, массивным формированием силовых подразделений по противодействию «экстремизму», крайне актуализировался вопрос о соответствии упомянутых феноменов принципам права и Конституции России.

Институт свободы совести считает, что:

— само существование института религиоведческой экспертизы (и прочих органов по делам религий), «антиэкстремистского» законодательства, списков «экстремистской» литературы, специализированных «антиэкстремистских» силовых структур противоречит конституционным принципам свободы совести (ст. 28) и светскости государства (ст. 14), несет угрозы правам человека, стабильности общества, безопасности государства;

— конституционные свобода совести и светскость государства несовместимы с неправомерными ксенофобскими ярлыками и стереотипами: «секта», «ваххабизм», «религиозный экстремизм», «исламский терроризм» и т.п.;

— понятие «экстремизм», не смотря на законодательное закрепление, является неправовым и крайне спорным с общенаучной точки зрения;

— юридическая техника не допускает использования в нормативно-правовых актах понятий, имеющих множественное и субъективное толкование, изначально предопределяющих коррупциогенность и злоупотребления в сфере правоприменения;

— четкие правовые (а возможно и научные) критерии мировоззренческой сферы, в т.ч. правовое понятие «религии» отсутствуют и их создание невозможно;

— особенно с учетом современного состояния религиоведческих науки и общества, применение религиоведения (не говоря уже о теологии) в сфере свободы совести и отношений государства с религиозными объединениями неизбежно ведет к неправомерному вмешательству власти в религиозную сферу, к коррупции, и даже к современной версии инквизиции — «охоте на ведьм»;

— предложения о формировании «судебного религиоведения» или «религиоведческого правоправедения» представляются не состоятельными с правовой точки зрения.

Институт свободы совести заявляет, что:

— Экспертный совет по религиоведческой экспертизе при Министерстве юстиции Российской Федерации должен быть распущен, а институт религиоведческой экспертизы упразднен;

— «антиэкстремистские» законодательство и списки литературы должны быть отменены, а силовые структуры должны быть расформированы;

— государственные служащие должны нести ответственность за применение в своей деятельности неправовых, и особенно разжигających рознь и нетерпимость по мотивам религии или убеждений понятий: «секта», «ваххабизм», «религиозный экстремизм», «исламский терроризм» и т.п.

— заинтересованные в личной выгоде государственные чиновники, религиоведы, теологи, адвокаты и пр. должны оставить свободу мировоззренческого выбора в покое, а ее реализация должна осуществляться на общих с иными общественными некоммерческими объединениями конституционно-правовых основаниях.

12 апреля 2009 года

Сопредседатели Совета Института свободы совести,

С.А. Бурьянов, С.А. Мозговой

ЗАЯВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА СВОБОДЫ СОВЕСТИ В СВЯЗИ С КЛЕРИКАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИЗАЦИЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

С 90-х годов прошлого века в многонациональной и поликонфессиональной России начался период религиозной свободы, наступивший после десятилетий тотального господства атеизма в качестве государственной идеологии. Наряду со свободой совести, светскостью государства, равенством религиозных объединений и граждан законодательство России предполагает право на получение религиозного образования в формулировках Федеральных

законов «Об образовании» и «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Таким образом, действующее законодательство России допускает религиозное образование в государственной светской школе: «по просьбе родителей или лиц, их заменяющих, с согласия детей, обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, администрация указанных учреждений по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления предоставляет религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы» (п.4 ст.5 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»).

Следует отметить, что религиозного образования без ориентации на ту или иную религию (конфессию) не существует. Кроме того, оно нацелено на формирование соответствующего мировоззрения. Религиоведение же предполагает воспроизводство знаний о религии (религиях), но не мировоззрения. Четкая дефиниция «религиозного образования» весьма затруднительна, так как правовое определение «религии» отсутствует в принципе, а религиоведческих более 200.

Зачастую светскость ошибочно отождествляют с секуляризмом, подразумевающим отрицание религии (атеизм). С юридической точки зрения максимально корректным является определение светского характера государства (включая характер государственной системы образования) как мировоззренчески нейтрального, равноудаленного, безоценочного. То есть не отдающего предпочтения вообще никакому мировоззрению: ни религиозному, ни атеистическому, ни иному. Современная светская государственная школа должна исключать навязывание какого-либо мировоззрения.

В данном контексте, следует отметить, что исторически сложившееся разделение мировоззрений на «религиозное» и «антирелигиозное», и соответственно людей их разделяющих на «верующих» и «неверующих», не вполне корректно при применении в современной правовой системе. В тоже время, данное разделение позволяет использовать религию в политических целях и манипулировать индивидуальным, коллективным и общественным сознанием с целью удержания власти («разделяй и властвуй»).

Нет сомнений, что в соответствии с законодательством, религиозное образование в государственной школе должно быть только добровольным. Вопрос о финансировании религиозного (конфессионального) образования вызывает наиболее острые и противоречивые споры, но ответ нужно искать в конституционно-правовом поле. Исходя из принципов свободы совести, светскости государства, равенства религиозных объединений и других взаимозависимых принципов, составляющих основу строя, государство не должно финансировать деятельность религиозных организаций (в том числе религиозное (конфессиональное) образование). Таким образом, упомянутое образование, как в стенах светской школы, так и вне ее, должно финансироваться за счет самих верующих и религиозных организаций. Это касается как теологии в высшей школе, так и «Основ православной культуры» (ОПК) в общеобразовательной.

В тоже время, в современной России имеют место направляемые «сверху» попытки подменить законодательно закрепленное право каждого на религиозное образование некой антиконституционной обязанностью государства

финансировать конфессиональное образование для избранных (так называемых «традиционных») религиозных организаций, и к тому же в рамках государственной системы. При этом правовых критериев «традиционности» не существует, и создать их невозможно.

Указанные тенденции ведут к тому, что «нетрадиционно» верующих не только ограничат в правах на религиозное образование, но и вместе с остальными инакомыслящими налогоплательщиками фактически заставят оплачивать конфессиональное образование, а в конечном итоге сакрализацию власти. Нечто подобное было до 1917 г., но уроки истории похоже на пользу не пошли. Действия и заявления государственных чиновников (в том числе Минобразования) говорят, что многоконфессиональная Россия опять наступает на старые конфессиональные грабли.

Анализ российской истории конца XIX — нач. XX в.в. позволяет говорить об упадке религиозного образования в общеобразовательной школе, обусловленным во многом, его обязательностью (тоже самое происходит сегодня во многих странах). А в российских университетах никогда не было богословских факультетов, т.е. в структуру высшей школы богословское образование вообще никогда не входило.

Среди самых очевидных деструктивных последствий конфессиональных предпочтений власти (в т.ч. в области образования) — расслоение общества по мировоззренческим признакам, разложение конституционных принципов, составляющих основу строя, стимулирование сепаратизма, угрожающего национальной безопасности государства и чреватого распадом федеративной системы. Непродуманная и опасная политика конфессиональных предпочтений федерального центра не просто способствует, а является причиной поддержки сепаратистов в «неправославных» регионах значительной частью населения, чувствующих себя гражданами второго сорта и даже чужими в «православной России».

Если устремленность в «закрома Родины» и инициативы по введению теологии и ОПК со стороны РПЦ МП (как и любой религиозной организации, претендующей на обладание истиной в последней инстанции) в значительной мере закономерны и юридически ненаказуемы, то деятельность государственных служащих должна получить правовую оценку. Обнадеживающим прецедентом может и должно стать привлечение к ответственности чиновников Министерства образования РФ за антиконституционную деятельность, выражающуюся в клерикализации государственной системы образования, сопряженную с политической коррупцией в области отношений государства с религиозными объединениями.

В тоже время религиозным лидерам необходимо осознавать ответственность и помнить, что условием принадлежности религиозных организаций к институтам гражданского общества является их не зависимость от даров государства. В противном случае религиозные организации становятся придатком государства и идеологическими служанками власти. Очевидно сращивание государства и церкви в России зашло далеко, если власть говорит о духовности, а церковь о деньгах.

Что касаясь роли государства (в лице российских коррумпированных, приблизительно на уровне Колумбии, чиновников) относительно религиозного (конфессионального) образования, то она должна выражаться одной

фразой. НЕ МЕШАТЬ! И вообще самая большая услуга, которую может оказать власть религии — оставить ее в покое. Соответственно правовое регулирование деятельности религиозных объединений должно осуществляться на общих с иными общественными некоммерческими объединениями правовых основаниях как юридических лиц.

Очевидно, что навязывание религиозного (конфессионального) образования государственной школе не станет благом ни для церкви, ни для общества, ни для государства. Основа подлинной демократии и стабильности в обществе отнюдь не в использовании религии в политических целях и сакрализации власти, на основе протаскивания государственных вероисповедных предпочтений, а реальное воплощение в жизни общества и государства комплекса конституционных принципов, составляющих основу строя.

В целом, необходимо установление независимого от власти и конфессиональной бюрократии гражданского контроля относительно области отношений государства с религиозными объединениями, пораженной коррупцией (вместе со всей системой государственного управления). Чтобы добиться ее прозрачности, публичности, информированности общественности необходима консолидация усилий гражданских организаций (научно-исследовательских, правозащитных, иных).

1 февраля 2004 года

Сопредседатели Совета Института свободы совести,
С.А. Бурьянов, С.А. Мозговой

ОБ АВТОРЕ

Сергей Анатольевич Бурьянов

Кандидат юридических наук. Сопредседатель Совета, ведущий научный сотрудник Института свободы совести.

Имеет более 160 научных публикаций, в т.ч. на английском языке.

Автор монографий: «Религия на выборах в России. Фактор отношений государства с религиозными объединениями в федеральном избирательном цикле 2003-2004 года» (2005), «Ксенофобия, нетерпимость и дискриминация по мотивам религии или убеждений в субъектах Российской Федерации в 2006 — первой половине 2007 гг.» (2007), «Свобода совести в Российской Федерации» (под редакцией С.А. Мозгового) (2008), «Реализация конституционной свободы совести и свободы вероисповедания в Российской Федерации» (под редакцией Ф.М. Рудинского) (2009), «Свобода совести и светскость государства в Российской Федерации. Теоретико-прикладное исследование за 2009 — начало 2010 гг.» (2010).

Соавтор монографий: «Проблема реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России» (2004), «Гражданские права человека в России: современные проблемы теории и практики» (под редакцией Ф.М. Рудинского) (2004, второе издание 2006, третье издание 2010), «Свобода убеждений, совести и религии в современной России» (2007), «Civil human rights in Russia: modern problems of theory and practice» (под редакцией Ф.М. Рудинского) (2008).

Составитель книг: «Свобода вероисповедания, государственно-конфессиональные отношения и протестантизм в России». «Круглый стол» в Измайлово, 16 января 2002 г. (под редакцией С.А. Бурьянова и С.А. Мозгового) (2002), «Гражданское общество против ксенофобии, нетерпимости и дискриминации по мотивам религии или убеждений» (2007).

Имеет публикации в журналах «Век глобализации», «Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Юридические науки», «Государство и право», «Здравый смысл», «Закон и право», «Кавказские научные записки», «Конституционное и муниципальное право», «Национальная безопасность», «Отечественные записки», «Политика и общество», «Право и жизнь», «Право и политика», «Религиоведение», «Современное право», «Юридический мир» и др.

Публиковался в газетах «Иностранец», «Московские новости», «НГ-Религии», «Независимая», «Гражданин», и др., автор более 250 информационно-аналитических материалов в интернет-изданиях.

Лауреат конкурса научно-педагогических работников ГОУ ВПО МГПУ 2010 года в номинации «Лучшая монография» за научное исследование «Реализация конституционной свободы совести и свободы вероисповедания в Российской Федерации».

Лауреат премии Московской Хельсинкской группы в области защиты прав человека за 2010 год в номинации «За экспертную и научную деятельность в области прав человека».